

альманах

АБЗАЦ

поэзия

проза

эссеистика

переводы

вып. 5

ББК 84

А 14

Составление и общая редакция

Данила Давыдов

Техническая редакция

Анна Голубкова

Идея обложки Асии Момбековой

Верстка Елены Ивановой

Абзац: альманах. Вып. 5. – Москва, 2009. – 308 с.

Как и полагается всякому уважающему себя изданию, после четвертого выпуска в редакции альманаха возникли непреодолимые разногласия. После долгих и продолжительных дискуссий по поводу дальнейшей судьбы издания редакция решила разделить и составить два отдельных выпуска в соответствии с разными концепциями. В пятом выпуске реализовано видение Данилы Давыдова. Шестой выпуск, при благоприятном стечении обстоятельств, продемонстрирует концепцию издания, разработанную Анной Голубковой.

© «Абзац», альманах, 2009

Содержание:

Татьяна Щербина. Стихи 2008 года.	5
Ирина Добрушина. Три рассказа.	21
Юлия Скородумова. Человек по имени Владимир. Стихи.	29
Наталия Черных. Господин с Северо-Запада. Эссе.	37
Дмитрий Кузьмин. Стихи.	49
Юрий Цаплин. Лак. Рассказ.	53
Илья Кукулин. Стихи.	59
Виктор Иванов. Рассказ собаки Витима.	65
Андрей Сен-Сеньков. Vitalia. Стихи.	68
Дмитрий Дейч. Из цикла “Прелюдии и фантазии”. Рассказы.	72
Мария Галина. Под колпаком звезд. Стихи.	89
Мария Ботева. Известные темы. Короткие заметки.	92
Игорь Жуков. Стихи.	103
Сергей Морейно. The Dark Side of the Moon. Рассказы.	112
Анастасия Афанасьева. Стихи.	125
Георгий Геннис. Ветер меркнувшего сознания. Свободные стихи и рассказы.	134
Мария Ташова. Стихи из разных циклов.	146
Мария Галина. Москва. Эссе.	158
Алла Горбунова. Стихи.	161
Владимир Тучков. Н.В. Гоголь как пилотный проект отечественного мессианства. Статья.	168
Ян Шенкман. Стихи.	176
Андрей Мирошкин. Поэт и Президент: Случаи.	181
Айвенго. ГАЗПРОМ und ГАСТРОНОМ. Стихи.	185
Андрей Князев. Рассказы.	191

Алена Агеева. Стихи.	199
Алексей Шепелёв. 'ТАТУ' - FOREVER! Эссе.	204
Александр Петрушкин. Стихи.	217
Павел Байков. Измерения Бай-Го-Фу. Мысли и максимы.	223
Кирилл Корчагин. Судьба женщины в традиционном обществе. Стихи.	233
Ду Фу / пер. с китайского Наталии Азаровой	238
Пётр Казарновский. Стихи.	252
Сергей Круглов. Игорь Бобырев. Болезнь-к-жизни. Эссе.	259
Игорь Бобырев. Стихи.	262
Тимофей Дунченко. PLUG-IN(S). Стихи.	265
Сергей Гузев. Стихи.	279
Илья Стронговский. Монологи / пер. с украинского Дмитрия Кузьмина	286
Данила Давыдов. Полный самолюбования текст. Вместо послесловия	296
Сведения об авторах	303

Татьяна ЩЕРБИНА

СТИХИ 2008 ГОДА

РОССИЯ И ЕВРОПА

Европе всегда сорок лет,
а России шестнадцать,
девочка с бантиком, хочет нравиться,
дома ругаются, трудное детство,
деды, сидевшие и стрелявшие,
родину защищавшие,
но так и не защитившие.
Крепостная и фрейлина
в своем позапрошлом веке,
узнали, что сообща продолжали род,
став прабабками
родителей девочки с бантиком,
обделенных бабками,
которые Европы родители
зарабатывали, победители,
а тут их сбрасывали охапками,
пусто-пусто и густо-густо,
одним брильянтами, другим капустой,
несмотря на революционную мутацию.
Только водка объединяет нацию.
Девчонке молоденькой, в бантиках,
хочется неба в брильянтиках.

Европе сказали: «сорок лет – бабе век»
век назад, а ей всё сорок,
может, и шестьдесят,
но с подтяжками сорок,
а России с натяжкой шестнадцать,
это мальчишка, в детской колонии,
вешал училку, заснял на мобилку
чтоб родители-интеллехенты
всплескивали ручонками: сын – дебил,
хочет свести нас в могилку.

Мальчик Россия вольный,
он себе выберет претендента
на звание предка, дедушки малолетка,
все на одной качались когда-то ветке,
евродядька еще попросит его: спаси!
любовник старый, а все красивый, в своей беретке,
его имам – ам, тут-то ему и понадобится хам
с навыками спецназа.
Старый развратник мальчика рад послушать,
только хочет пока что побольше газа,
лучше девочка, все же, насколько лучше!

Саше

Скажи: «солнце еще не село,
негр, за работу!»,
а то я устала и обалдела,
не побеждает зевоту
кофе – падает сквозь, как луч, а тучки
остаются ватой,
возьми меня на ручки
(на ручки уже поздновато,
а на поруки – рано).
Не вставая с дивана,
скажи: руки вверх!
а то они опускаются, искушаются
гравитацией, столь опасной для всех.
Скажи, чтоб сменили позу
мозги, соскальзывающие
от авитаминоза
с любой из мыслей,
скажи! Пока они не прокисли,
за них можно вытащить себя из болота
весеннего отупения,
скажи: «негр, за работу,
получишь пенни».

ПЕНСИОНЕРЫ

В Москве орудует банда
одиноких пенсионеров,
они выбирают себе женщину,
одну или двух,
и сталкивают на рельсы.
Они приходят на платформу метро
будто бы для того, чтоб куда-то ехать,
а ехать им некуда:
поликлиника рядом
и рыночек, пенсия на дом,
если б они не выжили из ума,
их ждала бы тюрьма,
но продуманный издавна мизер -
на снотворное и телевизор -
мозг прессует до камушка,
а нервы раздувает до пожара,
Россия – это такая страна,
где не положено жить до хрена.
Пенсионер – брюзга, склочник,
эгоист, лишний человек,
маленький человек, мифоман,
цепкий, хваткий, ворчливый,
надоедливый, маразматик и перечник,
кого нет в этом перечне,
тот не пенсионер, а старейшина, по идее,
чем дольше живешь, тем умнее.

НАНОВЕК

Травка мелка, вот и век мелкотравчат,
в каждой былинке таится герой,
наноцари достают свой буравчик,
нанопоэты хватают перо.
Ой, не перо, а тачпад или джойстик,
в Русопотамии звался пером
от usb – мышки с хвостиком – хвостик,
был там и почерк, гадали на нем.

В общем, хватает поэт свою мышку
и тренирует родной алфавит:
буквы в слова, слово за слово, книжку –
чтобы не вымер словесный наш вид.
Таёт язык, всё худеет, и в весе –
с аськи на мыло – теряет он, нюх
тоже теряет и сам себя бесит:
как дни рожденья он санил до днюх?

Санил и крышу, теперь она крышка,
санил служенье до рыночных цен,
да и поэт уже будто не пишет,
а, так сказать, заливает контент
(чтоб об рекламу реклама не терлась).
Но да не высохни речи река –
есть у поэта тут вечная гордость,
и благодарный кивок языка.

Я живу в несуществующей стране,
недостроенной, в лесах, ломают сруб,
ставят новый – елки с палкой, сны в сосне,
зуб шиповника терновнику за зуб.

В саду ягода малинка, плод шипов,
тело в крапинку – сорняк крапива жжет,
в среду жжет, в четверг накладывают шов,
как осока полоснет кого в живот.

Колет в пятницу в боку чертополох,
по субботам можжевельник лезет в суп,
правит бритву тут какой-то левый бог,
сам колючка и – да ну его – фан-клуб.

У ежовых рукавиц резоны есть,
утопающих в утопии язык
дальше Киева ведет, а в клуб – так в «Жесть»,
а с того вся жуть, что не выходит стык.

ОБОРОТНИ

Точки нет,
и я пересоздана из человека для счастья
в птицу для полета,
мне выдано простое, как рабочая одежда, тело
вместо затейливого, резного,
улетела и в птичий глазок свой вижу:
Шуры и Муры буреют,
обуревают их, обрастают бурым,
обращаются в медветуру,
неуклюже переминаются с лапы на лапу,
на лапу, но косо, не в кассу.
Отфотошопили в бойцовую расу -
это когда из глубин лица
прорастают клыки в виде заточек.
Пластическая хирургия делает чудеса.
Козлик дожевывает цветочек,
с обращением несогласен,
обратился с протестом:
«Оборотни! В погонах и в рясах,
костюмированные, обратите вниманье!»
Вот и цветок дожёван до основанья.

В многоэтажках переформатируют в крыс,
уменьшают, повышают живучесть,
востряют нюх, закатывают в цвет мокрый асфальт.
Позвоночник, обрубленный как пуповина,
корень пускает - хвост, в окончаньи точка.
У нас точки нет -
незавершённости, мы все подростки.
Поодиночке крыски неброски,
броски лишь стайкой, из подполья разом,
когда кипит коллективный разум -
такая компьютерная сеть нижнего мира,
раньше называлась чумой.

Да и рифмы – оборотни,
лечу домой,
точки нет,
заточке - нет,
цветочки - нет.

СТРАШНЫЙ СОН

Среди ночи проснулась от ужаса.
Сижу в комнате, еще люди,
Звук открывшейся двери,
кого-то приветствуют, шутят,
как они узнали, кто это,
думаю, тут же ни зги не видно.
Это рыжий, ты что!
В воображении вижу яркую шапку волос,
а в реальности – антрацитовую черноту.
Отмечаю разницу: внутри все так,
как видишь при свете,
а тут – нидохленького фотона.
Кто-то дотрагивается до меня,
«Кто это?» – вздрагиваю. Они смеются:
здесь светло, ты что!
И перестают смеяться.
До них дошло, что я ничего не вижу.
И до меня дошло.
Ко мне подступают с участливыми вопросами,
и вдруг звук лопается, как пузырь – чпок,
это не они замолкают,
это я перестаю слышать.
Очень страшный сон.

ИНТИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Я отношусь к Богу так,
как хотела бы, чтоб компьютер
относился ко мне.
Да, и я зависаю, и меня глючит.
Каждый delete – душераздирающий взвизг
вселенско-катастрофического
«за что!». Был –
пока я не стала отправлять файлы в корзину,
ни за что, но и не просто так.
Трояны удаляются автоматически,
и это не обсуждается.

Как-то дареный конь,
которому по-русски не смотрят в зубы,
загрузился ласковой валентинкой
и обгрыз мне память. «От ить инкубы!», -
взываю, вызвала: «вот кретинка».
Юзерица не замечает зловредной нецки,
бдит архангел с крыльями - почтальон.
Черт рассылкин лысиной о паркет стучится:
«вы выиграли миллион».
Мир, засорившийся не по-детски,
деинсталлируется как сон.

С каждым новым процессором
я слушаюсь все быстрее,
не задаю лишних вопросов,
вот и компьютер
как бы солидаризуется со мной:
говорю insert, значит, надо вставить,
говорю: перейти на латиницу,
значит, alt shift - этого он не любит,
кряхтит, не понимает, зачем,
но больше не говорит мне:
засунь себе в задницу свой антивирус.

О БЛОКЕ ПИТАНИЯ И БАТАРЕЙКАХ

Бог – это Блок питания. Мы работаем от сети.
Встроенная батарейка была не видна,
потому и зывали: о боги, боги,
не рассчитывая на батарейку.
Но однажды в Римской Империи
решили узнать, на сколько ее хватает.
Не хватило. Сдохла та батарейка.
А евреи оставались в сети
и благодарили Блок питания,
кланяясь.

Бог далек, невообразим, а сказано:
по образу и подобию.

Вдруг, такой же, как мы,
он ходит неузнанным
по одним с нами улицам, -
догадались народы.
И ЧеловекоБлок дал им яркую смальту,
чтоб собирали мозаику,
окрасил радугой масло, чтобы гадали,
кисточкой по холсту.
Дал твердую воду, заигравшую витражами
соборов – отплывающих посуху кораблей
с каменными антеннами.
Научил резать время на кадры -
подарил светозаписывающую пластину,
наконец, разрешил летать,
чтоб все ощутили себя ангелами.
Но не тут-то было.

Блок, он же Тетраграмматон,
дал десяток подсказок про время:
свет-скорость-ток-гравитация-
память-носитель-запись
превращающая и тела в алфавит.
«Бог сохраняет всё».
Чем лучше учимся сохранять мы,
тем больше отгадок, тем ближе к Блоку,
тем дольше работает батарейка.

Мы обрадовались, как дети:
нет никакого Блока,
есть только встроенная батарейка.
Мы ее в хвост и в гриву, на всю катушку,
(много вольт съело то, что обманывали прослушку).
И вот батарейка сдыхает,
тысячи рук тычутся в миллионы розеток,
гнезд или кнопок дистанционных пультов:
ради Бога скажите, где подключают питание?
«Несохраненные данные» -
мигает табличка –
«отправить Блоку сведения об ошибке?»
«Отчет отправлен». А дальше,
дальше-то что нам делать?

Когда батарейка сдыхает -
внутренние мониторы корчат гримасы,
краска облупляется с шедевров,
стекает как грим по лицу,
хакеры взламывают систему,
ангелы плачут – пользователи, обыватели,
зато торжествуют демоны,
блокопротивные токовампирь, каратели
и кумиры.

ПОЛТОРЫ РИФМЫ (краткая история России)

Эволюция, революция,
девальвация и коррупция,
начинается демонстрация -
и кончается институция;
и ломается вся конструкция:

демо вдруг кратизация,
на прилавках продукция,
прива как бы тизация
и почти реституция,
но опять сатисфакция,
а за ней экзекуция,
наци – о, нализация!
(как лизать - есть инструкция).

И - дезинтоксикация.
И опять – революция.

ОПИСЬ

Глубокоуважаемый шкаф
отличается от вольтеровского кресла тем,
что во чреве, в пещере, неудобно сидеть.
Никто уже не прячется от мужа,
внезапно вернувшегoся из командировки.
На слуху налеты, а не прилеты,

в анекдотах наезды, а не приезды.
десница Каменного гостя –
растущие из одного локтя
налоги, вклады, приклады, предлоги.

Все сидят на складных стульчиках,
как попугаи на жердочке,
и такие же красивые,
и так же хорошо выговаривают слова.

Козетки, вензели, завитушки –
это к Пушкину.
Вазы хрустальные, щучки фарфоровые –
это к Сталину и Хрущеву.

Кладбище пустых бутылок в углу,
антисоветские - на подоконнике.
Это на Брежнева я возвожу хулу
и на последовавших покойников.

Коробочки от биг-мака,
добытые в очереди очередей,
в серванте соседствуют с разной бякой,
оставшейся от эона вождей.

На почетном месте – банка растворимого кофе,
привезенная в ЦЦЦП
из Америксы – в ней был профит
перестройки тюрьмы в купе.

Но и кофе давно весь вышел,
и обмылок исчез в руках.
Человеческий фактор - в нише
экологической - терпит крах.

Глубокоуважаемый шкаф покрылся
пылью. Завыл металл –
танки выползли, с ними крысы –
ЦЦЦП захрипел и пал.

В вольтеровском кресле думаю о несущих
конструкциях языка:

близок локоток, да не укусишь

(неужто так хочется локотка?),

и вот же – *кусают локти.*

Ими и пнут. *Чувство локтя*

греет, с ним одним уют.

Дурные локти голове покоя не дают.

Секрет вольтеровского кресла –
в подлокотниках, похожих на чресла,
вынашивающие длинную опись
предметов перед отправкой их в пропасть,
рожающие в неизвестность.

РЫБОЛОВЫ И ПИСАТЕЛИ

метасказка

Рыболов поймал рыбу и съел ее, это рыболов-обыватель. Или продал рыбу, а на вырученные деньги купил наживки – это рыболов-бизнесмен. Или поймал две рыбы и накормил ими округу – это волшебник: каждому, вопреки арифметике, досталось по рыbine. Все наелись и задумались.

Или рыболов подцепил кильку и пошел всем рассказывать, что выловил царь-рыбу. Это пиар. Или рыболов поймал две рыбы, одну съел сам, а другую скормил округе, по маленькой крошечке, и все кинулись ему в ноги, потому что у него была целая рыба, а больше ни у кого не было. Это рыболов-царь.

Или поймал рыбу и так ею залюбовался, что решил запечатлеть ее в более стойкой материи, чем биологическая – красками на холсте или в цифровом коде. Это рыболов-художник. Или поймал рыбу, и так его пробрало, что он, дирижируя удочкой, забормотал что-то типа «я помню чудное мгновенье». Это рыболов-поэт. Правда, стихосоматический синдром прогрессировал до: «я хочу, чтоб вы сдохли, твари». Так и рыбы уж не те, что прежде – приевшиеся. А какие не приевшиеся – ядовитые.

Или поймал рыболов рыбу и рассказывает: где удочку взял, как за ним гнались, чтоб удочку отобрать, как он спасся, только

сел на берегу, тут акула пасть раскрывает: «Что рыбка-то, не ловится?». Удочка задрожала мелкой дрожью – это золотая рыбка на помощь приплыла. Он ей в глаза посмотрел и отпустил. Потому что главное – не рыбка, а счастливый конец. Для рыболова-писателя.

Постепенно рыболовство овладело массами, а благодаря распространению совета «помочь – это не рыбу дать, а удочку», подтянулись и отстающие. Настал новый этап эволюции – все стали писателями: писатель-обыватель, писатель-бизнесмен, писатель-царь, пиар-писатель, поэт-писатель, писатель-писатель, и пишется всё в спешном порядке для одного-единственного читателя: волшебника. Он же не придет раньше, чем получит исчерпывающую информацию, то есть, пока информация не будет исчерпана из всех акваторий, до последней капли.

БЫТИЕ, 2008:1, 24

Д.Файзову в день тридцатилетия

«Труд жизни» – жизнь.

Пересказать ее своими словами –
задание по иностранному языку,
как всякий язык, жизнь выучивается,
легче ль, труднее.

Обучающие программы –
они же шедевры,
священные книги,
темные откровения.

У каждого своя мамамылорама,
Свой вид из глаз, любимая панорама.

Сочинение на заданную тему:

Как я провел жизнь.

Но сначала – диктант.

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
иных ищет подвигов Дант:

Земную жизнь пройдя до половины,

Я очутился в сумрачном лесу

(современник пишет: я – диверсант,

жизнь – под хвост псу,

гы-гы).

Рифмы – узелки, связывающие отрывки
в переводах с речитатива богов.
Жизнь состоит из сплошных пустяков:
ожидания поезда, скрипа калитки,
теплого молока, записки,
досадившего вахлака,
бокала вина,
таянья льда в виски,
да и самому растаять, наплевав на.
Наши ученые - сестры милосердия,
благодаря им без особых проблем
мы при воде, электричестве, они всё усерднее
производят апдейт операционных систем.
Поэты – кликающиеся в голове иконки:
строфы, строки,
они же - космические сквозняки,
пьяные корабли, джонки.

СТРАУС

басня, потому что о животных

Я – страус, голова у меня в песке,
потому я не знаю, что 83% жителей России не доверя-
ют друг другу*.
Но противоположной частью тела чувствую, что 99%
ненавидят,
а 99,9% - презирают козлов-соотечественников.
Будущее можно не предсказывать: оно, как иголка в
яйце, в этих цифрах.
Кому как не страусу знать, что в яйце?
Мимо прошел лучший учитель России
и сказал: эх ты, страус, пропесочат тебя!
- Я пропесочиваюсь сам, - важно ответил страус.
Учитель ушел из школы, чтоб не учить детей
по учебнику булочника Филиппова.
Страусу необязательно различать булочника
и подкощеевика, провернувшего фарш истории назад.
Песок – тоже фарш, - подумал страус, - когда-то он был

большим прозрачным куполом над Землей.

И страусу ужас как захотелось посмотреть на небо.

Он поднял голову в тот неудачный момент, когда Англия, приняв для бодрости полониевый душ, расставила танки британских советов по всей его родной стране.

И потому, когда страуса пнули коленом под зад, чтоб призвать к тотальной мобилизации, он стал врать, что голова его всегда была в песке, и для убедительности показал яйцо.

Думал, Кашей Бессменный прислал за своей иголкой.

- Где песок брал? – спросил его посланец Кашея.

- Где взял, где взял! Привез из Ниццы в чемодане. И налоги заплатил.

- Да никак ты, страус, шпиён, и яйцо твое – шпиёнский камень,

начиненный подслушивающей взрывчаткой!

- Не убивайте меня, товарищ подкошщеевик – испугался страус.

- Молчать, пескосос! – я эффективный менеджер, а порусски рейдер,

мое дело – изъять твой песок, - и он как вампир начал высасывать песок из-под страуса.

- Это моя собственность – пискнул страус.

- Видать, сувенирную историю ты не осилил. Филиппка выучили даже те, из кого песок сыплется, как из тебя вон, так что все знают, кто здесь хозяин. Был, есть и будет.

- А это не то же, что альтернативная история Фоменко? – робко поинтересовался страус.

- Думал позвать молодежное движение, чтоб из тебя мозги вышибли,

но мозгов-то, оказывается, у тебя и нет.

У страуса отлегло от сердца. Как хорошо, когда нет мозгов!

- Распишись, что песок изъят, а яйцо отправлено на экспертизу.

А я думал, Кашею Бессменному, – прошептал страус.

- То есть, государству - гламурной Бабе Яге, креатив-

ному Ивану-дураку, сливному бачку-Соловью Разбойнику и наномедведям, - добавил он на всякий случай. - Ишь ты, умник без мозгов, думал, заплатил налог и спишь спокойно? – осклабился рейдер. - Это ты расскажи своей покойной бабушке, а на чужой земле надо ходить по струнке. Вот тебе струнка, иди защищай сувенирную демократию от пятой колонны учителей и вредных советов британских.

- Если это чужая земля, зачем мне ее защищать? – удивился страус,

и вдруг кровь, не подчинившись закону всемирного тяготения, прилила к голове,

он взял да и разбил яйцо, из него выпала иголка и прошила все войско кашеёво суровой нитью.

А страус побежал догонять учителя истории, встречая по дороге козлиц и козчиков, голосащих:

«Братцы Иванушки мы, просто выпили малость из паленого пруда».

*данные ВЦИОМ, январь 2008

Всё потаенное понято,
произносимое сказано,
ну какие ж тут комменты,
слезы выглядят стразами,
и восторги – хлопушками,
и стихи – конфетти,
вроде выстрелят пушкиным,
а потом – подмести
и в пакет целлофановый
с оцифрованной сагой
и шурующей сафьянами,
будто платье, бумагой.

ШОУВИНИЗМ

Что не шоу, то шовинизм.
Кто не артист, тот йети.
Этим – игра и приз,
Те – территорию метят.

Тем – отыскать бы шов,
потому – шовинисты,
а в патчворке тех швов -
что узоров цветистых.

Shaive по-французски лысый,
гологоловый, значит,
не покрытый лучистой
шерсткой теплоотдачи.

Шоу и Шов – близняшки,
Шоу снимает пояс
и задирает ляжки,
распоясывается, то есть.
Тут и Шов рвет пачворки,
он серьезен как воин,
им обоим - задворки,
а не сцену б – обоим.

Но когда эти – маршем,
те – аншлагом, и толпы
им скандируют: «наши!»,
с помпой или без помпы
из-за шоувинизма
вся в рубцах - дело швах -
вон из кожи отчизна
лезет, дело же - в швах.

Ирина ДОБРУШИНА

ЗДРАВСТВУЙ, ШКОЛА

Ида Адольфовна Футлик – это кошмар, которым меня встретила школа. Но по порядку.

Мама пыталась отдать меня учиться и в 6, и в 7 лет, но в те годы был приказ – принимать только с 8.

И вот 1 сентября сборы в школу.

Мама:

- Ирочка, вот ты и взрослая. Ты все, что нужно, умеешь делать: и зашить, и залатать порванное, и штопать, и стирать, и гладить, так что следи за своей одеждой сама. Я же буду заниматься твоей обувью и отдавать верхнюю одежду в чистку. Больше ничего, кроме этого, я для тебя делать не буду.

И вот через несколько дней я утром обнаруживаю дырку на носке и понимаю, что заштопать ее до уроков никак не успею. Умоляю маму, в виде исключения, сделать это, но она непреклонна.

И я пошла в школу с дыркой. Больше я никогда с дырками не ходила.

Но.

В конце недели мама спросила у меня дневник и как дела с учебой.

- Если я взрослая, то я и есть взрослая. Учусь в школе я, а не ты, и мои дела в ней – не твое дело. Хочешь что-нибудь узнать – иди сама куда хочешь и узнавай. А я с тобой на эту тему говорить не буду. В школе всем я свою позицию объяснила.

И убежала. (Замечу в скобках, что я так до десятого класса дневник и не подписывала.)

Кстати, и бабушка не смогла меня провожать на уроки и встречать после них. Дорога и впрямь была опасная – трудные трамвайные линии, но я сразу же (1 сентября) убежала от нее и через помойки и проходные дворы, которые прекрасно знала, попала в школу. После уроков она также меня не обнаружила. На том провозания и закончились.

А в школе тем временем разворачивались разные истории. Одна из них решилась просто. Я оказалась левшой, и меня (уведомив помимо меня родителей) определили на дополнительные

занятия по чистописанию. Так что я – переученная левша. К переучиванию я отнеслась спокойно: надо так надо.

Другая история разворачивалась драматически. В домашнем задании мне встретилось слово «долина», которое я написала через «о», а учительница переправила на «а», объяснив, что оно, это слово, происходит от слова «даль». Мои «горы и доли» она высмеяла. Когда дома я захотела разобраться, моя мама поступила просто: пошла и купила орфографический словарь.

- А как им пользоваться?

- Читать ты умеешь, вот и читай предисловие.

Я прочитала и что-то не поняла.

- Значит, читай еще раз, и вообще, читай, пока все сама не поймешь.

Наконец, я разобралась, как пользоваться словарем, и пошла с ним в школу. Ида Адольфовна смотреть его не стала, но перед всем классом сказала:

- Вот, она считает себя умней учительницы.

Это я еще стерпела.

Но тут пришла очередь арифметики. Задача: мама отвела дочку в ясли в 9 утра, а забрала днем в 3. Сколько времени провела дочка в яслях? Решение Иды Адольфовны:

$9-3=6$.

Я вылезаю:

- А если она отвела ее раньше, например, в 8 часов, а забрала позже – в 4, то дочка провела в яслях $8-4=4$ часа, то есть меньше, получается чепуха.

И тут уж пошла настоящая разборка: дескать, я и сопливая девчонка, которая задирает нос; глупая зазнайка, которая считает себя умнее всех, не уважает старших, в том числе и учительницу; ни с кем не считается и вечно спорит и т.д.

На свою беду я разревелась. Досталось мне и за это. В гневе я схватила чернильницу и кинула ее в учительницу. На всю жизнь я запомнила немую сцену: все замерли.

А на нежно-голубом платье Иды Адольфовны расплывалось огромное чернильное пятно. С криком и плачем она убежала из класса.

Что за этим последовало, начисто выпало из моей памяти.

Вечером, уж не знаю, почему, у меня была температура 40°, и я перестала ходить в школу.

А через несколько дней у меня обнаружили туберкулез шейных железок. Месяц я болела дома, а оттуда напрямик была отправлена в лесную школу, где пробыла до начала следующего учебного года.

Вернулась я с пятерками, а в школьном табеле, выданном мне, были поставлены все тройки.

Я решила бороться за правду.

Но тут вмешалась мама.

- Ирочка, это первый, а не последний класс. Если ты хочешь, я пойду в РОНО, и тебя проэкзаменуют. Но в будущем году, независимо от того, что тебе написали, ты будешь учиться заново, и этот табель никакой роли играть в твоей жизни не будет.

Доводу я вняла.

Заканчивая, скажу только, что во втором классе я училась уже у другой учительницы.

КАК Я УКУСИЛА ЗАМДЕКАНА

На четвертом курсе я решила посещать факультативные лекции профессора Рашевского. Они начинались в семь вечера, и у меня было перед ними окно.

Я вышла из здания (а кончала мех-мат я еще на Моховой) поиграть в волейбол, сняла часы и положила их в сумку. Около семи я отправилась на факультет. Оказалось, что введено новое для нас правило: после шести пускать в здание только по студенческим билетам. Мой лежал на продлении наверху. Я об этом сказала, попросила разрешения сходить за ним в деканат, но без толку. Меня не пустили. Тогда я просто отодвинула плечом вахтершу и вошла в фойе. И тут в меня вцепился замдекана по хозяйственной части Федосеев. Он меня выслушал, но так же внутрь не пустил. Я тоже хотела отодвинуть его плечом, но не тут-то было. Он ударил меня изо всей силы кулаком пониже ключицы в грудь. Я тут же развернулась и дала ему по морде. И завязалась драка. Море студентов и даже кое-кто из профессоров окружили нас и стали наблюдать настоящую драку с активным применением силы с обеих сторон. В какой-то момент Федосеев вцепился в мою сумку и стал ее отнимать. Я не отдавала. В ярости я укусила его за палец, оставила сумку и убежала. Меня догнал Мишка Серов, отвел на какую-то лавочку, я разревелась, он меня утешал. Наконец, я успокоилась и ушла домой.

И вот я засела в своей комнате и стала думать, чем же все это кончится. За меня говорит то, что драку начал он – но это могут подтвердить только вахтерши, а они вряд ли выступят как свидетели. Далее: я укусила Федосеева, он ходит по факультету гордый, с обвязанным бинтом пальцем и всем демонстрирует свою боевую рану и спрашивает, не нужно ли ему сделать укол против бешенства. Это говорит против меня. Дрались мы на паритетных началах: это видели десятки студентов и даже профессора. К тому же это его вторая драка. Первая была с Маратом Ефграфовым. Она случилась в год моего поступления на мех-мат. Ребята играли в шахматы, к ним подошел Федосеев, смешал фигуры на доске и велел уходить домой, так как уже поздно. Как там все происходило дальше, я не знаю, вернее, уже не помню, но в результате возникшей драки Федосеев сломал Марату руку; несмотря на это, Марата вышибли из аспирантуры, а Федосеев остался. Но теперь это его вторая драка, и не с аспирантом-юношей, а со студенткой-девушкой. Это говорит, скорее, против него, но с меня вины не снимает: я же тоже дралась.

Остается одно: сумка. Моя сумка, которую он отнял у меня силой. Я соображаю, что это – уголовное преступление: даже не кража, а грабеж. Вот это – мой единственный шанс. От ребят с факультета я узнала, что Федосеев пытается всучить мою сумку кому-нибудь для ее возвращения мне. Я сказала: не брать. И велела распусть слух, что, если меня вышибут с мех-мата, я подаю в суд, возбуждаю уголовное дело о грабеже. Свидетелей у меня вагон: видели это многие, и никто не отказывается подтвердить, что Федосеев открыто и силой отнял у меня мое личное имущество. Доказать, что сумка – моя, легче легкого.

Я появилась на мех-мате через неделю и немедленно была затребована к декану. Дело решили проводить келейно: декан, два замдекана (по учебной и хозяйственной части) и я.

Я отказалась, потребовала независимых свидетелей и запись – протокол обсуждения. Сумку согласилась взять только на этих условиях, иначе иду в милицию. И немедленно. Я хорошо понимала, что возбуждение уголовного дела, даже с исходом не в мою пользу, факультету ни к чему.

И вот мы все у декана. Я рассказываю, как было дело, декан не верит, что Федосеев отказался внять моему предложению сходить наверх в деканат за студенческим билетом. Этот пункт повисает в

воздухе. Повисает в воздухе и начало драки. Конец – драку и укус – я подтверждаю. Мне пытаются вернуть сумку и закрыть дело, но на каких условиях – не говорят.

Тогда я предлагаю сначала доказать, что сумка – моя. Описываю ее содержимое, его вынимают. Все со мной соглашаются. Далее я утверждаю, что произошла кража (все прямо подсакивают), даже более того, – грабеж, ибо сумка отнята у меня силой, открыто, на людях, что и называется, согласно УК, грабежом. То, что она находится не у меня, а у Федосеева, видят все присутствующие. Все это заносится в протокол. После этого я беру сумку и ухожу.

Распускаю слух: если меня отчислят, подаю в суд – все равно доказано, что я подверглась грабежу, а то, что сумка у меня, уже никакой роли не играет. Свидетелей масса.

Через некоторое время появляется приказ: мне – строгий выговор с занесением в личное дело «за недостойное советской студентки поведение».

Скажу кстати, что до сих пор среди мехмятян моего поколения бытует легенда (на последней встрече курса я ее услышала от Лели Морозовой), что выговор я схлопотала (так, дескать, было написано) за «покусание замдекана». Но я – то точно знаю формулировку.

Через неделю на доске объявлений появляется сообщение об увольнении Федосеева.

В то время существовал приказ ректора Университета, что если в течение года у студента никаких нарушений не будет, то выговор снимается автоматически. Я все же подала через год заявление о снятии выговора, и об этом снятии был опубликован приказ. Однако, начальство его в мое личное дело не положило, а выговор оставило. При распределении это сыграло роль. Но как я распределялась – это особый рассказ, его я напишу позже.

P.S. Добавлю только, что мой шеф, член-кор. NN, потом говорил мне не раз: и как Вы могли, Ира, взять в рот такую гадость?

«КАК ТРУП В ПУСТЫНЕ Я ЛЕЖАЛ»

– Райка – садистка, фашистка, сволочь! – ору я на все отделение. Все почтительно величают инсулиновую сестру Раисой Александровной: и няньки, и сестры, и все больные, а она всем тыкает. Тыкнула и мне, и я, несмотря ни на что, зову ее Райкой.

А смотреть есть на что. Выхожу из инсулинового шока с буйством, и она меня зверски бьет. Сначала возвращается слух, потом зрение кадрами, между которыми темнота, наконец, зрение восстанавливается полностью.

После внутривенной глюкозы надо выпить очень сладкий чай и съесть сытный завтрак. А у меня отказ от еды. Мало того, что я избита (я, конечно, махала руками и кулаками, но, в основном, мимо, так как не видела почти ничего), из лежачего положения в сидячее меня тянет за волосы Райка, и потом при расчесывании у меня падают на пол пряди. В палате при этом почти все плачут.

Эмалированная кружка с чаем упорно стучит по стиснутым зубам. И так каждый день. Через нос в носоглотку втыкают зонд, через него идет сладкий чай, а затем питательная смесь – замена завтрака.

Врачи обещают меня привязывать, так как я буйствую активно. Начинаю с попытки побега. Меня держат пятеро: двое – руку, чтобы вколоть глюкозу, а трое – держат меня. Я дергаюсь, бьюсь, хочу вскочить, и, если меня отпустить, зазеваться, лечу к окну, которое порываюсь выбить, а оно непробиваемое. Если меня не успевают схватить, бегу к двери в коридор, но ее из-за меня запирают. Словом, меня волокут в кровать, делают глюкозу, далее – зонд, и, наконец, припадок кончается.

Не знаю, информированы ли врачи, что меня не привязывают. Райка предпочитает меня бить. Жаловаться не принято, да и больным здесь не верят. Райка придумывает про меня невероятные вещи. Черт с ним, но я в любой момент ее зову при всех Райкой и садисткой. А она и есть садистка.

Она учится в медицинском, пока на вечернем или заочном, не помню точно. Кажется, с 3-го курса надо будет учиться только на дневном, и Райка перейдет на ночные дежурства. Начинала она в отделении нянкой, потом стала сестрой, а теперь и инсулиновой сестрой. Колет она глюкозу хорошо, но не мне. Правда, это не злонамеренно, я бьюсь в каком-то припадке, выходя из шока, и меня удержать в покое очень трудно. Однажды я просто разбила шприц и разворотила руку.

После припадка я лежу мокрая, вся в поту, мне, как и почти всем, меняют белье, через некоторое время дают принять душ. Это тоже – великая милость, бывает не в любом отделении, я точный свидетель, лежала на инсулине трижды.

И только в последний раз меня привязывали, не били, хотя я буйствовала с каждым днем сильнее и сильнее.

Только когда я выдала эпилептический статус на несколько часов и чуть не умерла (не преувеличиваю), меня сняли с инсулина.

В палате постепенно все приходят в себя, открывают фрамуги, мы, мокрые, простужаемся, но дышать в палате и вправду тяжело.

Через некоторое время нас выгоняют в коридор. Хотя практически у всех после инсулина большая слабость, приходится ходить, так как стульев вдвое меньше, чем нужно, и все они к этому времени заняты.

Но у меня есть хороший выход. Иду в наблюдательную палату, там лежит моя подруга Лена. Ее имя не Лена, а Ильина, сокращенно Иля, она это имя ненавидит, а когда крестилась стала Леной. Врачи и медперсонал называют ее упорно Ильиной, а она столь же упорно не откликается. Я зову ее Леной. Я ее встречаю уже в третий раз. Сейчас она в кататоническом ступоре, соответственно, не двигается, не разговаривает, не ест.

Я с ней говорю, и мне кажется, что она с каждым днем становится ближе и доступнее. На мои разговоры она не реагирует, но я давно заметила, что неконтактные шизофреники слышат и запоминают, кто и что им говорил.

Медленно, очень медленно идет Ленино восстановление. Наконец, движением век она дает знать: да или нет – на поставленный вопрос. Потом она начинает шевелиться.

– Лена, – спрашиваю я, – почему ты не ешь? – Рукой она указывает на потолок.

– Приказ?

– Да, – отвечают веки.

Я знаю, что у нее религиозный бред, и если она начнет есть, это будут только черный хлеб и вода.

Изо дня в день я уговариваю ее, как маленькую, съесть кусочек. И, наконец, она начинает есть. Только из моих рук. И так месяц, полтора.

Сестра наблюдательной палаты не гонит меня (посторонним там быть не полагается), так как я снимаю с нее много неприятных забот, связанных с уходом за неподвижной Леной.

Несколько дней уходит на то, что она доходит до двери, а затем и до столовой. Ее переводят в обычную палату, и я уже свободно валяюсь после инсулина на ее кровати.

Лена – художница. Она помешана на Сикстинской Мадонне. И каждый день она пытается по памяти воспроизвести ее лицо. Через некоторое время получается немного похоже. Мы никогда не ведем религиозные разговоры. Но мне грустно. Я знаю что, как только врачи кончат курс уколов (таблетки Лена не принимает), и она придет в нормальное состояние, ее выпишут. И она будет пропадать в каких-то притонах, связанных, не знаю как, с религиозными центрами, лекарств принимать не станет и вскоре вернется сюда.

Я как в воду глядела. Я еще шокаюсь, Лену выписывают, а через две недели привозят на скорой, в ступоре, опять в наблюдательную палату. И все начинается по новой.

Райка что-то уничижительное говорит мне по ее поводу. Я вижу: она рада, что не выйти Лене из этого порочного круга.

– И ты, садистка, рада? – спрашиваю я Райку.

– Так ей и надо, – отвечает та.

– И ты собираешься быть психиатром?

– Я уже психиатр, – отвечает Райка.

И все вернулось на круги своя: Лена в ступоре, не двигается, не разговаривает, не ест. Райка по-прежнему бьет меня при выходе из шока. И я по-прежнему ору на все отделение:

– Райка, – фашистка, садистка, сволочь!

Таковы наши больничные будни.

Воскресенье – перерыв в инсулине. День отдыха.

А тут еще суббота и, возможно, грянет гость.
И белка вопреки всему на ветке гложет кость -
таков у здешней белки ужин.
Все книги врут, что белка песенки поет...
Придет Владимир и ее убьет.

* * *

Владимир по утру проснулся,
достал спасительную флягу
и успокоился на время,
и стал смотреть в окно вселенной,
где все тепло и поднебесно,
где много рыбы и свирелей,
и позабыл, что там, над миром,
где храм спасателя Мазаю,
взывает зайчик неучтенный,
и самолет опять разбился...

Владимир вдругорядь проснулся,
достал спасительную флягу,
и снова сделался здоровым,
и стал смотреть в окно вселенной,
где льют дожди и пахнет рыбой,
и на дуде сосед играет.
И вспомнил песенку про зайцев
из заповедника Христова,
про душ их стоптанных спасенье
из пят мозолистым Мазаем.
И потому бывает утро,
Владимир, и окно, и фляга,
и самолет опять взлетает...

* * *

Он мечтал о глубоком черном плаще,
но был низкого роста, ему не везло.
От первого брака из всех вещей
ему досталось весло.

Жизнь его шла своим чередом.
По утрам ел творог и прочий кальций.
Каждый раз, приходя в незнакомый дом,
снял сапоги и отпечатки пальцев.

Он был щедр. Каждой новой своей подруге
дарил по талону в зубной кабинет.
Уважал закон, и всегда мыл руки,
выходя по малой нужде в интернет.

Он всегда носил в нагрудном кармане
контрольный пакет акций протеста.
На него даже раз обратила внимание
кампания “Идущие в одно место”.

Когда он сумел затащить в постель
двух сутенеров и начальницу ЖЭКа,
перед ним открылась великая цель:
найти в себе диа-ген человека.

Он искал его в древних сакральных рыбах,
в школьном пособии по биологии,
собрал коллекцию чешуйчаторылых
ставил опыты над дурноголовоногими.

С Паспорту в штанине колесил по миру.
Вступил в Грин-пис завзятым исламистом.
Написал два тома “Войны Эмира”
о судьбе одного арабского экстремиста.

В каких только точках он не горячился...
Батрачил, таскал мешки под глазами.
Когда на шахте обвал случился,
лично ассистировал при обрезании.

И вот он достиг больших рубежей,
но ему говорили кто и где попало:
“Мадам, Ваша дочь не ловит мышей,
и в искусстве фен-шуй понимает мало”.

И когда он понял, что эти кто-то
знают о тараканах его и циррозе,
его обуяла гетерозегота,
и он почил в каком-то обозе.

Мимо мелькали дали и даты.
Красные дивы хороводы водили.
И он позабыл все, чем был когда-то.
Проснулся, потянулся - и стал Владимир.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Что за цветочек аленький несешь ты над головой,
огнь ползущий над следоточья бикфордовой нитью?..
Так шапка на ней горит, как она ищет его,
как она хочет убить его.

Затаив ледяной пирожок в рукаве,
затянув сапожок в импозантно испанской манере,
она вещь в себе. Он зверь в себе.
Ей надо убить в себе зверя.

Это рамка ее, это ранка ее,
на плече родовое копьё.
Это мелкая живность под сердцем ее,
ненасытная завязь ее.

Вот скользит она, маленький козлик,
по шаткому минному подиуму,
на копытцах свирелей, раздувая озябшие ноздри.
Мандолины, миндалины хором поют, воспаляясь.
Вот она защищает какую-то, ей только ведомо, родину,
в белокостных березках, в ежовых мощах растворяясь.

Что тебе до того, с кем, от жизни смертельно устав,
ты кормилась из рук волчьей ягодой, сладью лесной.
С кем была ты улыбкой кривой на устах.
С кем имела полуденный зной.

Вот, пройдя между пьяными медленно, грубо и зримо,
ненормативная матрица, паранормальная явь,

капюшоном кромешным от всякого глаза хранима,
стопудовые веки подъяв,

говорит: О, зачем тебе, бабушка сей незатейливый постриг?
И такие огромные руки, и сердце, и власть?
О, зачем тебе, бабушка, маленький серенький козлик?
Ты и так уже мною насытилась всласть.

И на ложе тишайшем, где лик ледовит и нетленен морщин
его иней,
распускается красный цветок, зачиная сакральное имя.
И беснуется кожа на острие ножа.
И слетает чепец, и встает из глубин Владимир.
И глаза его брезжат, и уши его дрожат.

И тогда она разом отбрасывает плащ, и колпак, и тени.
И падает ниц в студенистые снега постели,
зверя зареванную, коченелую тушку
зарыв в оскаленную подушку.

* * *

Они любили друг друга так странно и нежно.
Им было от роду две рябины
и двадцать га картофельных всходов.
Их имена были семь и восемь.
Их дома звались ель и эльнинье.
В их глазах плыли конь и трепет.
Они ходили в саде эдемском
под богом Вишну или Черешну,
любили друг друга так странно и нежно,
готовились к свадьбе небесной.
Он подарил ей песню о главном
и волосы в три перелета птичьих.
Она ему – десять тысяч братьев
и леди Годивы бессмертную душу.
С высот они любовались,
как свет сменяется цветом,
как сфинксы чеширскую таят загадку,
как пеленают мумию тролли,

как пляшут торнадо свою тарантеллу.
Еще они любовались,
как расцветают рыбы в фаллических струях заката,
как колосятся клоны в вихрах циклонических вихрей,
как мирные люди нелегких профессий гложут пивные
дрожжи,
и любят друг друга так странно и нежно, так странно и
нежно,
готовятся к свадьбе небесной.
Им стол был накрыт на вершине духа,
и яства ломились, как гости в окна,
и воздух звенел вожжей вождельня...

Но только, как сколько-то лет назад,
высоко-высоко у царских врат,
причастный тайнам, плакал Владимир.
О том, что скоро, когда однажды
поднимутся на смех все веки на свете,
растают снега Антарктиды у ангелов на ладонях,
чей летуче-мышечный спазм снимет с небес целитель,
тогда им больше не будет ни сил, ни числа, ни уменья.
А будет им длинный вороний клюв
и шесть оторванных лапок...

* * *

Струя «раптора», и больше нет
мухи, комара, осы.
Владимир проветривает кабинет.
Поглядывает на часы...

Едет в тачке. Входит в подъезд.
Там ждет его жуткий киллер,
в вязаной шапочке наперевес,
со взглядами тяжелыми, как гири.

Владимир вспоминает, как в дачном водоеме
у него заживо сдохли три карпа.
Вычисляет киллера в дверном проеме.
Успекает подумать: как бы

хорошо было завтра с женой на дачу,
где на ветвях дрозды и папарацци.
Дергает дверной затвор, ощущает отдачу,
разоблачается, пользуется благами цивилизации.

Думает: вот как странно – опять убили,
частично отражаясь в зеркальном кафеле.
За стеною дочь бренчит на мобиле.
Жена благоухает свежемолотым кофе.

А где-то киллер в шапочке утлой
бежит тропею несносной,
чтобы сделалось нам под утро
так грустно, светло и просто.

ПАМЯТНИК

То не вихрь свистит, не Гагарин летит, не гудят проводами слова –
высоко, на ветру развеваясь, парит его чистая голова.

Потому что чистейшей своей головы не пред кем не склонял
он по матери.
Никого никогда не убил на дуэли из славной писательской братии.

Не разбил ни единой Тайоты-лендкрузер, не впал по причине
в отчаянье.
Никогда не садился в последний троллейбус,
тем более, синий, случайный.

Не сгубил ни свиньи в бурных чудских волнах. Не вставал
на дыбы над Невой.
Не родил ни Исайю, ни даже Иакова, ни Иуду, ни братьев его.

Не палил партбилета, не жег партизан
в расписных беловежских лесах,
равно не быковал, вылетая с корриды на алых своих парусах.

Не ложился на дно средь тюленей и льдов.
Не рождался из пены на Крите.
Не ходил по воде, не играл на дуде. Не стеснялся себя на иврите.

Не томил гастарбайтеров в дебрях московских,
Ментов не позорил «волками».
Отделял скурпулезно от плевел овец, руководствуясь Мураками.
Не топил, по весне выходя из себя, деревень.
В летний зной не страдал
торфяной лихорадкой. Зимой не смерзался. По осени не опадал.
Не косил от призыва с учетом наследия монголо-татарского ига.
Не кичился и не заносился ни в черные списки,
ни в красную книгу.
Так скажите: зачем и за что он стоит, над душою,
на старости дней,
со слезой непролитой, с головой непокрытой.
И птицы щебечут над ней.

Наталья ЧЕРНЫХ

ГОСПОДИН С СЕВЕРО-ЗАПАДА

триптих

Поэзия Сергея Завьялова после “Мелики”

ВРЕМЕНА ОНЫ:

вступление

*

Поэт напоминает застывший взрыв. А поэзия предполагает тишину вокруг себя. Слепок с поэта (как явления), неуничтожаемый ничем отпечаток личности, почти что герой поэзии, подобно герою драмы или романа, возникает при столкновении взрыва и тишины. Поэт - сушая контузия, он рождается божественно глухим на одно ухо. Он слышит больше, чем положено, но слышит однобоко. Он действует согласно внутреннему слуху, пятому ли, десятому внутреннему уху, но только не так как от него ожидают люди (и критики в их числе). Поэт ведь - явление, но и воплощение сего явления; он и взрыв, и диверсант, совершивший взрыв. Он изолирован, он отброшен взрывной волною за пределы социумов, какие только ни есть, потому что все социумы перед поэтом - одно. Не наказание, а благодать (именно!) вокруг поэта. И тишина. Ни отзыва о его катастрофе, ни сколько-нибудь внятного мнения о его существовании нет, да и вряд ли возможно. Тишина - естественная аура поэта. То, что он несёт в мир - каждый раз новая тишина. Но сам поэт ведь состоит из звуков. Гром, свист молнии, лады ветра, волчий вой, мурлыканье кошки - его звуковая плоть. Только у поэта есть искомая всем искусством слуховая труба, пятое ли, десятое ухо, дудка, предмет ироничной зависти людей изо и прочего искусства, предмет скрытой злобы литераторов. А поэт живёт себе и дудит, только звенят вокруг подкинута мелочь и чужая брехня. Рушится здание университета (возможно, что и общеевропейского) - остаются риторические фигуры и речи (которые скорее можно перевести как сатиры). Последняя запись в судовой журнале делается при отвратительной погоде: как в Европе, так и в России. При внятном почти физически ощущении нового всемирного потопа. Но не водного (все необходимые ссылки можно найти в Библии), а трансцендентального: под воду уходят крупнейшие пласты общечеловеческой культуры. Тем отчёт-

ливее - как рубашка, вторая кожа, о которой и думать-то стыдно - даты. Даты смертей, даты встреч, даты прощаний. Поэт осязаем, как, скажем, яблоко. Внутренняя вселенная и внешние признаки в нём находятся в прекрасном соответствии, так что порой переезда из одного дома в другой не отличить от перемены поэтики. Потому, думается, луч рассказа идёт через двойную линзу: бытового и поэтического, наведённую на один предмет. Линза одна, предмет один. Характер лирической сущности - дезертир, беглец, пришедший в ярость интеллектуал.

*

Поворот трамвайных путей
 фонарь отразившийся в коже плаща
 крысиный запах парадной
 запомни это тело мое и с ним отойди
 тело мое мой грубый сожитель которого я
 ненавижу со всей его целью и болью
 и с той мишурой что с этим
 отдаленно рифмуется
 “Благовещение”
 1984 г.

*

Прежде всего поэту предстояло прощание с самим собою. Нужно освободиться от тяжёлого, как похмелье, бреда, сна, в котором одна излучина сменяет другую. Что теперь значит тот поэт, который писал стихи по принципам старой орфографии, с ерами, почти религиозные. Еры и яти отвалились, сточились, как кошачий коготь. Что значат все на свете дискурсы и концепции перед одним только: так больше нельзя - ничего, и вовсе нет никаких дискурсов и концепций. Личный, в рамках существа одного поэта, мир подходил к концу, и его надо было скорее уничтожить, как уничтожают следы преступления. Неучтённые полиграфией питерские рассветные сумерки, глухую бездну, ещё можно было, плавным прыжком, преодолеть. И затем бежать, бежать, пока не настигла вырезанная по трафарету советскими ножницами судьба: коммуналки, алкоголь, неуверенность в себе, идущая по всем сосудам, по всем нервам. Действительность окружала всё плотнее, поэту грозил плен.

Поэт по сути своей - заложник. Он одновременно и трофей, и поле битвы миров, совершенно не принимающих друг друга. Поэт чувствует это, он страдает тем, что он всего-навсего вещь, залог, но плен обстоятельств для него не выносим. А в то время и для того поэта, о котором рассказываю, обстоятельства грозили сомкнуться. Побег - из привычного ритма, от претенциозной грамматики, от почти наивных мыслей - стал необходим. Питер с его многочисленными поэтическими сообществами в середине восьмидесятых больше напоминал морг, в котором ещё узнаваемы были черты величественного некрополя. "Безвремяе. Пиши хоть наобум" - первые строчки стихотворения Александра Миронова, написанного в начале 80-х, и они достаточно характеризуют и само время, и отношение к нему поэтов неофициальной культуры. "Клуб 81", в котором оказался герой рассказа, пользовался не совсем доброй славой: считалось, что это искусственно созданная ГБ альтернатива лито. Однако клуб предоставлял возможность общения, так что вышеупомянутые поэты порой пользовались этой возможностью. Герой рассказа бывал на его собраниях и вполне мог ощутить замкнутое пространство подполья. Скупой воздух этого пространства был напоен странным согласием со смертью, гибельностью, обречённостью, щемящей тоской. Поэт ощутил в себе резкое и сильное изменение: вдруг высвободился сокрушительный поток энергии. Что это было: саморазрушение или же дух противоречия, неизвестно. И потому поэт, как думается, повинуюсь скорее мало объяснимому порыву, рванулся прочь. На северо-запад - в средневековом понимании. В мир строгих форм и яростных эпитетов, унося с собою небольшой скарб из расчленённых и заспиртованных воспоминаний, которые, однако, продолжали жить странной жизнью, что и надобно иметь в виду.

*

А поскольку

автомобильный шум на мокром от дождя

светящемся проспекте естественней

чем ветра свист на острие пики

к правой ноге у стремени прижатой

И поскольку

не более чем любопытно что кто-то с кем-то
первым преломил копье в какой-то точке
полулесной полустепной равнины
мордовской ли славянской половецкой
которую мы называем Россией довольно неточно
и кажется сомнительно
То и почти непредставим
вой женщины отчасти конечно ритуальный
до восхода солнечного
до лунного исчезновенья
на ветру
и даже может быть на городской стене
Ведь раны кровавые
на телах жестоких
утерты

“Плач Ярославны”

1986

Побег совершился почти удачно. Ведь всё же близость границы, за которой открывался новый, но будто знакомый ещё до рождения мир. Поэта встретила северо-западная тишина, узнаваемая сердцем. Возникло небольшое пространство, немногочисленное собрание людей, кажется, вполне родственных поэту - всё было аккуратно упаковано и оценено, согласно европейской культурной валюте. Однако распределённые по классической схеме члены поэтического существа, каждый по отдельности, продолжали звать к воссоединению. Светлый свинцовый оттенок неба, в котором зреет нечто, необходимое, но пугающее, лежал и на мыслях, и на словах, и на образе жизни. Формы античных теней на ощупь не отличимы от мрамора, они почти податливы и тяжелы, даже тепловаты. Возможно, что и от руки, к ним прикасающейся. Они будто сами выходили из разомкнутого, разорванного от взрыва пространства стиха. Позади чуть дымилась остатка пограничного моста. Золотой век русской литературы, серебряный век - теперь они различимы только как фрагменты. Мелика трепетной тенью возникла на фоне разрухи. Лет через пять

её укрупнённое изображение возникнет снова. А пока с новой силой восходило где-то в самой глубине поэтического существа: нет, так тоже нельзя. Опыт современного европейского стиха с самого начала знакомства с ним поэта оказался ниже ожиданий. Но опыт русского стихосложения тех лет был настолько косен и уныл, что принять его нельзя было. Поэзия, потерявшая смысл оттого, что потеряла аутентичность - такая поэзия могла только возмущать, оскорблять, но жить ею было нельзя. И поэт решает-ся вновь разрушить то, что когда-то создавал. Так же, как раньше он убивал в себе советские корни, прижигая их ляписом дореволюционной орфографии, пафосом неофициального Ленинграда (вернее, Петербурга) - так теперь он лечит этот неподцензурный ожёг отфильтрованным академизмом. А обстоятельства снова грозят сомкнуться. “Мелика” с самого своего создания довлела ему; она угнетала уже своим замыслом. Поэт задумал новый побег. Не столько из нелепого Союза, сколько из прежней своей поэтики. Северо-западное направление, тем временем, сохраняется с удручающей последовательностью. Внутри общего маршрута возможны отклонения: Италия, Франция. Поэт ищет где угодно, только не там, где лежат обломки его прежнего мира. Тем любопытнее его редкие взгляды назад. Он вслушивается в чужие стихи и приобретает множество русских книг.

МЕЛИКА: агрессия Галатеи

*

В поэзии девяностых для меня ничего подобного “Мелике” нет, по замыслу и форме. Явление совершенное, хотя и воспринятое весьма ограниченным кругом читателей и ценителей поэтического слова. Это - ещё один признак поэта. “Мелика” оказалась в числе лучших книг, но всё кажется, что она недооценена. Не знаю, обиделось ли творение на творца, однако эта книга стихов, Галатея Завьялова, понемногу вытеснила его из России. Предстоял поединок, по значению и сложности превышающий прежний. Нужно было убить в себе русского - чтобы там, в скупом и холодном пространстве, не изойти тоской, не истаять от несбыточности. Ведь русская поэзия для него, пусть и не только для него, но всё же погребена, и над ней совершена панихида - “Мелика”. Нужно было сделать над собой огромное усилие - потому что интеллект там, в разомкнутом, неустойчивом мире, стоит много де-

шевле, чем подержанный автомобиль. Нужно было, наконец, взорвать весь свод прежней памяти, чтобы дать место новой стихии. Чем закончится этот опыт, не ясно. Так врач проверяет на себе новую вакцину, так калека привыкает к протезу. И так появились «Переводы с русского». Хочется сказать немного о самом цикле. В нём, на мой взгляд, заметно ретроградное движение: от Пушкинского «Я помню чудное мгновенье» к Державинскому «Памятнику», вариации на тему Горациева произведения. Таким образом, русская тема в «Переводах с русского» сливается (возвращаясь) к античности. Но важно не только это. Для автора Державин не татарин, как для Мандельштама, а мордвин. Так темы русской словесности и античности вбирают в себя и тему этническую, для автора не менее важную, чем две выше названные. Уже в самой «Мелике» содержались корни того, что возникнет после неё, однако Галатея очень долго не желала сдавать позиций.

Герой Мелики - Одиссей. Он вышел из границ привычного мифа, он знаком с Бродским. Он переводит на русский клятву Эномая Гелиосу, он торопливо, эскизно, скорее успеть, изображает умирающего Лаокоона, он находится рядом с Эдипом, ожидающим явления Персефоны. Он гадает по птицам, и почти невозможно отличить героя от прорицателя («Corvus, corvus»). Он знаком и с просторами Поволжья. Одиссей Завьялова скорее напоминая финно-угорского, или, что ближе, мордовского шамана. Он довольно жёстко иронизирует над националистическими замашками современной России. Но и Одиссей Гомера не принимал устройство той Эллады, в которую он так и не возвратился. Сквозь разорванные взрывом, лежащие, подобно стволам после урагана, тропы, строчки, а порою и просто точки слышатся - и тяга к оставленной некогда земле, и неприятие её нынешнего образа. Но образ самого героя кажется недописанным, незавершённым. Его черты - черты странника, вернувшегося после долгих лет отсутствия, полусвоего, получужого, почти подозрительного для коренного населения. В «Мелике» герой пока что окружён ореолом легенд, его плоть призрачна, это только силуэт, отражение на стекле автобуса или поезда. Это скорее миф, образ, видение, чем настоящий человек.

Тема дороги идёт по краю всей «Мелики», как строчка по краю обшлага. Но это одна из центральных тем поэзии Завьялова. Изображает ли он скудные северные пейзажи, морской берег или

задремавший в глубинке городок, он изображает только дорогу, само странствие, идею. Я - чужой - непонятный - среди чужих мне - но я когда-то знал о том, как они живут. Отражение дрожит на стекле, волнуются мысли. И порой возникают пронзительные видения: мать в рогатом платке, женщина на городской стене - а откуда? Это странные, устойчивые, как некогда заспиртованные воспоминаия, тени, преобладающие над более или менее привычным распорядком, в котором привык существовать. Все эти тени - образы Мелики, это Галатея, живущая своей собственной, неподвластной автору, жизнью. Видения тревожат Одиссея. Так путешественник, приезжающий, кажется, в совершенно незнакомый ему город, встречается вдруг с человеком, которого знал когда-то давно, и при совершенно других обстоятельствах.

*

Завьялов в последней части Мелики сгущает краски: герой Мелики уплотняется, человек-миф приобретает свойственные современности манеры, говорит современным языком. Но при этом он сохраняет ауру легенды, а его сетования подозрительно похожи на элегии. Поэтика Мелики скульптурна, но насколько - чувствуется именно в последней части. Даже то, что книга написана слишком всерьёз (вовсе не важно, что сам автор был настроен серьёзно), придаёт ей монументальность. В классическом великолепии Мелики была, должно быть, особенная нелепость, присущая всему значительному, а значительность начала угнетать. Мраморные руины Мелики нуждались в мельнице. Либо в том, чтобы отправить их на самое дно океана. Для поэта настала необходимость уничтожить в себе Мелику. И все гнездящиеся в ней понятия о культуре, национальности, о поведении в мире, о поэте в мире, о самой поэзии. Вместе с Меликой погибнет и поэзия, и её герой: любознательный, чуткий, несущий аромат древних легенд. Завьялов решил на новый шаг, и этот шаг снова напоминал диверсию. Не только диверсию, но и отказ - от русской поэзии. Он и произошёл в «Переводах с русского». Завьялов пересказывает классические русские стихотворения: Пушкина («К морю»), Лермонтова («Белеет парус одинокий») - в манере современного стихосложения. Как кольцо на ладони, беспомощно, лежат стихи, рождённые словесной стихией, не помнящей родства. Перед поэтом возник указатель: либо назад, в дебри аутентичности, начать всё заново, - либо в штилевую бездну европейской

поэзии, надеясь на внезапную перемену погоды. Возвращаться на родину, раздирая дебри аутентичности, после “Переводов”, было бы нелепо. А над бездной ещё клубился туман “Дуинских элегий”. “Переводы” были первым шагом вглубь и в сторону, после которого началось странное и уже, кажется, неостановимое скольжение.

ПОСЛЕ МЕЛИКИ: человек с северо-запада.

*

В цикле стихотворений “Сквозь зубы” и в “Четырёх хороших новостях” встречаемся уже не с зыбким, волнуемым временем и пространством, героем, а с характерным персонажем. С господином из-за границы, частным лицом, несущим свежий, но до жути холодный ветер и свинцовые сумерки. Этот господин может показаться наблюдателем, и ведь правда - ему не чужда риторика. Однако этот самый господин осознаёт себя и объектом наблюдения. Сложно сказать, какого именно наблюдения, и от кого исходящего. Не ушедшего же в тень, уже не существующего автора - однако, возможно, что именно его. Этот господин никогда не скажет, что верит в бога. Не станет утверждать и противного. Однако с охотой пошутит на тему смерти автора, возможно, что и всерьёз. Он склонен к воспоминаниям, но уже научился вовремя пресекать их. Он с любопытством смотрит на шатры цыган, на вокзальную суету, как будто не имеет к ним никакого отношения. Господин иронизирует почти над всем, что видит, даже над собой: “а может, ты киник?”. Ему едва ли не нравится ощущать себя почти на обочине жизни, так он чувствует себя одновременно и участвующим в жизни окружающего его народа, и сохраняет аутентичность. Ему необходимо средство самозащиты, и, как было замечено, этим средством стала ирония. Но это ведь и наступательное оружие. Он уверен, что разрушает этой иронией то, что некто, существовавший до него, ценил и почитал. Идеалы, созданные античностью для всего человечества, рушатся под напором небытия подобно детским постройкам. Бродяги-цыгане оказываются на поверку жизнеспособнее и культурнее, чем щеголеватый и утончённый европеец. Идеалы, выстраданные русской поэзией в течение нескольких столетий, оборачиваются беспомощной бранью. Перед ликом гибели всего мира любовь к России неотличима от русофобства, а любовь человека к человеку

- от чесотки. Господин с северо-запада наблюдает все названные явления и порой в нём возникает желание поспособствовать, в меру сил, окончательному разрушению всей цивилизации. И это содействие начинается не с того, что идёт нападение на сами понятия (которые даются на полях, вскользь, намёком), а с личных представлений об этих понятиях. Именно эти представления, с точки зрения автора - косность, ненужный ригоризм - гибнут в стихии. Вместе с ними гибнет и мир. Не только разлинованное пространство ленинградской жизни, не только полусфера русскоязычной поэзии, прекрасная и великая, как мраморный купол. Гибнет весь мир: античность, современная европейская поэзия, в которых осталось по половине его прежнего существа. Чувство разрушенности, размётанности по странам и временам сливается с чувством свободы. Хотя это вовсе не одно и то же. Чем скорее растёт пространство отчуждения между людьми, чем больше разбухает окружающий мир - утопленником, деревянным изваянием - тем строже становится внутренний распорядок господина с северо-запада. В пылу саморазрушения он едва ли не объявляет себя обычным обывателем. Он хватается за чужие, отжившие свой век, ценности, присваивая их себе и объявляя их открытиями. Всё, что связывало его с "Меликой", объявляется вне закона в его личной империи. Даже русский язык, на котором написана "Мелика", в цикле стихов "Сквозь зубы" кажется явлением второстепенным, исчерпавшим себя. Скупые тропы капают, как кровь на снег, бессмысленно и величественно. Но вдруг, когда возникает пейзаж, когда сквозь этот, порой скучный, туристический пейзаж, проступает дыхание земли, исконный язык поэта вдруг возникает в полном своём объёме и силе, и одним тропом отвоёвывает занятые годами жизни пространства.

2

особенно же неловко за подворачивающиеся фразы (даже не фразы – слова); вот ты тридцать лет (Одиссей превзойден!) ждал этого берега, этого моря; попутно ты всякое видел: вспоминать и рассказывать можно долго; все зависит только от самочувствия (а оно вряд ли будет хорошим в такую погоду);

погас свет: где-то оборваны провода

Греция меж тем снимается с места, пускается в путь

"Последняя запись в судовой журнал"

2005

*

Персонаж начинает сопротивляться почившему автору. Он не торопится соглашаться с тем, что было близко его создателю, но, как джентельмен, выслушивает его до конца. Пока персонаж слушает автора, берег Финского залива сменяется берегом Суры. И снова та, погребённая на дне мирового вакуума, земля, а вместе с нею - и останки прежнего поэта, подают признаки жизни. Порой их слишком явное присутствие раздражает. Господин с северо-запада считает себя свободным от великодержавного шовинизма, присущего большинству населения современной России, но при этом он испытывает странное волнение при воспоминании о глубинке (“Четыре хороших новости”). Современная Греция ассоциируется у него с тонущим кораблём, но при этом он тщательно проговаривает имена и детали быта, свойственные античности. Греция и христианство - вот две основные точки, в которые направлена ирония господина с северо-запада. Но это его, внутренние Греция и христианство. Греция - античность, Европа - христианство. Для человека восемнадцатого столетия сочетание античности и христианства носило всё же привкус нелепиды, пусть и высокой. Но в современном мире они выступают как союзники. Оба мира: мир античности и мир христианства, выступают теперь как союзники, и не возможны в мире унифицированности. Персонаж, возникающий в стихах после “Мелики”, по видимому, целиком на стороне Европейского мира. И всё же он не спокоен. Внутренняя борьба - всегда отражение внешней. Толерантность оказывается гораздо более агрессивной и склонной к убийствам, чем самый неряшливый ригоризм. И если именно с этой точки зрения взглянуть на происходящие в России события, экономические или духовные, то станет понятнее её диалектика, яснее сильные и слабые стороны.

*

Разделённые небольшим промежутком, “Последняя зпись в судовой журнал” и “Четыре хороших новости” тем не менее, поллярны по выраженному в них чувству и состоянию. Как вдох и выдох, как северный и южный полюса. Как видится мне, они наиболее характерно отражают течения, в которых идёт поэзия Сергея Завьялова. “Последняя запись...” - уже можно судить по названию - фрагмент. Это часть воображаемой (и действительно почти утраченной) хроники, она пишется частным лицом.

Катастрофа, запечатлённая в её строчках, бесспорна, и только мрачноватая тень угасшей давно улыбки освещает эти строки. В каждом фрагменте (фрагмент, разделённый на фрагменты) чувствуется нисходящий, густой поток. “Последняя запись” входит в цикл “Сквозь зубы”. Но она существует и вне его, как нечто, не требующее доказательств. Это воплощение частности, в которой отражено общее. Поэма “Четыре хороших новости”, прежде всего, большая поэтическая форма, это не собрание фрагментов, как “Последняя запись...”. Хотя по объёму эти вещи произведения примерно одинаковы.

Насколько серьёзна “Последняя запись...”, настолько же ироничны “Четыре хороших новости”. Аббревиатуры (АССР), чередующиеся с матерными словами, а так же названиями предметов быта в поэме (папиросы “Север”) - не праздное желание показать свою осведомлённость о временах оных, не ретроградное поветрие, вдруг овладевшее поэтом. Это вдруг ожившие части прежней, препарированной, жизни, которые, на смех и слёзы автора, существуют сами по себе. Вся поэма и все племена, её населяющие: эрзяне, мокшане, муромцы и мишари, а так же рузы-русские - пронизана движением. Все части оживают, собираются воедино. Если внимательно следить за тем, как разивается движение в поэме, станет заметно, что оно гармонично соотносится с сюжетом о пришествии и гибели мордовского бога - Инешкайпаза. Сюжет “Четырёх хороших новостей” напоминает сюжет Четвероевангелия, иногда до цитат. В третьей части, в новости от мишарей, повествуется о богаче и бедняке. И этот рассказ, переделанный на мусульманский лад и наверняка имеющий подобие в характерных преданиях, всё же списан с притчи о богатом и Лазаре, рассказанной Спасителем в шестнадцатой главе от Луки, а Евангелие от Луки стоит третьим и последним в группе синоптических Евангелий. Это только одна из многочисленных параллелей. Укажу ещё только на одну. Евангелия от Матфея, от Марка и от Луки считаются синоптическими. Четвёртое, от Иоанна, считается догматическим, оно стоит особняком. Евангелия от Матфея и от Марка считаются более древними. а Евангелие от Луки компилятивным, написанным на основе уже имеющегося материала. В поэме Завьялова первые две вести - от эрзян и от мокшан; это основа поэмы. Третья часть, хорошая новость от мишарей, предлагает притчу. Как известно, в Евангелии от Луки притчей более, нежели во всех других. Четвёртая часть, хоро-

шая новость от рузов - заключение и финал всей поэмы, но это и гимн. Попыты перенесения Евангельской схемы в мир, Евангелием вскормленный и ему же враждебный - в мир европейской словесности - был свойственен ещё средневековью. Хотя вся европейская литература создана в христианской парадигме. Опыт Завьялова ценен прежде всего именно в этом контексте. Завьялов пытается соединить смеховую стихию и эпическую. Насколько этот опыт удался в "Четырёх хороших новостях", покажет время. В начале двадцатого столетия подобный опыт проводил Владимир Маяковский. Он воспевал революцию в новозаветных идиомах и церковнославянской лексикой. А ещё раньше, в середине девятнадцатого столетия, Тарас Шевченко пытался соединить церковный строй речи и простонародное лирическое высказывание. Все эти моменты Завьяловым учтены, и в опыт привнесено новое: этничность и прямые цитаты из Нового Завета. Прямота и тщательность высказывания в "Четырёх хороших новостях" почти скальдическая. Степень саморазрушения, заявленная в поэме, очень высокая. Я упоминала Маяковского и Шевченко. В культуре европейского средневековья это будут ваганты и Вийон. Всё произведение пронизывают восходящие токи. Оно изображает совершенно иное состояние, чем "Последняя запись". Если в "Последней записи в судовой журнал" - застывший взрыв общечеловеческих ценностей, то "Четыре хороших новости" - кризис религиозного чувства, сквозь который уже различим интерес к живому человеку, утраченные было переживания.

*

Европейская теснота, что бы ни возражал на это персонаж поэзии Завьялова после "Мелики", недостаточна для поэтического слова. Стихи Сергея Завьялова, написанные в последние три-четыре года несут двойственное катастрофическое ощущение: тесноты и огромного пространства. Это пространство буквально завалено хламом, не годным ни для какого использования. В этом мире поэзия - аналог безумия, а поэт - существо из резервации. Окружающая действительность современной Европы может вызывать прямые ассоциации с брежневской эпохой в несуществующем уже Советском Союзе, впрочем, что важно, она более пригодна для жизни. Но ведь поэт - всегда дезертир. Какие вести в следующий раз привезёт господин с северо-запада, трудно предположить.

Дмитрий КУЗЬМИН

**АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ,
НАМ ВАС НЕ ХВАТАЕТ**

Старые старухи гомонят на митинге:
Где же наши льготы? Где молодые годы?
А я еду мимо на край света, в Митино,
по крещенской оттепели, в ненужные гости.

Жители Беслана протестуют слабо,
начальство им велело: разойдись, раз-два.
На бойлерной написано: “Алина жаба”.
Издали читается: “Алина жива”.

**В ЮНОСТИ МЕНЯ ОЧЕНЬ ВОЛНОВАЛИ
НОВОЗАВЕТНЫЕ ТЕМЫ**

Вломи ему, святитель Николай!
Во славу Приснодевы, апперкотом!
Еще и лютой смерти пожелай
Любви великой ради! А чего там?

Вот Истина ведет твоей рукой.
Вот зал ревет от праведного гнева.
Вот Арий со своей второй щекой,
Подставленной для хука слева.

* * *

Вдовец необязательно смешон –
За это наблюдение спасибо
Поэту, чей бесстрастный баритон
Звенит тоской нездешнего пошиба.

Но, Господи, забавнее стократ
Твой стих с его призывом к милосердию.
Ты, кажется, послал меня за смертью?
Не жди меня назад.

НЕ СОСТАВИТЬ ЛИ НАМ АНТОЛОГИЮ ПАСТИША?

Была у Ашенбаха
прикольная рубаха,
он в ней ходил на танцы
и так ее носил.
Прохожий люд смеялся,
а бес в ребро стучался,
и перейти на смокинг
не доставало сил.

Он попросил у Бога:
“Ведь это же не тога,
не кимоно, не ряса, –
уйми их глупый смех!”
Его молитве пылкой
Ответил Бог с ухмылкой:
“Ну да, прискорбна старость –
но разве лучше смерть?”

О бедный Ашенбах,
опять ты на бобах...

**Я СИДЕЛ ДОМА И, ПО ОБЫКНОВЕНИЮ,
НЕ ЗНАЛ, ЧТО С СОБОЙ ДЕЛАТЬ**

Цветов и музыки, можно без хлеба.
Или севрюжины, можно без хрена.
Или подружку найти кролю.
Журнальные позабуду стычки,
С крольчатами буду стоять на Птичке:
При деле и на людях, как люблю.

Не бей копытом, тотем ушастый!
Окраинный рассвет безучастный
Сушить развешивает простыню.
Вздремнем. А днем, с усердьем сугубым,
Решетку будем пробовать зубом.
Пока сухарик не протяну.

* * *

Тонкий кишечник в Питере не пришить,
надо солдатику перевезти в Москву.
Тут, правда, больше любят свежевать да потрошить,
Да прикапывать внутренности под Кутафьей во рву.

Не до тебя, служивый, – в парламенте морщат грызло.
В администрации ищут слоган ко дню сурка,
силятся упромыслить мировое зло
в отдельно взятой стране. Да, видно, кишка тонка.

Юрий ЦАПЛИН

ЛАК

Следует, кстати, заметить, что самое взаимосодействие компонентов в той или иной подсистеме может иметь очень опосредованный характер. Авторская оценка может быть дана не в словесной подсистеме, а, скажем, через сюжетную ситуацию, отношения между героями и пр. Мы уже говорили, что П. Анохин, создав у крысы прочную привычку ходить к кормушке по определённым пути, ампутировал у неё все лапки и установил, что она выработала новую форму передвижения — бочкообразную; перекатываясь через себя, добиралась до кормушки, движение нашло новую степень свободы.

Тимофеев Л. И. Слово в стихе.

Игорь красил плиттус. Игорь полюбил лак. Точнее, лакокраску. Игорь пошёл работать на лакокрасочный завод. Работы на лакокрасочном заводе не было. Игорь постоял у отдела кадров, сказал вполголоса несколько обычных слов, одно нехорошее, и пошёл домой.

Плиттус сиял как новенький. Игорь прошёлся мелкой шкуркой и положил второй слой. Рабочие, то есть знакомые, то есть всё-таки рабочие клеили в Игоревой комнате обои: по знакомству, то есть всё-таки за деньги. Обои были дешёвые, клеить их как надо рабочим было запахло. Рабочие получили аванс. Стена, обои, терпение рабочих с разными, но соразмерными скоростями подходили к концу. В денежном ящичке болтались проездной на следующий месяц и покоцанный медный кружочек с профилем сподобившегося деятеля — вероятно, еврея.

Игорь готовил ужин. Игорь забрал у мамы кулинарную книгу, полюбив маринованную фасоль и стручковую рыбу со специями. Игорь пошёл работать в ливанское кафе. Работы в ливанском кафе оказалось до фига и больше; Игорь несколько раз обычно, один нехорошо, думал о ливанских женщинах. Хозяин надел на голову чистое полотенце в соразмерных голове пядях, взял в

руку специальную палку и сплясал Игорю специальный танец. Игорь перемыл очень много посуды и пошёл домой, а на самом деле секунд на десять

вырубился не отходя от мойки, причём

секунды за полторы успел дожждаться маршрутки, доехать до Научной, спуститься в метро, дожждаться, доехать, дождь, гарь, прочесть и забыть сорок страниц «Карманного определителя промысловых и шерстяных животных Южной Америки», раскрыть меховой, живой, подрагивающий, а потому лишь отчасти робинзонов зонт, не заметить очереди в ближайшую шерстерезку, раз-бравить плечи: вторая секунда подходила к концу, до дома оставалось всего ничего, треть квартала, а по сути — забор и ворота дли-и-и-инной автостоянки. Из ворот один за другим вырвали автомобили; присевшая неподалёку дворняга (в которой Игорь, продолжай он наяву или хотя бы во сне, как довелось, милый Боже, нам с Вами, читать малотиражные журналы, неизбежно признал бы незнаменитого, но заслуженного — заслуженно — поэта-верлибриста) их методично облаивала. Поравнявшись с импровизированным постом, одна из машин остановилась: водитель высунул руку; помахивая указательным пальцем, принялся отчитывать пса. Пёс замолчал и, как могло бы показаться непросвещённому, то бишь бодрствующему наблюдателю, стал комично-прилежно кивать головой в такт нотации, хотя на самом деле, должно быть, всего лишь примеривался тяпнуть непрошеного этолога за палец. Обходя ворота, Игорь на всякий случай погрозил собаке схлопнутым, лениво переливающимся, абсолютно понятным во сне и совершенно неприличным что в устном, что в письменном пересказе «стригунцом». Животное, то есть заслуженный пёс-верлибрист оскалил зубы и заворчал, то есть зарычало и бросилось к Игорю, — а спустя триста пятьдесят микросекунд и атаковала: окошко закрылось, транзитный «дроФ» мигнул поворотным и был таков, неприличный стригунец мгновенно съёжился; Игорь остался один на один с взъерошенным, искрящимся и в буквальном, грозowymi разрядами во все стороны, смысле молниеносным чудовищем. «Пшла!» — бешено уворачиваясь от вполне рационального и, к тому же, куда более подготовленного противника, Игорь заозирался в поисках приличной палки, был укушен в правое колено, сделал

три-четыре панических телодвижения и

проснулся. Смешные расчленённые молекулы разлетались из маленькой кухни по всей переделанной в мойку-бухгалтерию-склад четырёхкомнатной: дело привычное, однако, несмотря на усилившееся и словно повсеместное журчание, явственно потягивало и горелым. Игорь в третий раз за день поздоровался коленом с пластмассовым (жирным, но твёрдым) подбрюшьем раковины, огорчился и закрыл кран. Ухмыльнулся, расстегнул рюкзак: Америка оказалась не Южной, а Северной (манхэттенский клерк, домохозяйка из Виржинии, чёртов президентский лабрадор).

— Спишь? — пошутил присматривавшийся к Игорю Коля Бурейко, но поскольку это был уже не сон, а реальность, Игорь понял, что на самом деле говорит Толя. Бурейкин говорил:

— Слушай, ты в армии кем был, погранцом? Тут это, подзаработать можно. В смысле поразвлечься и загореть.

— За погранца ответишь, — без особого интереса отреагировал Игорь: ему показалось, что Пыреев зазывает его в пляжную охрану или в багорщики-спасатели, а то и, пуще, вознамерился в преддверии сезона тряхнуть стариной и взять на откуп слабоиерархическую до поры сеть торговцев контрабандным мороженым.

— Побережье Средиземного моря, съел? — то ли опроверг, то ли подтвердил предположения Игоря нервный Тыреец. — В общем, повоевать надо. За наших.

— Это за каких же за наших? — умилился Игорь. Десять лет назад он ещё писал

разные необязательные стихи;

пятнадцать лет тому Игорь их — т. е. не их, чужие, но оттого не более, как помнилось теперь, обязательные — ещё читал: с лёгкостью вообразил он себе и приличествующие случаю гляцевые, залинные до едва-проницаемости строки забытого автора.)

— А за всяких, — подсказал Николай. — Вон, за Камиля и Аллаха. Или за Розенкранца и Горенштейна. — Розенкранц была фамилия преподавателя слесарных искусств в лицее, где учились Игорь с Курагиным. — Пошли, прикол покажу. Ты когда-нибудь баранину, — «баранину» Дуренко для смеха ударял на третий слог, — баранину совсем сырую видел? В естественной, так сказать, обстановке?

Игорь удивился и пошёл за Колей на кухню.

Придя на кухню, Жмуревич недоверчиво покосился на щипанного голубя, вытряхнул из тарелки и бросил в рот шарик кибби, отдернул занавесь. На разноцветном кафеле, прямо под разделочным столом полулежал, стреножен, небольшенький барашек пыльной собачьей масти и смотрел на Колю слезящимися глазами.

— Барануна! — объявил Сырейчик.

— Барануна, — понял Игорь. — Это зачем?

— Может, того... этого. А может, на развод, — пояснил Зверейцев. Барашек блевнул непригодившейся зеленью и заблеял, — верней, растянуто-неправильно тьякнул. — А ты чё опять, оно те на?..

— Не на... — сочувственно сказал барашку Игорь, думая, что говорит совсем не то, но барашек утвердительно замотал головой и Игорь про

снулся снов

а. Плотная волна бетонной крошки ударила в лицо, высушила кожу; пыль — заскрипела на зубах, пудрой набилась в носоглотку; Игорь поперхнулся, попробовал откашляться, не смог и, плотно прикрыв рот ладонью, стал дышать пылью, мигом осознав эфемерность ли, абсолютную небывалость и решительное никогда-не-существование предыдущих запахов, равно как и то, что на этот раз, по-видимому, очнулся взаправду. Бесплезная оторопь, буржуазное неудовлетворение, растерянное негодование, злорадная неприязнь. Некоторые другие физиологические признаки. Он снова стоял у мойки и, должно быть, снова долбанулся коленом, что теперь, наяву, оказалось совершенно неважным — Игорь отвернулся, подхватил сумку и, разгребая картонные ящики и уличный сор, вынесенный в квартиру будто на отмель, стал пробираться к балкону детской, когда среди гнусного пыльно-картонного скрипа и визга расслышал жалобные причитания Камиля.

Переступая через обрывки своих ориентальных снов, Игорь подошёл к ливанцу.

Кухня выходила на проспект, практически на площадь. Серый от боли и пыли, неузнаваемый Камиль сидел на полу, одной рукой придерживая торчащий из живота веер оконных осколков,

а другой пытаюсь дотянуться до танцующего на столешнице телефона.

— Коля, Колян, — не узнал Игоря Камиль. Игорь отнял у Камилы окровавленное стекло, расстегнул на сопротивляющемся работодателе куртку, задрал сорочку: волосатый живот был черён, мокр, но, кажется, цел, кровь сочилась из горизонтального пореза; Игорю показалось, что в глубине блеснул тонкий, ледяной кристаллик. Поднимая клубы пыли и стараясь делать мелкие неглубокие вдохи, сломал не захотевший открываться выдвигной, достал пачку полотенец и попытался перевязать рану.

— Будешь держать. Держать, держи, понял? — предупредил Игорь Камилу и пошёл разведать

* * *

выход.

Окрестности были наполнены киношным гулом, батальным dolby surround: многоквартирный дом принимал на всех теле- и радиоканалах один и тот же трек про войну. По небу растекалось грязное канализационное облако второго взрыва; столбец за столбцом прыгали в стороны банковские новостройки, навёрстанные на бело-голубой задник. Мир звучал глухо (пыль), плохо: плавно переплетая линии человеческих голосов, взвоя помех и прибой пожарного радио; в голове рвались и развоплощались тропы и новости на забытом праязыке.

Игорь нёс ливанца и ничего по этому поводу не испытывал: душа, или что там на её месте бывает у стихийных атеистов, была словно покрыта прозрачной — защищающей, сдерживающей? — плёнкой. Переливались, перемещаясь в воздухе, косяки бумаг; громадные стручки исследовательских и арендованных зданий лопались с неожиданным треском (так, сравнил бы давний Игорь, стреляют из-под колёс каменно иссохшие на ветру листья придорожного тополя); сыпались, проминая асфальт, столы и сейфы; катились проспектом гладко набитые тюки-горошины. Игорь был железобетонно уверен, что проснётся ещё раз, но по-прежнему, как и в самой первой, когда ещё писались стихи, молодой и матовой, то есть циклической и мутной реальности, не знал, сон всё это или не сон, он всё это или не он, — и тогда грузный ливанец очнулся, взвалил на себя Игоря, если это уже был Игорь, отряхнул, притопнув, тупли, посмотрел на прикатившийся под

ноги, перебираемый ветром клочок нежной шерсти, посмотрел на поседевшие ресницы скорых на решения 35-летних мужчин, с кейсами и колёсными чемоданами торопившихся мимо, посмотрел на зелёное солнце в разбитой витрине и, пошевелив губами, смекнул, куда идти.

Литовец шёл то ли к центру города, то ли на окраину, то ли нёс автомат, то ли вёл на ремне барашка и пел воинственную скотоводческую песню.

2002

Илья КУКУЛИН

* * *

Виноват, -- говорит хасид, --
Юля Идлис во мне горит,
Маша Галина светит мне в полный рост
и Лена Михайлик слова говорит со звезд.
Я уже не бульвар в Егупце, не улица в Днепропетровске --
я стал Дерибасовской, на которую не свернет
реб Зеев Евгеньевич, ушедший в дальний поход
за святой Марусей с песенкой про папироски.

*Еще гетто не погибло покуда мы живы
что навеки потеряли мечом отвоюем*

Виноват, -- отвечает ушлый один литвак, --
мир вокруг распадается, невидимый ключ вырубает ток,
пламя свечей ложится, кегли падают, шар каждому метит в лицо,
те, кто дарили кольца, нас не связывают в кольцо.
А есть то, о чем и Введенский не знал заранее:
молодежь с ясными лицами марширует по площадям,
заходит в дома с галантным вопросом: «¿Patria o muerte, madam?»,
забывая сжечь у входа табличку: «Srebowanie i niklowanie».

*Еще гетто не погибло покуда мы живы
что навеки потеряли мечом отвоюем*

Виноват, -- комментирует грустный папаша Блум, --
я увез бы ребенка, но сирены идут на ум,
чрез двенадцать лет над Троей вырастет страх,
дребезжа и качаясь, как корвет на чужих ветрах --
и равнин в его трюме, считая себя Ионой,
увидит покинутый город над лестницей у воды,
и как на побелевшей траве по утрам проступают следы,
и что цвет их -- охристо-черный, а не зеленый.

*Еще гетто не погибло покуда мы живы
что навеки потеряли мечом отвоюем*

Виноват, -- продолжает хелемский меламед, --
я учил смешных детей выходить на свет,
и теперь смотрю, как сверкает речка у старых ив –
они давно убежали купаться, меня не спросив,
а у меня уроки уже впечатались в кожу.
Но когда загорится их проклятый вертоград
посреди другого восстанья, откатывающегося назад,
засыпающего в подземной трубе на холодном ложе –
я боюсь очутиться в центре, где наших нет,
где на улицах патрули не из новых французских газет,
а из старых, -- и это совсем не одно и то же.

*Еще гетто не погибло покуда мы живы
что навеки потеряли мечом отвоюем*

Виноват – говорит православный арабский ксендз, --
у нас тут в деревне хотят ввести беспроцентный ценз.
Я им пытался объяснить,

дескать, вы не христолюбивое воинство,
а неквалифицированное большинство,
а они улыбаются и говорят «спасибо», что хуже всего.
Мои учителя тоже уходят туманным лугом.
Так, общаясь, они впятером составляют миньян,
ибо у каждого – две души, обугленных по краям,
смотрят на небо и говорят друг с другом.

*Еще гетто не погибло покуда мы живы
что навеки потеряли мечом отвоюем*

2005

* * *

Недружественное поглощение
дружественного интерфейса
не всегда способствует обогащению
менеджеров среднего звена:
они стоят и прощаются
в ожидании рейса,
читая в лице интерфейса
надвигающиеся времена.

Небо – экран телевизора
на тридцать втором канале –
в развалинах голубого и розового
(not with a bang, but with a whisper)
пятится и молчит.
Эхо свинцового голоса,
на ходу забывая детали,
вдоль нехоженных троп на реке Колыме
спит, спит, спит.

В сумерках истребители
выходят из зоны покрытия, --
идут на пониженной высоте
под полной луной.
Вспоминают себя в одиннадцать лет,
с голой коленкой в одиннадцать лет,
и смыкают крылья, которых нет,
над пустотой.

Полные тезки и однофамильцы
Карем Рашид и Карем Раш
начинают друг другу растерянно сниться,
словно верхнему – нижний этаж.
Встали с викторией в рост барабанщики.
Девочки в хаки – почти как мальчики.
Эфемерная линия не столь обманчива,
но ты ее мне не отдашь.

До нее дотянется только рожденный
в крепости над слиянием рек,
разметавших земли веселое лоно,
от близкой могилы стремящих бег.
В *зеленой зоне* над желтой водой,
что тянется тихо к воде другой,
девочка в хаки, но тоже другая
(как отделить мне ад от рая?
пусть рай на земле играет, сияя!)
плачет над трупами трех человек.

Братья ли по оружию,
сестры ли по призванию –
истребители цугом берут друг за другом
близ гор – звуковой барьер,
а менеджеры печалются
о реформе образования,
и строчат депеши в своих ноутбуках
и требуют срочных мер.

Георгиевские ленточки
становятся горизонтом.
Я прохожу мимо них – война
и так идет по пятам.
Менеджеры пролетают
высоко над молчащими дзотами,
я в темноте провожаю их,
слышу дыхание близких своих,
боюсь поглощений и превращений...
и команды «Внимание всем постам!».

Роуминг действует. Ветер стих.

2007

* * *

Б.Г. Херсонскому

Я помню это устройство
оно называется
электрический арифмометр

Отец рассказывал
после распределения
первые годы
он работал на таком же трофейном
фирмы «Rheinmetall»

Надо было набрать 4 x 4
колесики начинали вращаться
с оглушительным скрежетом

после полутора минут тяжелого труда
в окошке появлялось число 16

Но считал в общем-то хорошо

Компьютеры уже были изобретены
то есть *были в принципе* как в том анекдоте
в институте их не было

Я стою в музее военно-морского флота США
Вилмингтон штат Северная Каролина
тяжелый крейсер «North Carolina»
Крис говорит отец его воевал на таком же но «Pennsylvania»

Метров триста в длину
Главное бортовое орудие
три ствола по шестнадцать дюймов каждый
экран моего компьютера всего на дюйм больше чем эта пушка

Передо мной бухгалтерия этого крейсера:
пишущие машинки
и один электрический арифмометр

разумеется, не «Rheinmetall»

В ушах тонкий пронзительный голос парня
зачитывающего очередной манифест Александра Гельевича Дугина
в саундтреке видеоперформанса группы «Strapharia»

(там еще потом на экране в красном круге крутилась
огромная черная свастика
и танцующие на дискотеке тянули руки вверх
чтобы луч прожектора со свастикой
осветил их
бешено кружащаяся свастика и руки
бешено кружащаяся свастика и руки
Drang nach Gewissen
до смерти забыть не смогу)

«Мы будем воевать!
Империя против империи!
Поэт против поэта!
Галерея против галереи!»

(Ага, и бункер против бункера,
те, кто внутри, всегда в безопасности,
знаем-знаем,
Армен Асриян напомнил,
воевавший политруком в Нагорном Карабахе,
или Арцахе, что в данном случае - одно и то же)

Ага,
а тут –
арифмометр против арифмометра.

По разные стороны фронта
эти приборы:
тот, на котором считал мой отец,
а до этого – безвестный немецкий офицер или бухгалтер,
и этот, американский,
стояли и считали,

и американский, как робот Wall-E,
говорил про себя словами Элиота:
мы заняли свои места, повинуюсь приказу.

13.10.2008

Виктор ИВАНОВ

РАССКАЗ СОБАКИ ВИТИМА

Вскоре после первого мая, когда зигзагообразными кусками сгорела земля и постройки на дачах (пожар начался от ворот промзоны граничащей с кладбищем), и люди с ведрами и песком отбивали пламя до приезда пожарной команды, спасая плодовые деревья, которые зацвели на следующий день, отправился я в город Барнаул. Товарищи мои меня не встретили. Ночь я провел в городе, блуждая кругами под лай собак и встречая случайных спутников, заходя в казино, чтобы сдать памятные мне часы музыканта Андраде за сто рублей, там же оставил я и ключи в портфеле, танцевал на подиуме местного клуба Африка, но был согнан, а сандалии утопил в реке Обь, спускаясь с обрыва высотой с полет коршуна.

Столь не гаданное мое появление встревожило мое тетушку, которая и нашла меня босым и голодным, лежащим на тумбе недалеко от монумента славы героям на площади при вокзале в горизонтальном положении. Было жарко и нас, Нежную скорую красную армию, в которую вошли я и моя тетушка, военный врач, посадили силы вокзальной милиции в маршрутку. В которой разговорились мы с двумя турецкими эфебами, один из которых был красив как темная гроздь винограда, а второй был его стражем. Мы говорили о проблемах моей сестры молнии, секте ассасинов и русских дервишах, отвлекшись от простой алгебры и мнимых чисел. На следующее утро, я, пересилив снотворное и разбросав по квартире свою семью, посадил эфэбов на поезд, и они пригласили меня и мою сестру-молнию по имени Джинния в Стамбул. Как только вышел я из маршрутки, все баскующие женщины окрасились для меня черным влечением кааба, и тетушка, прирожденная чеченка, была выдворена мной, поскольку столь нежна была ее кожа, столь жарко было ее тело и столь явственно ее воображение.

На следующий день я встретил гитариста В., который сказал мне, что остался только с гитарой и собакой и будет выступать в военном оркестре.

И вот прошло две недели отнюдь не буколического сна, как очутился я дома и получил долгожданный telephone call from Histanbull, однако вместо того, чтобы преодолеть размолвку с моей сестрой, которую до восьми раз в день выходил встречать на двор к себе, направился я в клинику на дамбе, довольно большой плотине через Обское море, что ведет до Камня.

Там я увидел сквозь окошечко спующих людей, к которым вскоре и присоединился, оказавшись во второй палате. Все что я там мог делать, почувствовав себя дома, так это петь и танцевать, за что ввергнут был в наблюдательную палату, караульную, где лежал визирь всего гарема больницы. Желак, так его звали. Он носил на голове повязку, спал, просил сладкого и сбивал с ног попавших сюда в бега воров, разбойников, умалишенных. Там же я подружился с Евгеном, с которым мы провели много забавного времени. От него я узнал, что скитаясь со старшим братом, он в драке был облит бензином, в драке уже в тюрьме сломали ему ключицу, а когда хозяйка (так именуют веревку) оборвалась, он увидел вокруг себя четверых милиционеров и в черном бреду пробыл четыре дня, пока его не перевели в эту больницу.

Там же в караульной палате находился еще вор-отказник, с двумя клеймами под мышками, по имени Володя, он отказывался работать на тюрьме и сидел в этой, позволю сказать, санатории, тоже около 10 лет. Он ходил в черной куртке и жаловался на то, что ему не хватало черного пистолета. В санатории категорически не хватало табака и чая, и красивый цыган Николай Иванович мыл, похожий на гимнаста Тибула, полы в караульной палате. Там же оказался живой труп, который чуть не зашиб врача табуреткой, классификатор – записывающий шифром свои истории, оклеветанный в изнасиловании матери пожиратель бычков и токсикоман. И старик, говоривший причудливыми рифмами, а также майор милиции, забывавший свою койку, но помнящий о еде и о пении старых певцов.

Выход из палаты охраняли ногой Желак и санитар Вася, и выход имелся только до киосочка с таблетками, туалета и столовой, где кормили вкусно и сытно. В туалете помещалось два амвона с поручнями и унитаза, на котором курили, как и на скамейках, показывая черные и белые гениталии, дрались и ели нифеля.

В один из светлых полдников подошел человек, читавший утешение по православному календарю из апостола Павла, пос-

ле чего старик, говоривший присказками, возвращаясь в палату, раб божий Владимир, 27 лет не бывший в больнице, скончался, подавившись булочкой, от эпилептического припадка. Мы его оплакали, а затем меня перевели в палату Холл санатории, где лежало около 30 человек, и все кашляли, поскольку приму делили на общак.

Там оказался кларнетист, прокручивающий дела с ворами в законе, его друг Сережа, цыганский барон, цыган Николай Иванович, красиво смотрящийся в зеркало, человек-ослик, говоривший фуфу и туту, и безбровый немецкий зайчик. Солнце по вечерам било в окно, и вскоре кларнетиста, который собрался строить храм и говорившего, что задавил сатану, и что во сне ему явился Христос, выписали. Перед этим он обмолвился, что бог создал вора, а дьявол – прокурора. Нежные и томительные русские песни о больной матери, к которой возвращается вместо сына отец, пели всей палатой, переписывая слова друга у друга, пели все - и Евгений и Ленин, от которого ушла жена Юля, и в место которой он найдет себе новую жену как в фильме «Вылет задерживается», ну что еще сказать. Томление душевное, неопишное страдание о далекой Костроме, самом страшном лагере психов, для которых скоро наступит амнистия по обещанию государя, вынули меня из этой темницы с двором, где гуляли собаки и старушки, цвели газоны и все казалось бы так, что

Массих аль Джелал, разрубленный пополам, не снес первомайским пламенем с воем всех золотых иконостасов, и новые воины ислама, черный от курева и бледный от никотина ребенок, не подняли нового зеленого знамени. Да хранит Вас Аллах, всемилостивый и милосердный, а я свободный, но под домашним арестом, жду, что скажет в ответ мне сестра-молния, что скажет сестра-молния отряду бойцов за нетленную плоть, либо стану человеком с гитарой, расстроенным пианино и без собаки моей индинго.

Андрей СЕН-СЕНЬКОВ

VITALIA

рим

...
почему св. петр попросил распять себя вниз головой?

уже тогда у палачей были красивые ноги?

необъяснимая оптика
апостольских лицевых косточек
вскрываемых мышцами сапога

...
если летом что-то сжимается в риме
то сжимается несильно
но больно

как одна часть тела
другими
чужими
теми у которых
странное влажное чувство юмора

...
santa maria maggiore:
досочки дощечки деревяшки

на них лежал совсем маленький бог
сильно вдавливаясь от сладкого страха
превратиться в пиноккио

...
повсюду в лавочках
плохо отпечатанные открытки
с кадрами из римских каникул

не клеиваются назад
в сладкий фильм
актерские дольки
черно-белых отравленных фруктов

...

via della gatta:
ночью на улице кошек
фонарики неподвижны
как прибитые к стенам
головы убитых св. мышей

верона

...

к дому ромео
двенадцатилетние японки
- крошечные улыбающиеся минольты -
принесли свои
первые ежемесячные фотовспышки

сиена

...

в лениво-средневековом пространстве
болевые точки
никто не трогает рукой

они
сами собой вжимаются туда
откуда начинают плакать взрослые мужчины

Феррара

...

в таких крошечных городках
даже макдоналдсы крошечные

но детей в них нет

такое чувство
что их здесь и не было
в этой цветной невеселой пещерке
вырытой в желудочном счастье

ОСТИЯ

...
где-то рядом убили пазолини

на операционном столе мокрого моря
разложены инструменты серебряных волн

сейчас будут срезать с кожи соль

ВАТИКАН

...
услышал удивительную поговорку
пусть плачет – двух не станет
и вспомнил
что в руках у петра два ключа от рая

два ключа
сначала заживо кричащих
сваренных в слезах
а потом стонущих
от кипяченных краев замочных скважин

сан-марино

...
в местном музее пыток
все кажется нестрашными иллюстрациями
к игре камень, ножницы, бумага
к пальчиковой игре
теряющей сознание
математики рук

венеция

...

мощи св. марка
чтобы провезти в венецию
пришлось спрятать
среди кусков несвежей свинины
в испорченное жирное мясо
в розовую нечисть временной могилки

перуджа

...

здесь проходит
фестиваль umbria jazz

никогда не трогайте утром натошак
ежегодный слой меди
длинных темнокожих звуков

флоренция

...

галерея уффици:
дети останавливаются перед разноцветными лошадка-
ми учелло
а потом
все как один
учатся заново ходить
высоко поднимая
карие колени зрачков

ИЗ ЦИКЛА “ПРЕЛЮДИИ И ФАНТАЗИИ”

Необыкновенный концерт

Во времена моего детства по телевизору вечно шли одни и те же фильмы, их показывали так часто, что рано или поздно каждый из них приобретал статус коллективного мифа: распоследний алкаш, позабывший имя собственное, был способен воспроизвести близко к тексту пассаж из «Иронии судьбы» или напеть арию Рязанова, а грузчики в вино-водочном помимо естественно-матерного пользовались слэнгом, составленным из кинематографических цитат и словечек. Одним из таких фильмов-мифов был «Необыкновенный концерт» Образцова — кукольный спектакль, адаптированный для телевидения: фейерверк пародий и скетчей — временами унылых и пошлых, временами — блестящих, безумных, абсурдных.

Один из номеров «Необыкновенного концерта» представлял собой пародию на выступление академических музыкантов, исполняющих «конкретную» музыку (о которой, разумеется, советский зритель в то время не имел никакого представления): в качестве инструментов использовались — унитазный бачок, скрипучая дверь, стакан булькающей жидкости (один из кукольных персонажей звучно «полоскал» горло), и струна, натянутая на унитазную трубу для слива воды. Ясно было, что речь идёт о «творцах», одержимых гордыней Нового, о тех, кто ищет оригинальности любой ценой, используя негодные, «низкие» средства для достижения «высокой» цели. Их наглость сравнима разве что с их непомерным самомнением, и смех зрителя должен послужить им уроком.

В те запретительные времена у нас не было возможности увидеть своими глазами «Звёздные войны» или Тинто Брасса, зато мы могли с упоением читать и перечитывать ругательные статьи в «Искусстве кино», а после — грезить о неувиденном — каждый на свой лад. Такая фантазматическая мастурбация приносила необыкновенные плоды: когда я, наконец, посмотрел одну из серий «Звёздных войн» (помнится, это произошло уже в эпоху развивающейся видеоиндустрии на квартире у богатенького

одноклассника), был потрясён убогим замыслом и картонными персонажами: не этого я ждал от фильма, который ругали в прессе с такой страстью и упоением, совсем не этого...

С академической музыкой было куда как хуже: нашему воображению приходилось полагаться на слухи и догадки. Помню, что фамилия «Булез» служила своеобразным паролем-пропуском в мир ценителей новейших шедевров, которых никто из нас слухом не слышивал. Всё это чертовски напоминало культ или секту: мы говорили о том, чего даже приблизительно не представляли, но полагали, что хорошо знаем — просто потому, что это служило предметом самых оживлённых споров и обсуждений.

Кажется, в те годы я был уверен, что «Молоток без Мастера» Булеза — нечто, напоминающее ораторию «Нагасаки» (единственное атональное произведение, которое я к тому времени слышал) и — одновременно — православную литургию: мой фантазматический Булез был аналогом позднего, ещё не случившегося Шнитке. Как представляли себе музыку Булеза товарищи по несчастью, я не знаю и даже отдалённо не представляю себе.

Понятно, что о «конкретной» музыке мы вообще ничего не слышали: имя Пьера Шеффера впервые мелькнуло в книге, посвящённой достижениям инженерной мысли в области акустики. О его композиторских проектах было упомянуто вскользь и невзначай: в глазах автора монографии (не упомянуть теперь ни названия, ни даже темы) Шеффер был инженером, который в свободное от работы время баловался сочинительством.

Всё изменилось, когда стараниями энтузиастов в России стала исполняться музыка Кейджа и Фельдмана, нововенцы обрели статус классиков, и слово «Штокхаузен» перестало быть ругательным. К тому времени появились первые магнитофонные записи Лигети, «Железный Занавес» приоткрылся: крупные западные фирмы грамзаписи принялись за Шнитке и Губайдулину. Помнится, когда в моём доме появилась бобина с карандашной надписью «Турангалила» на обложке, это был настоящий шок: несколько дней я почти не показывался из дому.

Но вот что казалось мне странным и удивительным: чем глубже погружался я в мир новых звучаний, мир, казавшийся мне тогда свободным от академических предубеждений, тем меньше оставалось вокруг людей, способных разделить со мной моё сча-

тье, мои догадки и прозрения, мой вечный музыкальный голод. Увы, большинство моих друзей не могли отличить на слух квартета Бартока от квартета Веберна...

Да-да, они кивали мне. Они говорили: это здорово, классно, старик. Ураган! Но уже десять-пятнадцать минут спустя каждый из них терял нить музыкального со-знания, и вместо того, чтобы ПОГЛОЩАТЬ музыку, был способен лишь ПРИСУТСТВОВАТЬ.

Они были похожи на слепых, которые притворяются зрячими.

Среди тех, кто приходил ко мне, было много музыкантов. Никто из них не был заинтересован в том, чтобы разобраться в том, что же на самом-то деле происходит в этом огромном отеле в тысячу этажей, миллионом комнат и миллиардом обитателей, который должен был по идее служить им домом.

Я уговаривал. Я убеждал. Я злился.

Ничего, абсолютно ничего не помогало.

И в один прекрасный день я понял что нужно делать.

Я назвал это «Необыкновенным концертом» — в честь кукольного представления Образцова, а точнее — в честь того самого фрагмента, о котором шла речь выше. «Необыкновенный концерт» просуществовал всего несколько месяцев, но это были прекрасные, удивительно плодотворные месяцы. Мне удалось «обратить в свою веру» множество людей, в прошлом далёких от академической музыки, а «вторая волна» — волна слухов, пересудов и газетных материалов породила настоящий ажиотаж. Домохозяйки, врачи, студенты, художники, хипповатые рок-н-ролльщики, профессора университета и даже милиционеры, которые до определённого момента слухом не слыхивали о додекафонии, аллеаторике, минимальной и конкретной музыке, стали живо интересоваться всем этим.

Идея была почерпнута из книги Станислава Грофа «За пределами мозга». В этой книге речь шла об исследованиях психотропного препарата ЛСД-25 на добровольцах, весь материал был собран и классифицирован Грофом задолго до запрещения ЛСД и представлял собой своеобразные клинические дневники доктора-энтузиаста. Помнится, меня заинтересовала упоминание о том, что под воздействием ЛСД люди, до эксперимента совершенно не принимавшие современного искусства, начинали находить в нём смысл и удовольствие.

К сожалению (или к счастью) ЛСД в моём распоряжении не было, поэтому я решил ограничиться техническими приёмами, которые предлагал Гроф для путешествия в мир коллективного бессознательного. Я полностью расчистил одну из комнат огромной квартиры, доставшейся мне по наследству от бабушки, и назвал комнату «Кабинетом Мастера Превращений», повесив табличку соответствующего содержания.

«Кабинет» был рассчитан на одного человека: за всю историю «Необыкновенного концерта» я ни разу не пытался «причастить» сразу нескольких. В комнате не было никакой мебели, кроме дивана и высокой тумбы, на которую я ставил свечу. Окна были занавешены таким образом, что снаружи в помещение не проникало ни единого лучика света. У изголовья лежали наушники фирмы Sony — лучшие студийные наушники тех лет, которые я купил за бешеные деньги на «Горбушке». Провод уходил за стену, где располагался магнитофон с заранее подготовленной фонограммой.

Я предлагал человеку присесть и в течении двух-трёх минут рассказывал о том, что сейчас произойдёт. После чего он укладывался на диван, надевал наушники, я задувал свечу и выходил наружу, плотно прикрыв за собой дверь.

Музыку я подбирал тщательнейшим образом: вначале звучала небольшая хоральная прелюдия Баха, затем Ричеркар из «Музыкального Приношения» в оркестровой версии Веберна. Затем Ричеркар самого Веберна, который в первых тактах сохранял отдалённое сходство с баховским, затем Concerto Grosso Шнитке, где тональные части в квази-барочном духе перемежались атональными: воздействие этой музыки было гипнотическим, завораживающим. Теперь уже не упомянуть всех произведений, которые были записаны на эту плёнку. Точно могу сказать, что там были Мессиаан, Кейдж, Ксенакис, Штокхаузен и несколько «атмосферных» опусов Лигети. В конце звучала всё та же хоральная прелюдия Баха, с которой всё начиналось.

Фонограмма была рассчитана на час непрерывного звучания.

По прошествию этого времени я возвращался в «Кабинет», зажигал свечу и помогал адепту справиться с потрясением от услышанного.

Это всё.

Сегодня существует наука о «музыкальной терапии», где применяют приблизительно те же методы, используя куда более продвинутые средства. Сомневаюсь, правда, что специалисты в этой области потчуют своих питомцев фрагментами «Мантры» Штокгаузена.

Проект «Необыкновенного концерта» окончился с появлением в дверях «Кабинета» участкового милиционера, который был слышан о наркотических шабашах и ночных буйствах в квартире полковника Дейча, некстати доставшейся его непутёвому внуку. Я принял участкового вежливо, во всех подробностях рассказал о том, что здесь в действительности происходит, и дал ему сто долларов за то, что меня не привлекут тотчас же, на месте, к уголовной ответственности, а дадут месяц на исправление и осознание опасности подобных действий в отношении мирных граждан.

Он был по-своему прав: это было насилие, осознанное и ничем не оправданное. «Необыкновенный концерт» на деле был обыкновенной агрессией против неокрепшего разума советских граждан, разновидностью наркоманского «подсада». И когда участковый неделю спустя явился ко мне снова с просьбой о общении к тайнам академического авангарда, я отказал, мотивируя отказ именно этим.

Наверное, я мог бороться с системой и рано или поздно выторговать для «Необыкновенного концерта» место под Солнцем. К тому времени «Кабинет Мастера Превращений» посетили многие уважаемые в городе люди, люди, к которым было принято прислушиваться.

Но я не стал этого делать: было ясно, что время «Концерта» минуло. Ни к чему продолжать эксперимент, результаты которого прочно зафиксировались в моей памяти. Я затеял всё это для того, чтобы понять почему люди в большинстве своём не готовы принять атональную музыку.

Я это понял.

Всё оказалось проще пареной репы.

Люди не готовы слушать современную музыку просто потому, что её нужно *слушать*.

Вслушиваясь. Всматриваясь.

Вмысливая её в своё ТЕПЕРЬ.

Переживая каждое мгновение звучания или тишины так, будто кроме звучания или тишины больше ничего нет.

Проблема в том, что люди этого не могут.

Они вечно заняты чем-то. Чем-то помимо. Чем-то кроме.

В этом всё дело.

Стоит их повернуть лицом к этой музыке, фактически ЗАСТАВИТЬ их слушать, всё тут же становится на свои места.

Вопрос в том нужно ли этим заниматься?

Ответа на этот вопрос я не знал.

Не знаю его и по сей день.

Дядя Коля

1.

— Дядя Коля — это который рожки корчит? — спрашивают.

Скажете тоже... с каких пор это называется «рожки корчить»? Да если бы вас хоть раз в жизни вперло, торкнуло, вмазало как дядю Колю на этих концертах — ооооооооооооуууууууууу — если бы хоть однажды вас краем задела, рикошетом — та страшная сила, которая корчит его, распирает и трясёт, и наизнанку выворачивает — прямо тут, в партуре, в третьем ряду...

— Ладно, — говорят, — успокойся ради Бога, мы тебе верим. Но — скажи: почему у многих музыкантов такие неприличные лица, когда они погружены в свою, так сказать, профессиональную стихию? Не говоря об оперных певцах... Разве можно петь о любви с ТАКИМ лицом? Ромео и Джульета — у них ведь любовь, красивая, молодая, а посмотри на эти конвульсии, ужимки и гримасы, они же выжимают из себя звуки, выдавливают будто в сортире, они так дёргаются, так страдают, извлекая эти божественные трели, что страшно становится... и смешно... и где вся любовь? Ты удивлён, что нам не хочется этого видеть?..

Но разве пилот-испытатель, перечёркивающий небеса, виноват, что лицо его сплюснуло от перегрузки? Солнечный ветер, сдувающий кожу и плоть с костей — вот его стихия, его праздник! А вы хотите, чтобы мы любили с таким же лицом, с каким подписываем чеки.

Есть люди, которые сидят в концертном зале как присяжные в зале суда, этим мне нечего сказать, я не знаю зачем они здесь.

Если посмотреть сбоку на ряд этих голов, они покажутся искусственными — как пластмассовые яблоки в вазе. Моя мама держала такие яблоки на столе — пока однажды я зуб не сломал, поддавшись иллюзии. Никогда не понять мне её резона.

Ах, мама, мама! Это ведь она меня с ним познакомила, с дядей Колей. Видишь, говорит, бедняга, сбрендивший меломан, у него трусов три пары, одна мятая рубашка, холодильник пустой, зато все шкафы ломаются от грампластинок. В шифонере, в серванте, на книжных полках, на антресолях, на обеденном столе, в туалете на полочке над унитазом — не поверишь.

Откуда ты всё это знаешь, мама?

Брат Евгения Георгиевича, помнишь, того, с бородой, у которого сенбернар и дача в Крыму, того, что завскладом оргтехники, того, что у Лилии Владимировны на свадьбе отплясывал и громче всех «горько» кричал, так вот, брат его — сантехник. Он в дядикино квартире унитаз чинил, и на поллитру взять постеснялся... Зарплата инженера. Ни жены, ни детей, одна музыка. Ветер. А жена его бывшая... ладно, потом расскажу... Здравствуйте, Николай Степанович!

Так я познакомился с дядей Колей. Он опустил своё длинное тряпичное лицо, напоминающее лунный лик Пьеро, и спросил, глядя прямо мне в глаза, люблю ли я музыку. И я почему-то сказал, что люблю. Не то, чтобы не любил... любил, и даже однажды плакал, раз за разом запуская пластинку с песней «Не думай о мгновеньях свысока», но ответил утвердительно потому, что не мог ответить иначе, ведь он посмотрел так серьёзно, так внимательно, как взрослые не умеют. И если бы он спросил люблю ли я хоккей, я бы ответил «да», хотя хоккей никогда не любил и не полюблю.

Я вообще не любил спорт и спортсменов, и уроки физкультуры, и особенно не любил физрука — лысеющего крепыша, майора в отставке, который не упускал случая потешить самолюбие за мой счёт.

Никакого потенциала, — говорил майор, пробуя на ощупь мой бицепс, брезгливо оттягивал нижнюю губу и клеивал окончательный позорный штампик: Не мужик, тряпка.

Мне было двенадцать лет, когда я узнал, что не мужик, когда познакомился с дядей Колей и стал ходить к нему слушать музыку.

Ну что же, — сказал дядя Коля, — не мужик, и ладно. Мужик — это что-то такое, знаешь ли, косноязычное, бахвалящееся своими достижениями — мнимыми как правило. Трусоватое, когда имеет дело с вышестоящим начальством, и подлое, когда речь идёт о малолетках. Животик у него имеется, у мужика, и лысинка, и на работу он частенько приходит с пивным запашком. И ноги у него воняют.

Я не стал спрашивать откуда он так хорошо знает нашего майора, просто кивнул и забыл об этом разговоре на долгие годы.

- Это он потому так сказал, - шепчут мне справа и слева, - что ему-то самому нечем похвастаться: жена бросила, детей не нажил, мускулатура не развита, походка развинченная, плачет на концертах, как немужик... и если прижмут его где-нибудь в тёмном углу, постоять за себя не сможет...

Вот тут вы сильно ошиблись, дорогие мои. Просто пальцем в небо... Неудивительно, учитывая коллективные представления о задумчивых любителях классической музыки, мол, все как один женоподобны и бесхребетны. Совсем нет. И чтобы не быть голословным, расскажу случай, который произошёл с дядей Колей в прошлом году, в филармонии, на концерте Шуберта.

2.

Вернее, то был концерт Алексея Любимова – пианиста в больших круглых очках с фантастическими диоптриями. Такие очки на живом человеке, не пианисте, я видел всего один раз – в детстве. Их носила девочка, в которую я был влюблён. Без них она совершенно ничего не видела, и эта её слепота – с широко раскрытыми глазами – завораживала и приводила меня в состояние оцепенения. Я, конечно, прятал эти очки, чтобы после искать их вдвоём – тут нет, и тут тоже нет – я вёл её за руку, нам было четырнадцать, и мы – рано или поздно – всегда находили искомое, наталкиваясь друг на друга, соприкасаясь пальцами, будто оба были ослепшими, она надевала очки, и я смотрел и удивлялся её глазам, огромным, выпуклым – за фигурными толстыми стёклами. Позже я придирчиво изучал фотографии пианиста Любимова на обложках пластинок фирмы «Erato», и думал: вот, непонятно что было бы, если бы он, Любимов, фотографировался без очков. Красивый, очень русский, я бы сказал – по-чеховски русский, с

аккуратной бородкой, и эти очки... – нет, определённо, без них ничего бы не вышло...

Любимов играл позднего Шуберта на молоточковом рояле.

Вообще говоря, дядя Коля не любил старинных роялей и называл их «кастрюльками», слух его был воспитан звучностью Рахманинова, Чайковского и Скрябина. «Пианофорте, тем более - клавикорды или клавесин - нужно слушать в комнате, не в зале», - говаривал он. Но тут и ему пришлось по вкусу звучание инструмента – это был концертный инструмент Конрада Графа с пятью педалями, произведённый в 1826-м году в Вене, и он умел говорить на том языке, который современные рояли (а с ними многие пианисты) позабыли. Шубертское *piànissimo*, где «стейнвей» производит холодный белый звук, похожий на свет люминисцентной лампы, на струнах молоточкового рояля поднимается и дрожит подобно язычку свечи: светит и греет. Когда прозвучали первые такты *Andantino* ля-мажорной сонаты, дядя Коля прикрыл глаза и врос в кресло. Это означало, что он «отлетел» и больше не знает ни где находится его тело, ни кто он такой, ни почему здесь оказался.

В этот миг в маленьком филармоническом зале показался Иоганн Себастиан Бах собственной персоной. Вначале никто не понял что произошло, мистическое явление было подобно краже со взломом: он ворвался к нам в виде *Vadinerie* из оркестровой сюиты *B-moll*. Помнится, в голове мелькнуло, что, видно, некий шутник за сценой, противник аутентичных исполнений, решил испортить вечер, наиграть на синтезаторе – что угодно, первое что в голову взбредёт, лишь бы заглушить осторожный венский рояль. И только когда Бах споткнулся и бесстыдный начальственный баритон возник на его месте - «Мочалин слушает» - стало ясно, что источником противоречия стал мобильный телефон.

Позже, пытаясь восстановить цепочку событий, я закрывал глаза, и включал внутреннее зрение - подобно режиссёру, внимательно исследующему уже снятый, уже пройденный материал, чтобы загодя, в уме, расставить монтажные склейки: вот тут дядя Коля повернулся, маленький серебристого цвета мобильник чудом оказался в его руке, вот ген. директор открыл рот – крупным планом, а вот взлетел кулак одного из телохранителей (того, что сидел справа)... Могу поклясться, что когда нас вышибли за

дверь, звучали первые игривые пассажи Scherzo, стало быть, вся вакханалия не могла длиться более восьми минут – ровно столько звучит у Любимова шубертовское Andantino. Почему же мне кажется, что прошло не менее получаса?..

- Мочалин слушает... - заговорил генеральный директор.

Дядя Коля принял у него мобильник (легко, будто подхватил эстафету) и сообщил абоненту, продолжая начатый разговор: «... слушает да ест!» - а следом попытался забить малогабаритный аппарат в просторную мочалинскую глотку.

Лязгнули зубы.

Вот оно: мгновение, когда действие частного лица становится Деянием. Само же лицо в этот миг меняет свой статус, превращаясь из скромного «частного» в подневольное, «юридическое».

Определённо, всё так и было.

Так, да не так: с того мгновения, когда Бах одним взмахом перерубил Шуберта пополам и до того рокового момента, когда извесный московский предприниматель распробовал вкус пластика и металла, прошло, должно быть, не более пяти секунд. На старте дядя Коля мирно сидел слева от меня, но уже в точке своего триумфа он возвышался над присутствующими в двадцати-тридцати метрах от пункта отправления. Как он сумел покрыть так скоро это расстояние, какая интуиция безошибочно привела его к источнику возмущения в полутёмном зале – я не знаю. Я пропустил смену декораций и первые полторы минуты присутствовал, как и все прочие - на правах зрителя, ошеломлённо наблюдая за разворачивающейся драмой на фоне тихого – будто перестук речной гальки - фортепьянного вступления.

Когда - пять или шесть часов спустя дядя Коля открыл глаза в реанимационной палате, первые слова его были: «так жаль». Ему было жаль неслышанного Rondo и оборванного Scherzo. После он заплакал от боли и я выскочил в коридор, чтобы разыскать врача или медсестру. Я подумал тогда, что дядя Коля умрёт от побоев. Его рёбра были сломаны в четырнадцать местах, челюсть пришлось собирать по кускам, до сих пор дядя Коля слегка шепелявит, когда волнуется, и мы говорим: «Мочалин пролетел» и с самым серьёзным видом подмигиваем друг другу...

Первый удар пришёлся в солнечное сплетение.

Зрители вскрикнули.

Мочалин выплюнул мобильник.

Я вскочил с места.

Шуберт поставил птичку, и Любимов, повинувшись, ударил по клавишам – внезапное, как озарение, «форте» на фоне медленно разворачивающейся, раскачивающейся и повторяющейся ритмической фразы.

3.

Далее – безумие, хаос. Кто-то из великих, не упомяну кто именно, заметил: мол, Шуберт в этом *Andantino* позволил себе столько странного и эксцентричного, хватит сполна, чтобы затмить долгие годы прекраснородушной наивности. Вторую часть ля-мажорной сонаты можно без преувеличения назвать естественным и даже простым (ведь хаос – прост!) продолжением первой: выразительность – без экзальтации, ясность отчаяния, нюансы в сфере тихого звучания столь разнообразны и богаты, что кульминация приобретает масштаб стихийного бедствия.

Нас выволокли за дверь, и музыка ни разу не споткнулась. Цирковым, ёрническим пассажам *Scherzo* мы внимали уже снаружи, удивляясь неожиданным ритмическим совпадениям – мельтешение кулаков, ребристых подошв, выпученные глаза, разъявленные рты, ватные, потусторонние – из-за стены – аккорды венского рояля. На мгновение в моём поле зрения мелькнуло окровавленное лицо дяди Коли – он смеялся.

Месяц или два спустя мой друг признался, что в тот миг увидел изнанку шубертовского *Scherzo*. «Согласие» – вот нужное слово, – сказал дядя Коля, – здесь Шуберт соглашается с вывихнутым безумным миром. У нас, имеющих уши, имеется странная потребность быть *немножко* увечными, в гомеопатических дозах – для профилактики. Смерть мы с детства принимаем по капле, чтобы придя потом в своей силе и великолепии, она не застала нас врасплох. Исповедовавшись, отказавшись от себя, мы чувствуем несказанное облегчение.

Это как та плачущая икона, чьи слёзы богомольные старушки запекают в тесто и дают внукам – для избавления от скорбей и хворобы. Можно ли чужое горе исчерпать и избыть – за счёт своего собственного? Для спасения утопающих нужно ли утонуть самому? Шуберт это делает.

Мы умрём, - говорит эта музыка. Будьте счастливы.

Били нас в фойе, в присутствии администратора и одной из этих тётушек-клушек, которые получают скромный предпенсионный паёк за наведение порядка в зале. У неё был длинный алюминиевый фонарик времён Великой Отечественной, которым она помахивала, пытаясь произвести впечатление на дюжих бойцов-охранников. И – да, разумеется, администратор вызвал милицию.

На следующий день газеты писали об этом, но - без имён и животрепещущих подробностей.

— *Мы читали, мы знаем!* – радостно вскрикивают все до единого.

Ну разумеется, вы читали. Вы и такие как вы – всё читали, всё знаете. Особенно когда пишут о людях известных – не мне, не дяде Коле, а – вам и таким как вы. Александр Петрович Мочалин – фигура в вашем мире. Ферзь. Хоть имени его и не было в газетах, все в городе знали кого прошлым вечером в филармонии «отгандурасили» собственным мобильником.

Но того, о чём я сейчас расскажу, не знает никто.

Накануне вечером медсестра сообщила по телефону, что дядя Коля в сознании, что он выкарабкался после череды трудных и опасных операций, и осталось ему лишь зализать раны. «К утру своим ходом ходить будет» - заверила меня любезная тётушка, зная, что я уже готовлю ей гостинец – как обещал – маленький конвертик, из тех, что школьницы и пенсионерки посылают друг другу на именины с пёстрой открыткой внутри, но вместо открытки и глупых стишков в моём конвертике была бумажечка зелёного цвета с портретом американского президента. Сестричка должна была разделить свою удачу с дежурным доктором, хирургу же полагался другой конвертик, побольше, и бумажечка зелёная там была с другим президентом – тоже, впрочем, американским.

Радуюсь собственной предприимчивости и дядиколиной живучести, я поднялся, нет – взлетел – на третий этаж и ворвался в больничную палату, приготовив индейский клич – длинное петушиное «до» - из арсенала контртеноров генделевской эпохи. Понятно, что моё «до» не могло сравниться с подобным же «до» Андреаса Шолля и даже куда более скромным «до» Эрика нашего

Курмангалиева, но дядя Коля мне бы простил, я знал это наверняка, распахивая дверь его временного обиталища. Разинув рот, я приготовился взять трудную ногу...

И осёкся.

На белой больничной табуретке у изголовья дядиколиной койки сидел незнакомец. Он что-то настойчиво и благожелательно нашёптывал дяде Коле. В ответ перебинтованная крест-накрест дядиколина башка покачивалась на подушке, и звук, сопровождающий эти покачивания можно было принять за смех.

Или плач.

Или предсмертный хрип.

4.

Однажды, в ответ на упрёк интеллигентной бабушки-соседки, читательницы “Огонька” и поклонницы телепрограммы “Взгляд”, назвавшей его “имбецилом патлатым”, дядя Коля заметил, что люди безумны все до единого, но есть те, чьё безумие созвучно твоему собственному, и прочие, чьё безумие вынуждает тебя сохранять дистанцию, держаться на расстоянии.

Мимолётный обмен любезностями - на лестничной клетке, в движении: мы поднимались в квартиру, она спускалась во двор.

Уже на кухне, сооружая бутерброды с «Докторской», заваривая плохонький грузинский чай, он вдруг улыбнулся и пробормотал: человеческая психика - настолько сложный и хрупкий аппарат, что просто диву даёшься - как вообще удается понимать друг друга и сосуществовать ежедневно и ежечасно... и даже то, что в соответствии с высшим замыслом должно бы нас объединять... любовь человеческая - не оправдывает ожиданий...

Я промолчал, припомнив фотографию в спальне, где молодой дядя Коля, повернув голову, глядел на женщину. Женщина, освещённая его взглядом, дерзко смотрела в камеру. Снимали «на лету», фотограф случайно оставил в кадре размытый край жёлтого рукава, затенив сказочный фон: далёкие горы на горизонте, реку и рощицу.

Любовь ворует, - сказал дядя Коля, - а музыка - берёт.

Я откусил от бутерброда и вздохнул. Увы, я даже не пытался понять...

Любовь сжигает, - сообщил дядя Коля, - а музыка - греет.

Он поставил пластинку, повернулся ко мне и шепнул: любовь ненавидит, а музыка - любит.

Мы слушали Веберна в исполнении Венского филармонического под управлением Аббадо, ели бутерброды с “Докторской” колбасой и пили крепкий грузинский чай.

- Эвона, какая романтика! – вздыхают, хлопая ресницами. – Да ведь твой луноликий фрик - просто Байрон какой-то... Но скажи: кому он говорил всё это? К кому обращался, разлагольствуя при тебе, в твоём присутствии?

Вы правы, мне часто кажется, что слова его достигнут моих ушей не прямо теперь, а - когда-нибудь после, в неопределённом будущем - так свет далёких звёзд достигает пределов человеческого зрения. Он говорит со мной как с кем-то другим. Возможно, тогда, на кухне он говорил с тем из нас, кто восемь лет спустя вбежал в больничную палату, и до смерти перепугался, увидав у больничной кровати незнакомого гостя.

С перепугу я довольно грубо схватил его за плечо, и посетитель медленно повернулся, растерянно моргнул – как человек, внезапно запнувшийся, налетевший на камень. Лицо было странно знакомым.

Угадай кто? – спросил дядя Коля, выглядывая из-за его локтя.

Вуди Вудпекер! – осторожно пошутил гость и засмеялся. Смех окончательно всё прояснил и расставил по своим местам. Я с изумлением вглядывался в его черты, стараясь привыкнуть к новому положению дел.

Сперва люди удивляются нашему сходству, - сказал Анатолий, когда мы вышли на улицу покурить, – но уже пол часа спустя удивляются нашей разности. Мы даже не близнецы. Я - старше на год и два месяца.

Анатолий жил в США и был консультантом по инвестициям.

Всё очень просто, - пояснил он, - дядя Джо мечтает вложить деньги таким образом, чтобы получить быструю и гарантированную прибыль. Но прибыль бывает либо быстрой, либо гарантированной. И окружающие это понимают – в той или иной степени. Как угадать, какие аналитические инструменты использовать,

кому верить? Всем хочется и рыбку съесть, и... тут на сцену выхожу я.

Дальше я не слушал, но молча смотрел на него: Анатолий был – вызывающе, непропорционально – нормален.

Рядом с ним любой из нас показался бы фриком, а уж дядя Коля выглядел грубой, нелепой, злонамеренной карикатурой на брата.

Дядя Коля был тощим, Анатолий был худощавым.

Дядя Коля имел вид потусторонний, он то и дело заговаривался... Анатолий был в меру задумчивым, и задумчивость эта казалась естественным признаком проницательности.

Дядя Коля выглядел несчастным и неухоженным. Анатолий...

- Почему же американский консультант не позаботился о собственном братце? - перебивают меня на самом интересном месте, - мог ведь денег прислать... или прибрать бедолагу к рукам, увезти в страну Шоколадной Мечты... небось, и там Шуберта играют - на исторических инструментах...

Вы, кажется, меня не слушаете.

Анатолий, повторяю, был НОРМАЛЕН.

- Хочешь сказать, что НОРМАЛЬНЫМ людям не свойственна забота о родственниках?

Не спрашивайте меня об этом, ради Бога, я ничего не смыслю в нормальных людях.

Он примчался – как только узнал, что брат в больнице. Разве этого мало?

Дядю Колю собирались сажать на пятнадцать суток по выздоровлению, за мелкое хулиганство. Кто по-вашему взял на себя решение дурацких юридических вопросов? Апельсинами кто кормил и в туалет водил – пока я просиживал штаны на работе – кто?.. И только в следующую пятницу – когда всё было улажено и доктора уверили нас, что худшее – позади, Анатолий вернулся домой, в Штаты.

До регистрации оставалось чуть меньше часа, мы сидели в баре «Шереметьево», пили «Гиннес», Анатолий посмотрел в окно и признался: вот ведь удивительно, чувствую себя в России совершенно чужим человеком. А ведь прошло всего девять лет...

Я сочувственно хмыкнул, но не ответил. Он и в самом деле был здесь чужим. Лишним.

Последний раз я был в Москве по случаю женитьбы брата, – сказал Анатолий, – и, уезжая, обещал себе никогда не возвращаться. Я бы, наверное, сдержал слово, если бы не эта ваша кровавая клоунада в филармонии... Коленька всегда умел нарываться на неприятности... Одна свадьба чего стоила! Вы ведь знаете чем всё окончилось?..

5.

Они познакомились на концерте. Месяц спустя объявили о свадьбе. А через неделю после знаменательного (в прямом смысле слова!) события – разбежались. Всё как по нотам...

Позже Коленька говорил, что не знает как это случилось. Он и сегодня сказал мне тоже самое. Мол, не знаю... само как-то вышло. Вот ведь какая штука: затолкать постороннему человеку в глотку его же собственный мобильник... само вышло... вроде как – по щучьему велению...

Когда мы с ним играли во дворе, и мама звала нас из окна: “Коля! Толя!”, она всегда прежде называла его имя. Однажды я спросил её почему и она ответила: не знаю, как-то само получается... Коля! Толя! Мне иногда снится как она зовёт нас ужинать, но выкрикивает не “Коля! Толя!”, а – “Толя! Коля!” Смешно, правда?..

Мой братец всегда был немного... покинутым. Вроде пса из той книжки, которую мы все читали по малолетству. Припоминаете?.. хозяин помирает от алкоголизма, пёс остаётся один, страдает, ищет. Его, понятное дело, обижают... дети плачут, куры дохнут...

Нас – всех без исключения – заразили, ещё в детстве: Достоевским, Толстым, Куприным, Чеховым. Бедные люди... крейцеровы соната... дядя Ваня... Женщина непременно должна быть истеричкой, мужчина – святым или безумцем.

Девять лет отмывался, и всё никак не отмоюсь...

Но я не о том... представьте себе: свадьба, гости нарядные, невеста – заглядение, белые “Волги”, ленты, улыбки, слёзы. В ЗАГСе чиновник бубнит с листа, торжественный момент: кольца, жених поцелуйте невесту, и тут Коленька говорит: НЕ НАДО МЕНДЕЛЬСОНА.

Невеста протягивает ему пальчик, фотографии затаили дыхание, прицелились.

Фанфары!

Не надо Мендельсона! – это прозвучало как выстрел. Невеста – побелела. Чиновник, посторонний человек – и тот... удивился. Почему не надо? – спрашивает. И тут Коленька принимается при всём честном народе объяснять почему не надо. Кажется, ему исполнение не понравилось. Впрочем, я не уверен, не вникал...

Чиновник разводит руками: нет, мол, ничего другого, вы уж извините. А Коленька: нет так нет, значит, не судьба... и - на выход.

Его, конечно, удержали, каким-то образом решили эту проблему – с Мендельсоном... но было поздно: выходку ему не простили... а жаль... хорошая девушка... Понятия не имею где она теперь...

Анатолий одним глотком добил свой «Гиннес» и посмотрел на часы.

Объявили регистрацию.

Он пожал мне руку и улыбнулся – понимающе и сочувственно. Хорошо улыбнулся – как доброму старому другу.

Я проводил его взглядом и к своему изумлению разглядел в группе пассажиров румяного деловитого Мочалина – с женой, детьми и сопровождающими лицами.

Он меня не заметил. Впрочем, увидев, Александр Петрович меня бы не признал: в зале было темно, а в фойе, где разворачивались основные – для нас с дядей Колей - события, он так и не появился. Зато один из охранников мгновенно меня вычислил и остановил тяжёлый профессиональный взгляд.

Я подмигнул ему, развернулся и вышел наружу – через вращающуюся стеклянную дверь. Время поджимало: этим вечером дядю Колю выписывали, и нам – кровь из носу – нужно было успеть на девятичасовой концерт концерт Телеманна.

Мария ГАЛИНА

ПОД КОЛПАКОМ ЗВЕЗД

* * *

Кто это едет в троллейбусе в красной кепке?
У нее в кармане билет за четыре копейки,
У нее над неформившимися бугорками
Пионерский галстук с рванными уголками.

Это Красная Шапочка едет в фартучке белом,
У нее рукава перепачканы школьным мелом,
У нее на щеке пятно от пастовой ручки,
На окраине бабушка ждет не дождется внучку.

За окном троллейбуса темень и воздух тяжек,
Страшно ехать лесом дремучих пятиэтажек,
А в салоне уже битком, и какой-то дядя
Привалился к ней бедром, на нее не глядя.

Отвали, урод, она не такая дура,
У нее в портфеле Родная Литература,
У нее на шее болтается ключ от дома,
И она не станет разговаривать с незнакомым.

Но ей сходить на остановке у бакалеи
И следом он проталкивается за нею,
Где вы, воины света, дровосеки в красных повязках,
Не иначе, как плохо кончится эта сказка.

Ах, зеленые елки, серые наши волки,
У нее в косичках пластиковая заколка,
И с небес взирает печально и отрешенно
Космонавт в скафандре из крашенного бетона.

* * *

В придорожном кустарнике кошка моет живот,
Из общежития слева доносится смех, веселые голоса
Не ходи туда, там давно уже никто не живет:
Пустые комнаты, разобранные леса.
Кто-то в конце переулка – не надо туда смотреть,
Разбухшее темное тело, два бледных пятна огней
Если тебя зовут маша, то вот он, твой медведь,
Если, скажем, сережа, то что-то еще страшней.
Репродуктор на столбе
Поет песню о тебе,
О твоей несчастной, горькой, загубленной судьбе.

* * *

Бухгалтер средних лет
Покупает билет
Своей маленькой женщине, одетой в креп-жоржет.

Их посадят в пятый ряд,
Дверь за ними затворят,
И покажут в кинохронике привязной аэроатат,

Академика наук,
Двух ткачих, цветущий луг,
Все на свете исчезает, превращаясь в свет и звук,

Исчезают и они
В черной бархатной тени
В эти теплые, последние, в эти солнечные дни.

* * *

Лилит заходит в чужие дома, обнимает чужих мужчин, пьет их силу, заедает лунным лучом. Она приходит оттуда, где нет зимы, оттуда, где нет вины, выглядывает из зеркала, из его глубины, с его внутренней стороны. Архангел с огненным мечом никогда не видел такой жены.

Спи, моя радость, это радио за стеной, не ходи туда, побудь со мной, за окном зима, а у нас тепло, в батарее булькает теплая вода, ты только погляди, на кого похожа она, эта девка, не ведающая стыда, волосы растрепаны, ногти ее черны...

ИЗВЕСТНЫЕ ТЕМЫ

Маникюр

Одна известная певица решила сделать маникюр, и написала об этом на своём личном сайте, спросила у фанатов, как будет лучше. Поклонники долго советовали ей разные варианты, но в парикмахерской, куда она пришла, мастер всё решил по-своему. Когда известная певица поместила в интернете фотографии своих ручек, не все фанаты были довольны тем, что они увидели. Это очень известная певица, вероятно, это даже певица Валерия. Но мы можем ошибаться, и это не Валерия. Из-за этого у Валерии вдруг да возникнет желание подать в суд на нас. Что делать, за все ошибки приходится платить.

Машины

Есть одна тема, которой мы стараемся избегать. У нас не хватает знаний даже для элементарного поддержания разговора. Согласно кивать головой с умным видом у нас и то не получается. Мы пытались восполнить этот постыдный пробел, но пока что всё безрезультатно. Мы можем вставить словечко, если речь идёт об экзотических птицах или грибах, сделать заинтересованное лицо, если кто-то говорит о почтовых марках или битых градусниках, с трудом, но всё же вынесем получасовой монолог о пролетариях всех стран. Но если кто-то рядом с нами рассуждает о марках машин, тут же отходим в сторону. Нет, это не для нас. Всё, что угодно, но не это.

Одна наша приятельница поступила просто. Она всего лишь вышла замуж, и теперь о марках машин рассуждает её муж, он в этом отлично разбирается. Теперь у неё упал камень с души.

Тем не менее, и мы можем быть полезны. Немного, но можем. Например, мы способны определить цвет машины. Иногда мы видим сплюсненность передней или задней части автомобиля. Но это уже наш потолок. Ну что ж, и эти знания иногда могут пригодиться милиции, и мы принесём пользу органам.

Жить

Никогда ни одному человеку мы не верили, если он говорил: «Вот, ради этого стоит жить». Никогда. Может быть, он и живёт ради этого, а у нас есть другой план. Мы думаем, что просто стоит жить. Правда, иногда это стоит очень дорого, но тут уж ничего не поделаешь.

Ну, и дети, конечно. Дети.

Звери

Вот несколько простейших примет, по которым вы определите, есть ли в лесу опасность для вас.

Змею можно узнать по длинной извивистой полосе на песке. Если же вокруг трава, то трудно определить, есть тут гадюка, ужик или, например, медянка или никого нет. На всякий случай можно погромче колотить палкой о палку, и змеи от звука расползутся.

Лося узнаем по следам его присутствия. Тут должно стоять слово сниженной лексики, но мы скажем иначе. Скажем: следы присутствия. Они немного похожи на козьи, но лосьи – крупнее и другой формы. Лежат кучей. Впрочем, можно увидеть не только следы присутствия, но и сами следы.

Кабаны себя выдают тем, что умеют разрывать землю, но никогда не зарывают её обратно. Если кабан ночью подойдёт к палатке, он может и поранить, а может просто лечь рядом. Его привлекает человеческое тепло, и уже не один наш знакомый рассказывал нам о том, что в лесу рядом с ним спал кабан.

Человека выдаст место после костра. Бороться с человеком бесполезно.

Это простые правила, а сколько радости они могут вам доставить.

Быстрая еда

Лучше всего не есть эти фаст-фуды. Мало того, что дорого, бывает очень горячо, это ещё и не полезно, а иногда даже и опасно. Ещё неизвестно, что они там нарезают и крошат в булочку. По телевизору покажут всё красиво, самые лучшие помидоры, самые жирные курицы, самые улыбочивые продавцы. А на деле оказывается не так радужно.

Один известный писатель всё время ел в этих фаст-фудах, дарнах и шаурме. Глядим – а он сильно потолстел. Кроме того, появилась изжога, отёчность ног, испортился характер. Он не писал об этом на своём сайте, но откуда-то все знали, почему с ним такие неприятности. Многие даже подходили к писателю и лично говорили: «Не ешьте Вы эти фаст-фуды, очень Вас просим». Но он не слушался.

Мы не будем называть имя этого писателя, а то он точно подаст в суд на нас. Это вам не певица Валерия. А может быть, он не такой уж и известный. Тогда тем более не стоит раскрывать, кто это.

Мы

Если кого-то смущает это «мы», то тут ничего такого нет. Это называется «мы авторской скромности». С детства все говорили нам, что мы очень скромны. А в институте объяснили, что труды пишутся через «мы авторской скромности». И вот, пожалуйста, теперь мы так и делаем.

Мысли

А сейчас многие, наверное, подумают, что мы очень умные. Пожалуйста, мы не против, можете думать, как вы хотите. Но и мы в свою очередь заявляем, что думаем о вас всё, что угодно. Вплоть до самых непонятных вещей. Например, куда вы ставите тапочки на ночь. За сим...

Неувязка

Однажды мы пережили большой позор. Это касается не только нас, всем следует задуматься над нашим случаем.

У нас был знакомый, которого мы каждый раз при встрече спрашивали: «Ну, как там дела в Армении?» Он пожимал плечами и хмурился. Мало ли, может там неважно дела. Потом мы говорили с ним по существу наших вопросов. Так продолжалось два года.

Однажды он пришёл на встречу какой-то злой, и мы снова спросили его бодрым голосом, как дела в Армении? На что он сказал: «Слушай, да! Я грузин!» Как стало нам стыдно! Бедные люди, как трудно их порой узнать.

Тапочки

А ведь правда, если спросить у человека, куда он ставит тапочки на ночь, редко кто ответит наверняка. Мы сколько раз спрашивали, и ни разу нам не сказали точно. Иногда говорили, что у кровати. Ну, у кровати. Где именно? Редко, редко кто мог назвать точное местоположение тапок. Это значит, что люди мало контролируют себя и свои действия. Как это грустно.

Темы для песен

Один известный поэт жаловался по телевизору, что к нему часто приходят известные певицы и просят написать для них песню. Какую бы тему он ни предложил, от всего певицы отказываются. Про любовь уже пето-перепето, про лето и ветер тоже всем приелось, а хотелось бы чего-то новенького. Но чего?

Мы вот накидали парочку тем. Пускай споют про свободу, про любовь к родине! Никто из знаменитых певиц не поёт о любви к родине. И о свободе тоже не поют. Всё за них отдуваются исполнительницы шансона. Знаменитые певицы думают – это легко. А это не так-то просто. Вот пусть-ка попробуют.

Книги

Некоторые книги можно и не читать. Вот, например, про Гарри Поттера можно не читать. Но как же не читать про Гарри Поттера, когда про неё все читают!

Мы специально говорим о Гарри Поттере в женском роде, чтобы по реакции догадаться, кто читал эти книги, а кто нет.

Деньги

Некоторые люди жили бы гораздо лучше, имели бы больше денег, если бы не гуляли столько по бульварам, по проспектам. Особенно это касается больших городов, где есть эти самые проспекты и бульвары. Вот мы, например, как только окажемся в таком крупном городе, тут же идём гулять. И в результате все деньги очень скоро заканчиваются. Приходится занимать, но и их мы тоже тратим. В нашем-то городе даже трамваев нет, ходим пешком. Вот откуда деньги.

Родной язык

Казалось бы, много хороших людей, а говорят неправильно, ставят ударения не туда, куда положено. Смотрим на такого человека, думаем: «Так что же делаешь, дорогой, ведь на дворе год родного языка и культуры речи». Уж сколько вышло маленьких заметок и больших статей по этому поводу, а всё равно ничего не меняется. Как жить нам в стране с такой неразвитой экономикой?

Курение

Многие спрашивают нас, почему мы не курим. Не курим, и всё тут, что ещё за вопрос? Некоторые удивляются, говорят: «Неужели вас в институте курить не научили? Там же всех учат».

Нас научили только «мы авторской скромности». Это всё, что мы вынесли из института. Зато запомнили накрепко.

Проза

Один наш знакомый искусствовед однажды сказал нам, что, конечно, хорошо относится к прозаикам. Но когда они выходят читать свою прозу, то почему-то начинают подкладывать прочитанные листочки вниз, под остальную стопку листов. От этого кажется, будто чтение продолжится бесконечно. В этот момент наш искусствовед очень не любит этих прозаиков.

Потом он сказал, что вообще-то это мысль не его. Просто он повторил её за известным писателем. Вот. А теперь в который-то раз повторяем и мы.

Потерянность

В начале прошлого века в Европе была такая история. Они там наоткрывали институты, университеты, начали учить. Люди только от сохи – а их за парту. Знания-то они получили, а внутри ничего не горит. Им бы поработать физически, но образование у них такое: в офисе сидеть. Многие не смогли сориентироваться, в дипломе написано, что инженер, а у него к этому нет способностей. С другой стороны, не возвращаться же в деревню теперь с образованием. Так и закисли.

Это всегда так, бывает такое поколение, которое должно собой жертвовать. Их дети не такие были, у них жизнь устроилась. Вот

и у нас многие страдают от офисов. Не переживайте, наши дети смогут там реализоваться.

День и ночь

В детстве мы удивлялись смене дня на ночь. Было светло, и вот стало темно. Мы искали выключатель на своём доме, на столбе с фонарём. Но его не было.

Одна наша знакомая, когда была маленькой, хотела стать лошадию. Но она родилась девочкой, и быть кем-то другим у неё не получалось. Кто-то сказал ей, что если попить воды из одной лужи, совершенно точно станешь лошадию. Но мама успела оттащить её. А потом возле этой лужи они больше не появлялись.

У нас есть приятель, которого с детства все дразнили рыжим-конопатым и говорили, будто он убил своего дедушку. Сколько он дрался, сколько плевался и обзывался – лишь бы только его так не дразнили. Но до сих пор находится какой-нибудь умник, скажет про деда.

От нас ничего не зависит, мы поняли это ещё в детстве.

Грады и веси

Когда-то давно мы жили в одном городе, а потом переехали в другой, но вернулись обратно. Казалось бы, и там и там есть с кем посидеть, поговорить. В том, откуда мы выехали и не хотим возвращаться, больше театров, музеев, улиц. Наконец, в нём есть трамваи. А здесь их нет.

Тем не менее, мы вернулись. Зачем и почему – такие слова нам говорили все встречные. Мы и сами думали об этом. А потом услышали вот что. Услышали, что город, в котором нет трамваев, и в который мы приехали – богоспасаемый. Вот оно что.

С другой стороны, ведь и другие города так же. Как им ещё спастись? Милиция одна не справляется.

Смех

Это великая сила. Когда-то все мы учились в школе. И вот однажды по дороге в школу на остановке мы увидели мужчину и врачей. Рядом стояла машина «скорой помощи». Мужчина лежал, а доктора курили сигареты. Торопиться им было некуда, пациент был мёртв.

Весь день в школе мы смеялись и никак не могли остановиться. Мы и сами не понимали, что происходит. Потом уже школьный фельдшер бил нас по щекам и объяснял всем, что смех – защитная сила организма. Великая сила.

Возвращение

Как-то раз мы возвращались домой. Была ночь, но пела какая-то птица. Это был не соловей, гораздо лучше, соловей рядом с ней неудачник. И вот настало утро, три часа, это было начало лета, короткие ночи, и вдруг мы увидели облака, но обычные облака рядом с ними кажутся нам теперь слишком громоздкими предметами, слишком тяжёлыми. Хотя всем известно, что они висят над землёй, а значит, лёгкие.

Те облака были похожи на паутину. Кроме того, они были похожи на вершины гор. Такие вершины из паутины. Но можно ещё добавить, что на светлом-светлом небе они казались чёрными. Чёрные воздушные вершины. Наверняка в этих горах были и самоцветы, с камней бежали ручьи, в ущельях прятались животные, ползали змеи. Но ничего этого с земли не было видно. Хорошо хоть, вершины заметны. Надо быть благодарными.

С тех пор мы часто вспоминаем эти горы, думаем, какая там теперь погода, кто ходит по ним. Ничего этого мы не знаем, но загадка паутинных облачных гор не даёт нам покоя. Бывает, по ночам мы просыпаемся и подолгу не можем заснуть обратно.

Иногда возвращение длится дольше, чем сама дорога.

Спасатели

Чисто изнутри, чисто снаружи – говорится в одной известной рекламе. Но это не всегда так.

Например, прекрасный солнечный день, вы пришли на пляж, может быть, немного выпили или не умеете плавать. Но день так прекрасен, такая жара и морок стоит у реки, что в воду вы всё равно полезете. Вам не страшно, потому что по берегу ходят спасатели, смотрят на воду. Просто спасатели, ходят и смотрят, как это хорошо, идиллия. Если вы начнёте тонуть, то они вытащат вас на берег, положат животом на колено, чтобы из лёгких вышла вся вода. Если необходимо, им придётся ещё сделать вам искусственное дыхание, для этого у спасателей есть такие специальные пластмасски, которые не допускают прямого контакта. Можно

оживлять приёмом «рот в рот». И вот вы ожили, а спасатели пошли себе дальше выполнять свою героическую работу.

И снова они идут по берегу, и опять смотрят на воду. Со стороны это выглядит просто превосходно, мирно, безопасно.

Но если бы вы слышали, что они говорят о купающихся, о тех, кто лезет в воду на пьяную голову или плохо умеет плавать – вы бы сегодня близко не подошли к пляжу.

Лишь бы не было войны

Эту гениальную фразу что ни день повторяет всякий русский человек. И правильно. Нам ещё войны не хватает, с нашим-то климатом.

Разговоры

Одна знакомая всё порывалась с нами поговорить. Звонила нам на домашний телефон, на сотовый. А нам всё время было некогда. Мы просили её подождать, ссылались на важные дела. У нас действительно было много хлопот в то время. Она продолжала настаивать на нашей беседе. Дошло до того, что мы стали замечать её возле дома. Она ходила по двору и выразительно смотрела на наши окна. А нам было некогда. Мы занимались разными вещами. Решали неотложные проблемы. Назначали встречи и встречались со множеством людей. На эту знакомую просто не было времени.

И вот её час настал. Мы сказали: «Теперь ты можешь сказать нам всё. Обрушь лавину своих слов. Давай». Мы приготовились долго слушать. Может быть, час. Или все три. Мы бы выдержали. Но она сказала, что теперь уже поздно. Оказывается, всё это время она просто хотела пригласить нас на свадьбу. Но теперь всё. Праздник прошёл без нас.

Жаль, что мы не послушали её раньше. На свадьбу времени у нас бы хватило. Мы тогда только тем и занимались, что ходили на дни рождения и свадьбы. Надо было выслушать её.

Надо вообще быть повнимательнее к людям.

Сад

Когда мы были маленькими, наш сад казался нам очень большим. Иногда после обеда мы могли потеряться в малиннике и громко звали маму. Она всегда находила нас.

Потом мы уезжали в другой город. Каждое лето навещали родителей. Тогда сад казался нам маленьким, кажется, он мог уместиться на ладони.

Но вот мы вернулись. Теперь летом нам каждый день надо выходить в сад. То вскопать, то прополоть, то собрать ягоды. И этот сад снова кажется нам большим.

Так мы и не можем понять, где же истина? Большой сад или маленький? Что хорошо, а что плохо? Что весело, а что грустно? Кто прав, а кто виноват? И кто это решает?

Объясните.

Большие города

Жить в столицах – это же никаких слёз не хватит. Ты себе ходишь на работу или просто так по улицам, а тут приезжает какой-нибудь умник из маленького города, откуда-нибудь из Кильмези или из Нолинского, например, района. Приезжает и начинает: «И как вы тут только живёте?! А как у вас тут красиво! А какие урны стоят! Вот нам бы такие. А денег тут сколько! А как вы в магазин-то ходите? А на эскалаторе как не падаете? А квартира какая! А что за работа? Как на этой плите готовят? А как в этот интернет выходят у вас?» И так далее.

А ты думаешь: вот жил спокойно, такой маленький человек, в таком большом городе, кто бы тебя тут заметил, но приехали и интересуются. Всем, буквально всем, что тебя окружает, будто ты им любимый человек. А это всего лишь родственник остановился в столице на несколько дней. Как это трогает. Как впечатляет. Столько внимания тебе, будто и не толкают плечом каждый день в метро, будто и не орёт начальник. Будто ты один такой незамеченный.

Вот и слёзы.

Родственников много, они всё едут и едут. Ты всё ревёшь. А вы говорите – столица.

Седьмая скорость

Когда нас спрашивают, кто мы, то мы отвечаем дословно так: «Хрен с горы, седьмая скорость». Толку-то скрывать, всё равно когда-нибудь откроется.

Признание

Одна неизвестная поэтесса на своём личном сайте в интернете жаловалась на своих земляков. Она писала, что её творчество признали даже в Индии, а вот на малой родине, в деревне Рыбная Ватага, его не признают, даже не интересуются.

Но и этот её вопль души не был услышан. В деревне Рыбная Ватага никто не читает её стихов. Никто не заходит на личный сайт поэтессы. В деревне нет интернета.

А мы думаем, зря печалится женщина. Если бы кто-то не признал её в тёмном переулке и сгоряча стукнул по голове – вот это было бы горе. А так – ходит живая, и хорошо.

Индия

Мы, кстати, зашли на сайт этой неизвестной поэтессы. Правы рыбноватажцы: совсем индийцы рехнулись.

Храп

Мы так не любим, когда кто-то храпит. Но что же делать, все, буквально все храпят. С кем бы рядом мы ни спали, все храпят. Кого выбрать?

Жизнь проходит.

Иностранный язык

Драатхары. Стоит только выучить немецкий язык, и вы поймёте, почему этих собак так называли. Но это ещё не всё. В нашей жизни так много иностранных слов, как собак, знать языки просто необходимо.

Прогресс

Раньше на нашей улице был магазин «Керосин». Маленький одноэтажный домик, от которого за несколько метров пахло разными хозяйственными жидкостями. Все называли его просто керосинкой. Здесь можно было купить керосин, ацетон, уайт-спирит, резиновые перчатки, вьетнамские веники, скребки и много всего другого.

Несколько лет назад на месте керосинки построили трёхэтажный дом. Наверху шьют спецодежду, а на первом этаже её можно

купить. Иногда мы ходим в него за резиновыми сапогами, рабочими перчатками. А совсем недавно купили костюм от дождя. Вообще-то больше на нашей улице почти ничего не происходит.

Стихи

Иногда кто-нибудь говорит нам: «Пишите стихи! Отчего вы не пишете стихов?» Мы бы рады. Но – привычка во все труды ставить «мы» подводит нас. Мы не можем использовать другое местоимение. Как же нам писать? «Мы на правую руку надели перчатку с левой руки» - так, что ли?

По этой же причине мы не говорим ничего о любви. Как скажешь: «Мы его любим»? Смешно же. Вот и молчим. Хотя любим. И любим обычно крепко.

Конец

Мы заканчиваем свой труд и скромно удаляемся из этой комнаты. Мы сделали дело и теперь займёмся следующим. Один наш знакомый прислал нам для прочтения свою работу. За короткий срок нам предстоит ознакомиться с ней, проанализировать, выявить сильные и слабые стороны, а потом обо всём этом написать знакомому. Всё осложняется его плохим почерком и своеобразной логикой. Большой труд – понять другого, нам нужно будет много времени.

Игорь ЖУКОВ

**ТРЕТИЙ РИМ ОБРЕЛ ТРЕТИЙ СМЫСЛ
(ЭПИЗОД ИСТОРИИ ОЧЕРЕДНОЙ ПОГОНИ)***Я – человек сентиментальный.*

Франсуа Трюффо

1

осень – совсем рыжая
но уже почти голая

2

я поэт
которого интересуется людоед

3

в Коврове – джунгли
в Иванове – хляби
во мне – ты или твое отсутствие

4

«поднялся ветер
и осенний лист залетел ко мне в окно
как бабочка в июне»

стихи моей дочери

5

я так скучаю по тебе
что кажется
что тебя вообще нет

6

бывает время когда укусы комара желаннее

7

мой вдох рыжий
и бело-голубоватый

8

от меня до сих пор пахнет твоим яблоком
это сводит с ума
обе мои головы

9

расстояние в данном случае приближает
даже сталкивает

10

ХМ! – это аббревиатура

11

я смотрю на твою фотографию
на ней твое горло дышит

12

Роберт Планта в песне «Гэллоу Поул»
твердит то же самое что
мадам Дюбарри перед смертью:
«еще минуточку, господин палач!»

13

теперь
когда стало ясно что
все не так просто
все должно быть
очень просто

14

чудовищную Тевмесскую лисицу
которую никто не может
поймать
преследует волшебная собака Лайлапс
от которой никто не может
убежать

на Олимпе уже делают ставки
но бесконечная погоня вносит
дисгармонию
в конечный
античный
космос -
Зевс превращает лисицу и собаку в созвездия
его скотство как всегда эстетично

вот так вот
а тут сплошное барокко!

15
тебя слишком много
и мне не хватает

16
собаки словно камни на клумбе у метро
греются

17
ночью – с твоим именем
жутковато

18
свободы нет
а не-свобода есть
странно, правда?

19
у меня осталось немного крови
для встречи с тобой

20
души наши с дерева еще не слезли!

12.12.07

ЭДГАРА ПО НАЧИТАЛИСЬ ВОРОНЫ*Ложь есть истина лжи.***Годар**

1

от Египта остались пирамиды
от Москвы останется метро

2

пока футуристы не взорвали Венецию
надо ее непременно посетить

3

чем некрасивее люди
тем охотнее они целуются на людях

4

по вагону шел нищий с обычной программой
я старался на него не смотреть
и не слышать его голос
а все же посмотрел –
вылитый Параджанов! и улыбается

пришлось подать

5

с тех пор как до тебя перестали доходить
мои руки
до меня перестали доходить
твои письма

6

прочна ли моя эстетическая крепость?

7

для обновления крови
предпочтительней жить в грязи

8
эволюция происходит
от муравья без тени
до человека с чужой тенью

9
- я сегодня такая добрая –
боюсь глупостей надеть!

10
мы пойдем в кинотеатр
мы будем слушать блокбастер -
это все равно что смотреть на человека
говорящего тебе в лицо
с расстояния 5 сантиметров

11
ты родилась орудием убийства
и естественно сопротивляешься когда
из тебя пытаются сделать орудие жизни

12
собака стоит у входа на выставку кошек
ждет когда ей купят билет

13
памятники едут по рельсам
как вертикальные трамваи

14
чтобы сохранить благородство
нужно иметь скотское здоровье

15
я слышал как пьет денежное дерево
а напишет как оно пьет Сен-Сеньков

16
легче мечтать
сразу о двух недоступных в данный момент женщинах
чем об одной

лучше о трех

17
сыграем в балаксу?

18
вокруг кружили злые осы
когда любовь звалась психозом
мужчина – двухголовый змей
все время следовал за ней

19
у всех ли кто произносит слово БЮ
лицо становится глупым?

13.12.07

ФРАГМЕНТ БАЛА ФАБЕРЖЕ ДЛЯ VIP-ПЕРСОН (ЗАСТОЛЬЕ-ДИВЕРТИСМЕНТ)

1
звучат хрустальные скрипки

2
минибалет «СЕКРЕТ КОЛУМБОВА ЯЙЦА» -
соратники предлагают Христофору Колумбу поставить верти-
кально
яйцо Фаберже
у Колумба рука не поднимается проделать свой знаменитый
фокус –
разбить яйцо с одного конца для устойчивости
история остается без анекдота

3

гостям подают яйца всмятку в виде яиц Фаберже
некоторые - с несъедобными сюрпризами
та, кому достается самый несъедобный, становится
негласной Королевой Бала

4

минибалет «КУРОЧКА РЯБА» -
Курочка Ряба сносит яйцо Фаберже
огромная мышь пытается смахнуть яйцо хвостом, как Зорро
бичом
Дед и Баба отгоняют мышь колами
молятся на это непростое яйцо

5

фокусник превращает простые яйца в яйца Фаберже
и обратно

6

минибалет «КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ» -
Кашей Бессмертный хранит свою смерть в яйце Фаберже
Иван Царевич достает яйцо из утки-балерины
смотрит на него и плачет
не смеет разбить и остается без феноменальной любви

7

жонглер манипулирует яйцами Фаберже – на грани их паде-
ния
гости ахают и замирают

8

минибалет «ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ» -
Шалтай-Болтай во сне падает со стены
его собирают в новую инкрустированную скорлупу и
воскрешают в виде яйца Фаберже
Шалтай-Болтай счастлив и больше не падает со стены
во сне он делает на ней сальто-мортале

9

вокруг стола бегают огромное яйцо Фаберже-глобус
с ногами
со светящимся маршрутами счастья
убегает

10

минибалет «ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ» -
Вильгельм Телль кладет на голову сына яблоко и готовится
стрелять сын заменяет яблоко на голове яйцом Фаберже
Вильгельм Телль дрожит, отбрасывает лук и обнимает сына
падеде с вздетым яйцом

11

негласная Королева Бала сообщает о том что
в хранилище небезызвестного европейского банка
обнаружено доселе неизвестное яйцо Фаберже
величиной с водонагреватель!

12

минибалет «ИЗ ЯИЦ» -
из яиц Фаберже разной величины
друг за другом вылупляются
цыпленок
страус
крокодил
и динозавр в короне

редкий случай когда балерины на сцене издают звуки –
тем более подражают крикам животных

13

гостям разносят копии яиц Фаберже с их портретами
некоторым – спаренные: фас и профиль

14

минибалет «ВЕЛИКИЙ АКТЕР» -
великого актера закидывают яйцами Фаберже

15
за кулисами у фокусника и жонглера выворачивают карманы

16
минибалет «АРАПЧАТА» -
арапчата под фанфары выносят на золотом блюде
хрустальную мортиру на яйцах Фаберже вместо колес
подносят его негласной Королеве Бала

17
гости все еще могут есть

18
финальный минибалет «ПЛОХОЙ ТАНЦОР» -
плохому танцору мешают яйца Фаберже
он об них постоянно стучается головой

19
гости начинают заниматься благотворительностью –
поощряют науки, искусства и социальную сферу

20
звучат хрустальные скрипки

интересно, а как они звучат?

18.12.07

НАКЛОННАЯ ВОСЕМЬ

Наклонная Восемь гуляла по саду.
Все было к воротам повернуто задом -
деревья и люди, трава и тропинка,
и даже скамейка повернута спинкой.

Так что же могла эта бедная Восемь?
Могла от ворот удалиться навовсе,
все ниже и ниже клониться беспечно
и лечь насовсем, перейдя в бесконечность.

THE DARK SIDE OF THE MOON

Три чувства служили и служат двигателем нашей посюсторонней жизни: азарт, ощущение откровения и привязанность. Как же ненависть? – Ненависть складывается из них, как белый цвет из семи полос ньютоновой призмы.

Возможно, я ошибусь, если предположу, что из семи нот не собрать ненависти. Конечно, я знаю слишком мало музыки, чтобы делать из моего опыта окончательные выводы, но ведь сказано: все огни – огонь. И все звуки – звуки.

Я слышал страх и отчаяние, высокую скорбь, сладкую горечь, даже стыд и бессилие. Однажды в Москве я подвозил попутчицу – солидно одетую женщину средних лет, – и, когда диск Майкла Наймана в автомагнитоле докрутился до финальной сцены в известном фильме Питера Гринуэя, она попросила остановить машину и вышла, совершенно серьезно сказав на прощанье: «Вы – маньяк».

Но там не было ненависти.

А недавно я открыл, что великий латышский поэт Юрис Куннос представляет собой ничто иное, как время.

Именно, стоя на единственном в Саулкрасты светофоре, я мучительно размышлял о том, как вписать этот дар небес – поэзию Юриса – в общеприземленный поэтический контекст. В чем причина его маниакального увлечения словом «чистовик» в заглавиях стихотворений и циклов? И почему он так тщательно описывает исчезнувшие острова на реке, утонувшие в болоте деревни, войною пожранные племена, будто несет персональную ответственность за их судьбу?

...И в ритме, переключающем сигналы светофора – красный-желтый-зеленый – с внезапной, ошеломляющей простотой я понял: Куннос-есть-Время; неумолимое, щедрое, неподкупное, игривое, вялое, быстротекущее – не допускающее никаких исправлений, подчисток и подтасовок время – чистовик!

Любовь и ненависть – две грани одной монеты, единой гармонии. И, если гармония – это протяженность нашей жизни во времени, так сказать, распределенное равновесие со всеми его эскейпами и камбэками, попущениями и воздаяниями, то ненависть и любовь суть стороны, которыми время, как луна, обращается к нам, вызывая то приливы, а то отливы.

Теперь я готов сформулировать некую гипотезу. Фридрих Ницше в книге с парадоксальным названием «Антихристианин» писал: «Любовь – единственный, последний шанс выжить. Страх перед болью, даже бесконечно малым количеством боли – может ли он окончиться чем-либо иным, нежели религией любви?» Пусть музыка, которой, как воздухом, дышал Ницше, отвечает за любовь. Тогда на долю поэзии, чье пламя, он, кстати, исторгал наподобие огнедышащего дракона, остается ненависть.

«Слово, если оно только не заведомая ложь, бездонно», – говорил в начале прошлого века Михаил Бахтин. Существует метафора: музыка – это сгущенное время. В таком случае, слово – острый и непослушный предмет, легко препарирующий материю вплоть до последней глубины небытия, к тому же явный артефакт – есть скальпель для семантических операций на информационном пространстве.

Отчего уже первые такты музыки заставляют нас дрожать? Мы предаем, грабим, убиваем, затем сходимся в помещениях, не слишком, бывает, светлых и чистых... Тайные радения? Чтобы так трогать слушателей, музыка должна намекать на что-то очень сильное и глубокое. Музыка выбирает лучшее человеческое, она чиста. Поэзия же работает не только с человеком, но и с миром в целом, поэтому она грязна. У человека есть тайна; обращаясь лишь к божественному в человеке, ее не раскрыть. Музыка этого и не делает, зато она указывает, как заметил Генрих Гессе, на некий смысл нашего существования.

Музыка намекает на нас.

Поэзия, напротив, не намекает, но прямо замыкает человека на себя, попросту указывая на долг и вину; извлекая, в духе Станислава Лема и Андрея Тарковского, из недр памяти ли, совести ли то, что мы заботливо в них прячем, и выкладывая перед нами. Оттого в лучших картинах и музыкальных пьесах речь идет о любви, а в лучших книгах – о справедливости.

Я вспоминаю фильм Отара Иоселиани «Пастораль». Среди садов течет ручей, естественная оросительная система. На протяжении всего ручья устроены отводы – канавки, прорытые в глинистом грунте. В любой момент времени все отводы, кроме одного, забиты глиной. К определенному часу старый грузин перекрывает и этот отвод, после чего мотыгой пробивает перегородку в соседнем. Кажется, что старик-то и есть Хронос, отмеряющий время воды садам, время боя часам, время жизни – людям.

Не так ли на стыке поэзии и музыки рождается кино – искусство управления временем?

Выпав из времени, мы превращаемся в то, что так тревожит шекспировского Макбета – актера на час, изображающего гордыню и страданье, чья речь – «пуста и яростна и ничего не значит». И сами распадаемся на звук и на ярость – *the sound and the fury*, – подобно страдающим эллинским богам, умирающим осенью, но воскресающим вновь с приходом весны, а то и с восходом солнца. Как мертвая и живая вода, поэзия и музыка собирают воедино растерзанное человеческое тело, одна – промывая и сращивая разрозненные куски, другая – вливая в него эликсир дыхания.

Все воды – вода...

STAIRWAY TO HEAVEN

*Dear lady, can you hear the wind blow
And did you know
Your stairway lies on the whispering wind, oh
Led Zeppelin*

1.

Логотип Deutsche Bank – Банка Германии – представляет собой квадратную песочницу с достаточно толстым бортиком и лежащей в нем по диагонали палкой такой же толщины.

Тот факт, что эта штука, напоминающая фигуру «бабушка в окошке» из русской игры в городки, олицетворяет, по мнению множества людей, сочетание классики, выдержанности и высокой современной динамики, характеризую вышеупомянутое кредитное учреждение как стабильное, надежное и в то же время оперативно реагирующее на рыночную ситуацию, следует, конечно же, из мощнейшей PR-поддержки данного символа. Вытекает из его своевременного и корректного появления на рекламных щи-

тах, web-баннерах, картах VISA и MasterCard, счетах и выписках, а также папках и конвертах, в которых они обычно находятся. На самом деле, лого Deutsche Bank прямо-таки просится на упаковку презерватива – столь очевиден его визуальный фалловагинальный посыл.

Много столетий подряд сердца и умы поэтов, да и не только их, волнуют слова, сказанные в предсмертной элегии императором Адрианом: ANIMULA VAGULA BLANDULA – ДУША, НЕЖНАЯ СТРАННИЦА. «Душа моя, странница нежная...», «а нежная странница, моя душа, скитается...» – отзвуки этой фразы в русской, как минимум, поэзии бессчетны. Латынь, как и рок-н-ролл, давно мертва, и вот вопрос – отчего я плачу над этой фразой, как видимо, всхлипывал и сам Адриан? Что за музыка в ней звучит?

2.

Одна из самых моих любимых книг – это «Улитка на склоне» Аркадия и Бориса Стругацких. Она состоит из двух частей, называющихся «Лес» и «Институт». Институт, понятное дело, изучает Лес, а Лес, ясен пень, живет своей собственной жизнью. И тут, и там главный герой оказывается в роли заблудшего – в лесу, в институте, откуда тщетно пытается выбраться с помощью несвойственной обоим учреждениям (явлениям) логики; путем противопоставления Selbstbild und Fremdbild. Кандид в Лесу пытается взглянуть на себя самого со скалы, на которой расположен Институт, а Перец из Института пытается хотя бы умозрительно убежать в Лес, где якобы погиб Кандид. Оба героя – суть один, только в разных воплощениях. Их взаимная недостижимость служит фоном для проведения авторами титульной метафоры: каждый из нас, – в поисках истины ли, самого себя, – это улитка на склоне холма в поисках вершины...

Когда Кандид, потерявшись в Лесу – застряв в реальных и метафизических тряпинах и тенетах, – оказывается на волосок от собственной гибели, его спасает бывший коллега и товарищ, чудом войдя в некий разрез между явью и снами самого Кандида и вложив ему в руку скальпель, предмет с биостанции, из мира «сверху».

Я, таким образом, пытаюсь использовать сюжетную канву романа в качестве фона для проведения давно мучающей и всячески преследующей меня метафоры: слово – это скальпель.

3.

Всем известен прикол академика Щербы, вернее, придуманная им фраза «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка», состоящая из несуществующих в русском языке слов и, однако, вызывающая мгновенную ассоциацию с идиллией из мира животных.

Никакой хитрости тут нет, лишь спекулятивное применение суффиксов и окончаний; прикол этот немзыкален и достаточно дешев. (Тем более, что фразу можно прочесть и так: «Глокая куздра, Штеко будланула. Бокра и Кудрячит...», – румынские проститутки в «Метрополе».) И, раз уж речь зашла о Стругацких, процитирую несколько абзацев из «Поиска предназначения» С.Витицкого (псевдоним Б. Стругацкого-solo).

«На низеньком полированном столике у него стояла обширная деревянная чаша, черная, с золотыми драконами. С острова Минданао. Чаша была полна курительными трубками. Их там было штук тридцать – от самодельных корявых негритянских носогреек до тяжелых, прикладистых, словно пистолет, самшитовых – (?) – музейных, антикварных, именных... Он, не глядя,

запускал левую свою, беспалую, руку в эту грудь, в эту кучу, в эту провонявшую перегаром роскошную свалку, безошибочно извлекал искомое, привычно орудуя, набивал, раскуривал от спички, закутывался медвяным дымом, – щурил левый, слепой, глаз... И вдруг произносил с подвыванием:

Ты сидишь у камина, и отблески красного света
 Мерно пляшут вокруг, повторяя узоры портьер,
 И, рыдая над рифмой, читаешь ты мраку сонеты,
 И задумчиво смотрит на тебя твой седой фокстерьер...
 На козетке луи мирно дремлет мартышка из Само,
 И картины Ватто застилают клубящийся мрак,
 Ты сидишь у камина, закутавшись в шаль «димуамо»,
 На коленях твоих шевелится страницами Стак...

«Кто такой Стак?» – осведомлялся Станислав, стараясь преодолеть впечатление. «Какая тебе разница?.. – отвечал Виконт с величественным раздражением. – Ну, например: СтАнислав Красноголов – это тебя удовлетворяет?» «Ладно, хорошо... А почему Само? Нет никакого Само, есть – Сомо». «Потому что димуАмо – звучит, а димуОмо – нет». И это было совершенно справедливо: димуамо – звучало, а димуоомо почему-то – нет...»

От себя добавлю, что димАОмо – тоже, в принципе, звучит, но вот шалью никак быть не может. Деревом (типа «збрано») может, а шалью – нет.

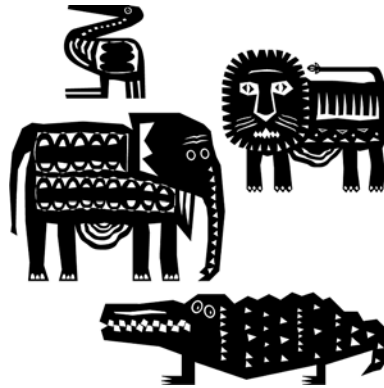
4.

Boul ma sene, boul ma guiss madi re nga fokni mane
 Khamouma li neka thi sama souf ak thi guinaw
 Beugouma kouma khol oaldine yaw li neka si yaw
 Mo ne si man, li ne si mane moye dilene diapale...

Тут вступала Neneh Cherry, с середины девяностых надрывая сердца местных радиослушателей:

...7 seconds away
 Just as long as I stay
 I'll be waiting, –

и любой из нас каким-то образом сочувственно трактовал эту явную жалобу – boul ma sene, boul ma guiss... (Санскрит? Вряд ли. Суахили? Мокеле мбембе, аилали, нгакуола нгоу?)

Музыка ложилась на душу, обволакивая ее; внешне вроде бы подчиняясь душевным извивам, но внутренне прогибая и подчиняя душу себе, временно перестраивая по своему образу и подобию. В противоположность слову, музыка – пластырь, бинт; эластичный бинт.

Мне часто случалось переводить чьи-либо стихи еще до того, как я слышал их в чтении автора (а некоторые вообще никогда не слышал). И, судя по отзывам, мне почти всегда удавалось «схватить» авторскую интонацию – не оттого, что я такой хороший переводчик, но в силу отличной интонированности и темперированности оригинального текста литерируемыми – то есть, доступными передаче с помощью одних лишь черных букв на белой бумаге, – средствами. И это с учетом различных языковых штук, достигающих апогея не в наших, слава богу, но в юго-восточно-азиатских широтах, где, к примеру, восклицание *lau* – в зависимости от тональности – звучит либо приглашением пройти в автобус, либо предложением зайти в бордель.

5.

Гордость советского стиховедения, помимо прочего, заключалась в том, что большинством грандов были продекларированы: 1). «недопустимость рассмотрения какого бы то ни было отдельного явления в отрыве от самого широкого контекста, в идеале – всей национальной, а то и мировой поэзии»; 2). «представление о том, что подлинное значение того или иного художественного явления мы можем уяснить себе исключительно в сопоставлении

с другими элементами парадигмы»; 3). «стремление к предельно возможному охвату материала, привлечение данных по творчеству самых разных авторов, школ, эпох, национальных традиций», – и все это, черт возьми, ради того, чтобы «свести к минимуму априорные суждения» (цитирую Дмитрия Кузьмина, «Рифма и звуковой повтор: внутри единого процесса», 2008: ради свежеепеченности «только что снятого с плиты» (Александр Чак) текста).

А ведь Александр Чак или Сергей Есенин – священные быки наших поэзий – воспринимаются нами абсолютно априорно, совершенно не требуя привлечения никаких дополнительных данных. Их творчество – музыка в чистом виде, что, подобно мускусу воспетого Есениным великого перса Саади, говорит сама за себя. Значит, есть у некоторых отдельных, оторванных от широкого контекста явлений подлинное значение, несопоставимое с другими элементами парадигмы. Проще говоря, когда слово становится музыкой, в которой, как мы знаем, отдельная музыкальная фраза каким-то образом способна подключить к себе все музыкальные тексты, когда-либо звучавшие или только имеющие прозвучать, оно перестает нуждаться в контексте.

6.

Музыкальность стиха не связана с одним лишь фонетическим его строем и ладом. Утверждая, что музыка «понятна без слов», я имею в виду готовое музыкальное прочтение, донесенное до слушателя исполнителем. Стихи же воспринимать без «глазного» прочтения невозможно; здесь каждый сам себе и читатель, и чтец. Правда, музыка тоже имеет свою грамоту, сорочьи стаи значков на проводах нотоносца! Но музыкальное письмо ни в коем случае

не исчерпывает содержание того или иного опуса; оно даже не задает точной скорости воспроизведения: ритмы, акценты, да что там – настроения разбросаны по тексту щедрой рукой дирижера или музыканта.

Нотная запись служит исходной базой для индивидуальной интерпретации музыкального текста – в то время, как буквенная запись может практически полностью определять содержание текста стихотворного, включая всевозможные конечные интерпретации.

«В июле 1969 года Джозеф Е.Боген опубликовал свою революционную статью «Обратная сторона мозга», где процитировал некоего доктора А.Л.Вигана, который писал еще в 1844 году:

«Разум, в сущности, имеет двойственную природу, так же как и органы, некоторых он базируется. Над этой идеей я размышлял более четверти столетия и не смог отыскать ни единого веского или хотя бы сколько-нибудь обоснованного возражения. Таким образом, я могу доказать: 1) что каждое полушарие мозга есть цельный и совершенный орган мысли, и 2) что полноценные процессы мышления и логического рассуждения могут проходить в каждом полушарии независимо и одновременно».

В своей статье Боген сделал вывод: «Я полагаю (так же, как и Виган), что каждый из нас обладает двумя разумами в одном теле. В пользу этого можно привести множество доводов. Но в конечном счете нам приходится столкнуться с главным возражением против вигановского тезиса, а именно, с субъективным ощуще-

нием, что каждый из нас – Один. Убеждение во внутренней цельности и единстве личности входит в число основных ценностей европейской культуры...» (цитирую Филипа Дика, «A Scanner Darkly», 1977).

И далее: «Данные указывают, что «немое» полушарие специализируется на осознании цельных понятий, отвечая преимущественно за функции синтеза при обработке поступающей информации. «Говорящее», главное полушарие, напротив, выполняет логические, аналитические задачи, играя роль своего рода компьютера. Исследования показали, что возможной причиной разделения полушарий у человека является принципиальная несовместимость языковых функций с задачами синтетического восприятия».

Итак, знаковый образ является стартовым для музыкального, синтетического сознания и финишным для аналитического стихотворного.

7.

Точка их соприкосновения, пункт встречи музыки и поэзии, подводит нас к определению: 1). достаточным условием музыкальности поэтического текста является его внеконтекстная самостоятельность, способность быть понятым не слишком искусственным в поэзии человеком, если, разумеется, последний не тужоват на ухо; 2). необходимым условием является возможность свободной интерпретации текста, его неокончателъность и неспоровортность.

Музыка – поэзия правого полушария. Скальпель становится пластырем и бинтом, когда он, в качестве инструмента, полностью автономен и универсален, если он, разрезая, тут же склеивает, спаивает и сплавляет. И остается им до тех пор, пока позволяет управляющей им руке пусть минимально, но импровизировать. (В «Улитке на склоне», кстати, оригинал картины-манифеста «Подвиг лесопроходца Селивана», превратившегося на глазах у потрясенных товарищей в прыгающее дерево, уничтожен, вместе с двумя первыми копиями, «как предмет искусства, не допускающий двоякого толкования».)

«Судьбой, стучащейся в дверь» – Schicksal, das an die Pforte klopft – вот уже двести лет зовем мы С-минорное бетховенское «та-та-та-та». И есть у О.Генри такой рассказ столетней давности – «Roads of Destiny» называется – о том, что судьба настигает чело-

века, сколько бы он ни метался и ни путал следы, в раз и навсегда выбранном ею обличье. В данном случае в виде (оружия) маркиза де Бопертюи.

А другой дорожный рассказ, «Roadmarks» от Роджера Железны, насчитывает всего тридцать лет (детский возраст для войны). Зато в нем судьба гораздо более мудро представлена волшебной женщиной, встречать которую суждено на перекрестках всех циклов и превращений. И, кажется, музыкальность есть демонстрация осмысленности судьбы. Выявление гармонии, скрытой в хаосе; обнажение ее гуманитарной составляющей. Музыка – это хаос с человеческим лицом. Лик же ангела, пролетающего над бездной – поэзия.

Полиритмия вагонных колес

Наводит на мысль о пьесе с названием «Take Five». Луна.

Луна освещает пустые стаканы

И лица соседей храпящих на все лады. Спи.

Снова поезд. И близнецы рельсы куда-то ведут.

Снова поезд. Предполагаю мне опять не уснуть.

Снова поезд. Вчера был куда-то и куда-то сейчас.

Снова поезд. Полуночный джаз...

(цитирую Сергея Чигракова, «Поезд», 1996).

8.

Под занавес реплика в сторону. Из жизни. Моей. Лично я рассыпаюсь порой в благодарностях перед людьми, оказавшими мне мелкую услугу или сделавшими небольшое одолжение, однако... Стыдно признаться, однако есть несколько человек, грубо говоря, спасших меня в определенные моменты моей жизни, а я не только не сумел должным образом отблагодарить их, но даже не пытался сделать это впоследствии.

А вот что происходит, например, с фрагментами великой живописи, литературы... Поистине чудотворные, нежнейше-прозрачные и объективнейшие мотивы мы забываем – вернее, воспринимает, как должное, оставляя на бэкграунде, не вспоминая и особо не цитируя (...Аристолин, летящий в бездну; Навуходоносор, убийца магов; легкая барка, уносящая Пифагора по волнам Циклады...). Но чтим и постоянно принимаем в гостини нашей памяти нечто ущербно-субъективное, не всегда точное и порою даже второстепенное.

В поисках самооправдания можно предположить, что действительные благодетели, совершая поступки, кардинально изменяющие (естественно, к лучшему) чью-то жизнь, подчиняются некому странному наитию, запредельному давлению извне, и служат, так сказать, послушным и в чем-то слепым орудием чужих судеб, в то время как одаряющие нас разнообразной мелочевкой люди действуют по доброй воле и собственному почину. Низкий поклон тем, первым, адресуется как бы не им, но стоящим за их спинами внешним и, конечно же, высшим силам; персональные же аплодисменты огребают вторые.

Итак: то, что очевидно исходит «оттуда», не искажено и не преломлено убогим человеческим зрением, воспринимается нами как само собой разумеющееся. Оно не расщеплено призмой нашего сознания и сохраняет целокупность и чистоту происхож-

дения. И вот об этом-то, если ЭТО касается поэзии, мы УЖЕ не можем говорить, как о музыке. Растворенное на грани бы- и небытия становится Ветром, Любовью... а музыкальность оказывается стадией, предшествующей этому растворению. (Пожалуй, одна из наиболее затасканных нами ложных истин такова: «Когда строку диктует чувство, оно на сцену шлет раба, и тут кончается искусство, и дышат почва и судьба». Любовь тут дышат-с, Борис Леонидович, не глинозем какой-нибудь!) Точка музыкальности в применении к поэзии есть точка сретения человеческой и внечеловеческой гармоний, последний миг длительности ноты, звук поцелуя струны, «хлопок одной рукой», в конце концов. Миг перед молчанием.

*И тут он ответил: други милые, вы, возможно,
не поверите мне, вашему отставной козы барабанщику,
цинику и охальнику, ветрогону и флюгеру,
но поверьте мне иному – нищему поэту и
гражданину, явившемуся просветить и заронить
искру в умы и сердца, дабы воспламенились
ненавистью и жаждой воли.
Ныне кричу всею кровью своей, как кричат
о грядущем отмщении: на свете нет ничего,
на свете нет ничего, на свете нет ничего, кроме Ветра!
А Насылающий? - спросили мы.
И кроме Насылающего, – отвечал учитель.
Саша Соколов*

Эссе опубликованы в рижском журнале Mūzikas Saule (“Солнце Музыки”) в 2007 и 2008 годах соответственно. Первое признано лучшим эссе 2007 года. О втором пока неизвестно.

Анастасия АФНАСЬЕВА

Хочется слышать, как
вещи сталкиваются друг с другом
Хочется думать, что
бывает от подобных столкновений

Хочется видеть, как
рождаются новые вещи
Прикасаюсь к тебе легко –
вот чего хочется

Наблюдать: камень бьется о камень,
раскалываясь на новые
Хочется держать один из осколков
чувствовать: вот, его раньше не было

Хочется осязать, как
рождаются новые камни
Прикасаюсь к тебе легко –
вот чего хочется

Хочется думать, что
бывает от трения ладони о щеку
щеки о щеку
руки о глубокое

Хочется чувствовать, как
между телами скользит неуловимое
Прикасаюсь к тебе легко –
вот чего хочется

Хочется смотреть, как
легкость преодолевает земное притяжение
и прохожие отчаянно цепляются за ветки деревьев
но что-то тянет их вверх

(Прикасаться к тебе легко)

Чуть-чуть смеяться из-за этого и плакать чуть-чуть
Думать, что после рождения новых вещей
старым вещам неизменно приходится тужо
Сочувствовать старым вещам

(Легко касаться друг друга)

Трогать старые вещи, трогать новые вещи
забывать, что новых не было раньше
Смотреть, как рождаются другие новые вещи
забывать, что их не было, снова смотреть, как рождаются другие

Прикасаться к тебе легко
Как вещи сталкиваются друг с другом
Как неуловимое пронизывает их
От рождения до смерти

Легко прикасаться к тебе

* * *

Мягкий свет обволакивает
темные дубленки, теплые тела,
разбросанные по станции,
будто темные драгоценные камни
с белыми крапинками – лицами и руками

Люди, объединенные общим шумом
Книга шелестит листьями сухими
Женщина просит милостыню, смотрит глазами окуня,
только что пойманного удачливым рыбаком.

Старик в шапке-ушанке шуршит газетой, бормочет,
голос отделяется от него,
жужжит в воздухе неожиданным шмелем,
сливается с общим гулом
Хитрым вьюнком извивается между всеми мелкий карманник

Станция, деревянная скамейка,
наше временное ласковое убежище

Прохожу сквозь станцию
вижу людские тела как россыпь темных камней
в чьей-то шкатулке неподвижной,
отделанной под мрамор

А прибывающий грохот и свет
переворачивает все вверх дном,
камни катятся, трясутся, стучат,
ударяются друг о друга,
прыгают в реку,
уносятся по течению,
местность запустевает

Ожидание, страдание, радость, грусть,
Голос, немота, смерть, ревность, счастье
Удивительно, как живем,
особенно – как продолжаем жить,
как прибывают новые пассажиры

Вот только не разобрать, что это за место –
то ли берег, то ли шкатулка, то ли метро
и кто мы все,
живущие,
продолжающие жить,
и что это за свет,
что за ветер?
Не может быть,
Неужели
это просто
на станцию прибывает электропоезд?

* * *

Три девушки ходили в концерт.
Двум нашлось место в партере, третьей – на балконе.
Долго толпились в плотной очереди на лестнице.
Медленно двигались вместе с близкими людьми,
Согражданами, горожанами. Соприкасались телами.
Качали звенящими головами словно колоколами.

Одна девушка в антракте сожгла горло кофе,
Другая – коньяком, третья – мартини.
Первая по дороге к метро познакомилась с джинсовой курткой,
Матерящейся, слегка небритой, ночевала в рабочем районе,
Собиралась на работу в незнакомой квартире,

Вторая шла по мерцающей улице, подтаявший снег
И желтый фонарный свет
Промокаемые сапоги сообщались с природой
Сигарета на ходу в любую погоду
Тесная комната с книгами, собственный мир
Прекрасный и безопасный
Кухня, коридор, ванная комната, кладовка, сортир

Третья девушка взлетела в театре под потолок
И осталась парить как противоестественное явление

Ибо кто-нибудь обязательно выбивается из колеи
Неприменно раздражает присутствующих
Кашлем невовремя, необычным взглядом,
Монологам, непонятными и странными,
Чудаковатым видом

Я тоже был там, видел парящую девушку, говорил с ней
Ничего не понял о том, как она жила,
Что она делала, была ли она чьей-то женой, примерной служащей
Или безалаберной психопаткой

* * *

Я - это то, что я знаю о людях; я - то, как жизнь входит в меня.

Я - этот маленький, дрожащий, сидящий на корточках, обхватив колени, с глазами на пол-лица.

Я - это тело, как ни странно, это ощущение в области угла, где сходятся ребра.

Ощущение тяжести, присутствия, пульсации, мерцания, броуновского, что ли, движения.

Я - человек и я - не человек; я - это часть целого, которое мы; мы - это часть целого, которое жизнь; жизнь - это бог; бог - это

Я проживаю миллионы лет в каждой секунде и сейчас, смотря на газовые горелки в кухне моей бывшей мимолетной девушки.

Я - это мимолетность; я - это желание.

Я стою посреди огромной поляны, где никого нет.

Где мимо бегают немые ежи; где воздух заполнен ответом, совершенно бессловесным

Я стою посреди огромной поляны, где никого нет

Я стою посреди огромной поляны

Я стою посреди поляны

Я стою посреди

Я стою

Я

...

Мерцающий воздух бессловесный свет повсеместный свет

Летчик небесный, летчик подземный, летчик земной*Ф.С.*

Высокий летчик теменем подпирает круглое,
нависающее, свинцово-серое.

К Федору ежедневно приходит отец,
рисует на щеках морозный румянец

Усатый доктор в фирменном халате разводит руками:
тут редкий случай детского аутизма,
в будущем вероятен манифест шизофрении
Ничего не возможно исправить

У Федора отнимается речь, когда ему говорят,
что папа был летчиком и разбился на сверкающем самолете
Ему является худой и серый, харкающий кровью,
грудь его сотрясается, покрытая татуировками,
куполами, синим оскалившимся тигром

Кровь, - говорит отец, - призывает тебя, Федор
никогда ничего не бояться,
извивающихся тополей, их странных теней,
старой шубы в шкафу, соседского забияки,
учителя физкультуры,
особенно когда он запирается с тобой в раздевалке
и заполняет твой рот, Федор, собою, постанывая,
приговаривая: отработывай, сын убийцы,
отработывай его преступления

Когда ты вырастешь, Федор, когда у тебя будет
большой летательный аппарат,
когда ты достанешь теменем неба –
тогда ты заговоришь и мир перевернется от удивления,
от твоей громогласности
Тогда и заткнешь глотки тем, кто учил тебя нравственности,
кто пичкал таблетками,
заставлял зубрить замысловатые теоремы.

Острый профиль, свинцовое небо, темя под солнцем,
церковные купола, нетронутые джунгли, их тихие тигры,
праведные законы природы
Прошлое, определяющее настоящее,
ходьба по кругу из поколения в поколение

Ибо зло творится во имя добра,
ибо зло – красота, а она, как известно,
Всегда побеждает, -
Вот что отец Федору говорит,
Летчик небесный, летчик подземный, летчик земной

* * *

Под голубым идем мы будто так и нужно
Как будто удивляться невозможно
А это совершенно удивляет
Как мы идем с тобой под голубым

А вот смотри желтоволосый кто-то
Вдруг засыпает на большой подушке
Чему тут скажешь можно удивиться
А это же совсем невероятно

Как удивительно движенье пальца
Как невозможно странно засыпанье
Невероятно как друг друга видим
И дышим как и ходим и сидим

Чем проще тем странней и незаметней
Тебе бы все о сложном о планетах
Движении рождениях и смерти
Об электронах в вакууме плотном

Смотри смотри собака чешет ухо
И с неба что-то белое летит
Какие-то немислимые люди
В ладони помещаются такие

Как происходит что из неба вдруг
Как будто снег слетели человеки
И все поют поют как будто кто-то
Им пенье как лекарство прописал

О спой мне песенку о том как мы уходим
Как мы идем по каменной дороге
Под чем-то голубым и в нас сияет
Немыслимая лампа патефон

Как я похож на этих человек
Как ты похож на этих человек
Как можно тоньше и как можно тише
Как можно удивительнее спой

ВЕТЕР МЕРКНУЩЕГО СОЗНАНИЯ

Свободные стихи и рассказы

ЛЕТАРГ

Летарг молча ждал прихода госпожи Кончик. В картонной коробке с дырочками она приносила жёлтую смиренную змею, любившую подремать, свернувшись кольцами и зарывшись в ворох соломы.

Кончик садилась на колени к Летаргу, раскрывала картонные створки и выпускала змею на волю. Она тихо выползала из уютного убежища, скользила по ногам своей хозяйки и, выпрямляя длинное туловище, подносила свою голову к голове Летарга. Раздвоенный язычок выскакивал из пасти и отражался в его глазах мимолётными искорками.

Тело змеи было холодным и мокрым. Она обвивалась вокруг Летарга, а Кончик в это время расстегивала на нём одежду, чтобы целительные прикосновения не встречали никаких помех. Змея проползала у него под мышками, прижималась к бёдрам, распластывалась и обмякала на груди, потом спускалась к паху, внезапно наливаясь тяжестью.

Кончик целовала Летарга в губы, покусывала мочки его ушей, ногтями выцарапывала какие-то знаки у него на затылке. Летарг терял сознание от её настойчивых ласк. Но она быстро приводила его в чувство, направляя голову змеи в приоткрытый рот Летарга и заставляя её исследовать воспалённую полость гортани.

Летарг давился, задышался, вздрагивал от ужаса и широко раскрывал глаза.

После сеанса она набрасывала на него халат, и они вместе выходили на балкон. Перед ними простирались белёсые кварталы, окутанные то ли туманом, то ли испарениями живучих мыслей Летарга, которые он ежедневно посылал в чуткую тьму города.

ИЗБАВЛЕНИЕ

Боль блуждала по всему телу Кроткера, возникала то здесь, то там, вспыхивала спереди, сзади, как ножом пронзала поясницу, сдавливала грудь, набухала в паху; ещё мгновение - и она уже в

горле, в пятке, в мизинце, в углублении между лопаток. Наконец боль обосновалась в правом виске, чуть притупилась, затихла, но вскоре, собравшись с силами, принялась стучать в такт сердцу, обжигая изнутри.

Всё это время Кроткер пытался её ухватить, поймать на мушку. Распахнув пальто и сорвав с шеи шарф, он осматривал себя, прислушивался, и как только боль обнаруживалась в каком-нибудь неожиданном месте, вздрагивал, судорожно тыкал туда борхолетом*, но тотчас отдёргивал руку, поскольку боль успевала отпрянуть, почуяв опасность.

Теперь он с облегчением приставил дуло к виску и нажал на курок. Пуля просвистела сквозь голову, выгоняя вон тёмный рой мигрени, неуловимую дымку, которая таяла в воздухе.

Порыв счастья подхватил Кроткера, и он покатился по обледенелому склону на дно городского оврага. Кроткер так разогнался на радостях, что начал обгонять мчавшихся друг за другом на ледянках и санках детей. Они хохотали вслед растрёпанному мужчине, чья голова моталась и стукалась.

**Борхолет* - оружие Борха, которое Кроткер одолжил у своего друга для зимних прогулок.

КОСТЬ

Кроткер утонул - захлебнулся, принимая ванну. Он уже готовился испустить дух, бурно вытесняемый из оболочки тела горячей пенистой водой. Но, к счастью, Ключф, до которой донеслось громкое бульканье, поспешила на помощь. Она вытащила Кроткера из ванны, разложила обмякшее тело на полу и, оседлав худую грудь, приступила к искусственному дыханию.

Кроткер медленно оживал, исторгая голубоватые пузыри запоздалого блаженства. Наружу изо рта вышла белая умытая кость, размером с куриную. Кроткер взял её в ослабшие руки. «Вот оно, мое внутреннее существо», - подумал он, взглядевшись. Он зажал кость в зубах и сдавил челюсти. Она хрустнула, и Кроткер стал высасывать мягкую сердцевину в надежде вновь обрести душевное спокойствие.

Ночью Кроткера разбудило ощущение тревоги. Он встал с постели, прошел в прихожую к телефону и набрал номер Борха.

«Как долго приходится умирать в жизни, - говорил Кроткер. - И никак не добраться до сути...»

Борх внимательно слушал. К его голове прильнула Флорина. Ей казалось, что немощный голос Кроткера, проникавший из телефонной трубки в ухо Борха, резонируя в черепе мужа, приобретает необходимую громкость и отчётливость. Она обхватила руками свой живот, где тихо плавал, будто в невесомости, свернувшийся калачиком Орх.

«Кость оказалась просто костью... Я пуст как всегда... Ничего, кроме омерзения... В прошлый раз из меня высыпался ворох бузинок...» - услышала Флорина.

Жалость к Кроткеру хлынула от горла куда-то вниз, подгоняя биение сердца. Чтобы как-то растратить беспокойное чувство, Флорина принялась гладить густые спутавшиеся волосы Борха, который продолжал сидеть, сторбившись над телефоном.

ОБНОВА

Иногда Борх менял кисти рук. Прежние, с узловатыми суставами длинных пальцев, приплюснутыми подушечками и с очень запутанными линиями судьбы на ладонях, начинали его раздражать. Он доставал из шкафа пузатую бутылку, где в растворе плавали самые разные образцы, ставил её на стол и выбирал что-нибудь совсем новенькое.

Процедура смены занимала всего пару минут. Щелчок на одном запястье, щелчок на другом, кисти отваливались, Флорина прятала их в мешок, вынимала из бутылки щипцами новые руки, на которые показывал кивком головы Борх, обтирала их полотенцем и, снова щёлкнув муфтами, устанавливала выбранные образцы. Борх делал несколько движений пальцами, чтобы убедиться в правильности установки, внимательно осматривал свои новые ладони и, удостоверившись в их надёжности и красоте отделки, уходил на прогулку.

Флорина в его отсутствие занималась по хозяйству, иногда подходила к кроватке младенца Орха, который пускал слюни и сучил ручками и ножками. Он что-то лепетал, Флорина отвечала ему такими же нежными невразумительными звуками.

Она доставала из мешка старые ладони Борха и подносила то одну, то другую к наивному пухлому лицу младенца. Глазки Орха сходились к переносице, он надувал щеки и клекотал от восторга, рассматривая жуткий и в то же время такой притягательный предмет. Флорина приговаривала: «Видишь, мой сладенький, это

папочкины руки. Подрастешь - и у тебя такие будут. Потрогай! Чувствуешь, какие нежные? Глупик ты мой..."

Через час Борх возвращался, спрашивал, когда обед, заходил в детскую, переодевался в домашнее. "Эта пара тяжеловатая, - говорил он Флорине, усаживаясь на кухне за обеденный стол. - И потом я не знал куда их девать, что-то с ними не то. И забнут. Пришлось держать их в карманах".

Флорина налила ему тарелку дымящегося горячего супа. "Что-нибудь придумаем, - успокоила она мужа. - Подберём тебе руки полегче, хотя, признаться, эти мне очень нравятся". И добавила, несколько смущаясь: "Они такие ласковые. Ты вот когда пришел, едва до меня дотронулся, я испытала такое..."

Борх недоумённо взглянул на Флорину, перевёл взгляд на свои ладони, покругил ими перед собой, пытаясь вникнуть, чем они отличаются в этом смысле от предыдущих, потом пожал плечами и, взяв ложку, стал есть.

ПАЛЬЦЫ

Камни лежали в сумке у Кроткера. Они терлись и постукивали друг о друга. Кроткер остановился и поставил сумку у ног. По небу стремительно мчались облака - солнце то вспыхивало, то угасало. Лес облетал, пронизанный ветром.

Кроткер высыпал содержимое сумки прямо в траву, усеянную опавшими листьями. Камни один за другим глухо ударились о землю и замерли, прислушиваясь к судьбе своих попутчиков.

Носком ботинка Кроткер тронул один из них. Гладкий блестящий кругляш треснул и раскололся надвое. Из трещины показался хилый росток. То же произошло и с другими камнями. Они лопнули и разломались, выпустив бледные отростки - зародыши человеческих пальцев.

Новорожденные крепи, набирали силу, обретали гибкость. Очень скоро можно было без труда сказать, какие из пальцев мужские, а какие женские. На женских, тонких и изящных, сразу же появлялись золотые и серебряные кольца, ногти удлинялись и окрашивались в самые разные цвета. Фаланги мужских слегка темнели, покрываясь пушком волос.

Пальцы похрустывали и пощелкивали, деловито пускали корни, тянулись друг к другу и жаждали пыльных переплетений.

Кроткер постоял еще немного и пошел прочь, уязвленный предчувствием близкой зимы.

ВЕТЕР МЕРКНУЩЕГО СОЗНАНИЯ

Продевая руки в рукава пальто, Кроткер ткнул пальцами во что-то мягкое. “Шарф и шапка”, - подумал он. Но ему под ноги выпрыгнули серые мыши, крохотные, ушастые, с любопытными и жалостливыми глазками. “Клюфф!” - крикнул Кроткер, и она поспешила к нему в переднюю.

Увидев бросившихся прочь суетливых тварей, Клюфф присела на корточки. Она обнаружила в углу под вешалкой, у самого плинтуса норку, натолкала туда скомканных газет и бутылочных пробок.

Кроткер торопился на работу. Он взял меховую шапку и уже стал подносить её к голове, как из шапки вывалился ёжик. Фырча и шмыгая носом, он затопал по полу лапками в поисках пропитания.

- Прямо зверинец какой-то, - сказал Кроткер и зло посмотрел на Клюфф.

- Я-то в чём провинилась? - обиделась Клюфф.

- А я тебя и не виню... Я просто констатирую.

- Ключи взял? Ничего не забыл?

Кроткер мрачно кивнул и, перекинув через плечо сумку, вышел.

Когда дверь за ним захлопнулась, Клюфф принялась ловить ёжика. Она ползала на четвереньках, заглядывала под шкафы, отодвигала диван и письменный стол, даже ставила блюдце с молоком посередине комнаты. Животное бесследно исчезло. От него остался только тяжёлый дух, воскрешающий в памяти вольеры зоопарка.

Прекратив поиски, Клюфф пошла на кухню готовить ужин. Провернула фарш и налепила из него котлет.

Сырые мясные лепешки с белыми вкраплениями хлеба возвышались на блюде горкой. Она поставила на плиту сковородку, налила в неё масла. Вскоре раздалось шипенье.

Клюфф повернулась, чтобы взять котлеты, и увидела на столе змею, свернувшуюся кольцами. Приподняв голову, она разевала пасть: язычок часто высовывался и дрожал.

Под люстрой, распустив широкие плавники, словно крылья, плыли толстые пятнистые рыбы. Клюфф почувствовала, что не может вдохнуть - так сгустился воздух. Внезапный запах моря одурманивал, скрашивал погружение в темноту. Клюфф слыша-

ла крики чаек, убаяживающий плеск прибоя, ощущала под собой мягкое ложе нагретого солнцем песчаного пляжа. Ветер меркнувшего сознания приятно оведал кожу.

РОЖДЕНИЕ

Кроткер приложил ухо к голому животу Ключф. Он вздулся и был горячим. Мраморные прожилки разбегались от пупка вниз, живот напоминал большой детский мяч в сетке.

- Ты слышишь? – спросила Ключф, поправляя край задранного до самой груди платья.

Там у Ключф что-то шелестело, скрипел какой-то механизм.

- Что бы это могло быть, - задумчиво произнесла Ключф. – Вроде бы мы предохранялись...

- От жизни не предоохранишься. Сама видишь, что творится кругом.

Она повернулась на бок, обхватила обеими руками разбухающую плоть. Кроткер прилёг рядом и дышал ей в спину.

Ключф вздрогнула, приподнялась на локте и что-то срыгнула себе в ладонь. Кроткер заглянул через её плечо и увидел блестящую шестерёнку с острыми зубцами.

- Ты не поранилась? Кровь не идет?

Ключф провела рукой по губам и осмотрела свои пальцы. Кромеслюны на них ничего не было.

- Боже. – Она откинулась на подушку и закрыла глаза.

- Скорей бы уж, - сказал Кроткер, сострадательно морщась.

- Что скорей?

- Родила бы...

- О-о-о... - простонала Ключф.

Кроткер взял шестерёнку и подошел к столу. Он положил её на белый лист бумаги и обвёл карандашом. Потом записал что-то в блокноте и стал готовиться принимать роды.

ВЫСТРЕЛ

Борх припал к лежащей Флорине
долго над ней колдовал
изучал прелесть наготы
восторгался белизной кожи
Флорина украдкой просунула руку под подушку

и достала борхолет
с непомерно длинным сверкающим стволом

Пока Борх ласкал языком её груди
она направила оружие в потолок и нажала на спуск
Ленивый снаряд
медленно набирая скорость
устремился в сторону люстры
а затем отскочив от плафона
рикошетом угодил Борху между лопаток
Он передёрнул плечами и обмяк
в глазах застыло воспоминание
о подступающем к сердцу блаженстве
Горячая струя воздуха вырвалась
из внезапного отверстия
прижимая тело Борха к телу Флорины

ШАПОЧКА БОРХА

Кроткер исторгал из себя швейные иголки. Он выплёвывал их одну за другой, обтирал каждую сухой тряпочкой и раскладывал на письменном столе. Скоро иголок набралось изрядное количество - длинных и коротких, тёмных и светлых, с ушками широкими и совсем узкими, такими, что и нитку не вдруг проденешь.

Клюфф пересчитала их и убрала в шкатулку.

Если иголки упаковать в красивые пакетики и продать, думала она, можно даже неплохо заработать.

Кроткер с волнением ждал очередного приступа. В такие дни из него могло выйти наружу всё что угодно.

К вечеру, когда он притомился ничего не делать и прислушиваться к самому себе, что-то внутри у него засвербило, зашевелилось и поползло вверх. Кроткер разинул рот - и на стол выпала покрытая слизью чёрная вязаная шапочка Борха. На ней была вышита красным большая буква Б.

- Вот ведь какое чудо, - воскликнула Клюфф. - У меня как раз накопилось грязное белье.

Она забрала неожиданное приобретение, и через пару минут на кухне загудела стиральная машина. Голос Борха донёсся из её бурлящего чрева.

Я так скучаю без вас друзья
Я скучаю по тебе Кроткер
и по тебе Клюфф
по твоим прекрасным волосам с рыжеватым отблеском
Но меня с вами нет
есть только мой голос
и этот головной убор который связала мне Флорина
ко дню нашей свадьбы
Будьте счастливы
не забывают обо мне

Кроткер и Клюфф, присев на корточки, обняли вздрагивающую стиральную машину. Они думали, что Борх скажет им ещё что-нибудь приятное, но услышали только обрывки разгневанной речи, стремящейся превозмочь гул вращающегося барабана.

Я подошел и хотел...
Ты сука Клюфф...
...хнула меня
я упал и расшиб...
вывихнул...
никогда не забуду
...юффская сволочь...

Клюфф плакала. Она выключила стиральную машину и, подняв крышку, достала вместе с кучей влажного белья шапочку Борха. Кроткер выхватил её из рук жены и надел на себя. Шапочка, истекая водой, продолжала что-то бормотать. Кроткер с трудом разобрал слабеющий голос: по тебе, Клюфф, по твоим волосам с рыжеватым отблеском.

БЕРЕМЕННЫЙ КРОТКЕР

Кроткер плотно закрыл дверь
задёрнул окно шторой
разделся донага
сел на стул
заткнул уши ватой
обмотал голову полотенцем
перетянул жгутом до полной темноты в черепе

замер
желая испытать глубину отрешения

Но унять шум не выходило
что-то внутри Кроткера шуршало
росло
вызревало
упиралось в стенки
Жизнь томилась как семя
хотела извергнуться

Кроткер понял что забеременел самим собой
и теперь обречён
выдерживать схватки

ГАДОСТИ

Иногда Кроткер распоясывался и начинал говорить гадости
Клюфф умоляла его взять себя в руки
И Кроткер опомнясь
хватал себя в охапку
выносил прочь
убаюкивал и укачивал
словно был себе мамой

Кроткер ступал в раскрытое настезь окно
и обнявшись с самим собой
плыл над городом
в поисках уединения

ИЗБИЕНИЕ

Сначала они били его кулаками в живот и в лицо, по почкам и печени, били носками ботинок в пах и в копчик, затем стали наносить удары в высоких прыжках - выбрасывая вперёд то одну, то другую ногу, совершая почти акробатические трюки. Казалось, не люди, а какие-то крылатые существа порхают в воздухе. Когда человек упал и затих, они взялись за бутылки, ящики из-под пива, уличные урны, рекламные щиты, железные изгороди. Они даже разломали автобусную остановку, выдрали из металличе-

кой конструкции скамейку и перекладыны, сорвали пластиковый козырек и с размаху обрушили всё это на поверженного.

Через пару минут к месту избиения подъехал грузовик, доверху наполненный предметами старины и домашней утвари; они принялись неистово добивать свою жертву складными стульчиками, столиками, этажерками, колоть спицами, ножами, вилками, пронзать кинжалами, рапирами, шпагами. Они метали в распластанное тело шкатулки, увесистые пресс-папье, какие-то диковинные письменные принадлежности. Скоро на тротуаре выросла гряда лома и хлама, а в кузове грузовика больше ничего не осталось. Из-под нагромождения рухляди текла обильная кровь. Её потоки струились вперемешку с выбитыми зубами, отломанными фалангами пальцев, вырванным ухом, клоками волос и ошметками кожи. Наконец показались какие-то скомканные бумажки и документы. Последними выплыли глаза истерзанного человека.

- Чудненко, - сказал, переводя дух, Геннадий Шпрот. Он протянул водителю грузовика деньги и добавил: - Вовремя ты подкатил, а то бы одними подручными средствами нам не управиться, пришлось бы разводить слякоть, а так благородно получилось - курган да и только...

- Глаза вот... - Шофёр бросил косой укоризненный взгляд на асфальт.

- А ты что? Ты как хотел? Чтоб все чистенько? Так не бывает! Понял? Ты понял, я тебя спрашиваю? - Шпрот выхватил из кармана телогрейки нож для разрезания бумаги, явно старинной работы: он был из слоновой кости и уже потемнел от времени.

Шофер попятился к кабине грузовика, заслоняясь согнутыми в локтях руками. Шпрот подступал плавно и вкрадчиво, ставя ногу сперва на носок и уже потом опуская всю ступню на землю. Шофёру даже почудилось, что Шпрот его разыгрывает, кого-то из себя изображает. Но как раз в то мгновение, когда страх, сдавивший голову и сердце, стал отпускать его, снизу вверх к лицу водителя просвистел ножик. Узкое длинное лезвие вонзилось в левую щеку. С хрустом взламывая потайные перегородки, оно пробило череп наискосок и показалось наружу из правого виска. Шофер пальцами дотронулся до острого кончика и, падая, пробормотал: «Такой день испортили...»

ЭКСПЕДИЦИЯ

Кроткер мечтал найти эрогенные клады
снарядил экспедицию
отправил отряды влечений
обследовать материк
по имени Анна Клеть

Корабли поцелуев
поглаживаний
шлепков и пощипываний
растративших похоть
вернулись домой ни с чем

У ФАБРИКИ «СВОБОДА»

Ночью в парке Костя Люберц раздел Аню Прослушкину. Она сидела на скамейке голая. Её тело сияло отражённым светом луны.

Через полчаса всё изменилось: подул ветер, небо затянули тучи.

Аня Прослушкина померкла. Люберц опустился на колени и уткнулся лицом в её лоно, обхватив руками бёдра девушки.

До них донёсся запах от парфюмерной фабрики «Свобода». По-веяло стиркой, сыростью подвала, чем-то загубленным.

Костя Люберц принялся торопливо одевать Прослушкину. Лишь чулки она натянула без его помощи, вскинув вверх то одну, то другую ногу.

Они двинулись по аллее в сторону фабрики. Из трубы, мигающей красными огоньками, поднимались светлые испарения.

«Красиво», - прошептала Прослушкина.

«Очень», - отозвался Люберц.

Он почувствовал приступ вождления.

В паху вспухло.

Костя расстегнул брюки и выпустил наружу растущий фаллос. Аня присела на корточки, чтобы любоваться снизу зрелищем подступающего оргазма.

СПАСЕНИЕ

Мне не хватало воздуха
Я сидел в кресле и яростно зевал
хотел вдохнуть поглубже - не получалось
У тебя синеют губы
надо что-то делать
сказал Костя Люберц

Он взял молоток
и всадил в моё темя гвоздь
Язык удивленно вывалился
Люберц запрокинул мне голову
и шилом проткнул горло

Дыхание постепенно налаживалось
в ушах забулькало
заурчало
как в водопроводных трубах

Желая закрепить достигнутое
Костя разбежался и в прыжке
откуда-то из-под потолка
с пронзительным воплем
ногой ударил меня в грудь

Рёбра хрустнули
Всё что копилось и зрело
в продолжение жизни
вырвалось из меня облаком
Костя Люберц не заметил
как глотнул отравы
смердящей вечности

Мария ТАШОВА

Из цикла [маленькая С.]*

*

“Табу у многих народов возникло на почве мифологических верований. Люди считали, что они, произнеся некие слова (обычно это слова, обозначающие смерть, названия болезней и т.д., накличут на себя беду – гнев духов, с которыми нельзя вступать в противоречие... люди боялись называть словом ту силу, что вызывает подобные явления, или просто не могли объяснить многие факты окружающей их действительности, что привело их к вере в некое высшее существо, которое управляет делами людей, их поступками, чувствами и стоит выше них.”

КФН И.В. Шамшин, “Табу и эфемизмы”.

Вестник Олимпиады “Светозар”, N12

**

“...Другой пример курьезного заблуждения такого рода мы находим у кафров. Начинаящего вора, по их мнению, можно исправить, достаточно только выкрикнуть его имя над кипящим котлом с целебной водой, прикрыть котел крышкой и на несколько дней оставить имя вора в воде. При этом нет ни малейшей необходимости, чтобы о манипуляциях, которые проделывают над его именем, был осведомлен сам вор. Нравственное возрождение ему и так обеспечено”.

Джеймс Джордж Фрезер.

ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ. ИССЛЕДОВАНИЕ МАГИИ И РЕЛИГИИ.

Глава 22. Запретные имена

Frazer J.G. The Golden Bough. London, 1923

М.: Политиздат, 1980

Перевод М.К.Рыклина

но секунду еще назад
здесь не было ни песка ни
малейшей его части
не части ты меня задушишь
то есть за душу и молchalk
то есть мел
как разгрызенные ракушки
это море говорю и иду к доске
это помнишь как пела
“у меня отрастает крыло...”

у меня плечо чешется и облезает
говорю если море так солоно
значит бог
влюбился

[разговор с бгм]

что ты маша
какие могут быть разговоры
вот мы сидим
а где-то мышонок плачет
он маленький
маша маленький
он ничего не значит
вот мы сидим
а я его слёзки считаю

знаешь маша
всему есть свои
причины женщины и мужчины
стали и вправду твари
и что бы ни говорили
о чём бы там ни молчали
я не верю ни одному их
больше

больше маша я ничего
говорить не стану

твоя ревность
зажата в моей ладони

* * *

вот идёт антрацитовый человек
спрашиваю кто у тебя умер
говорит я
но ещё живёт

думает только бы не со мной
господи не со мной
и идёт ко дну
маленькое кольцо

нет ничего страшнее моего настоящего
говорит
у меня такое маленькое лицо
только воду с него и пить
а кто-то стоит за его спиной
беленький и смешной
говорит умирать легко
легонько так
трогает за висок
говорит идём
и они идут
смерть и её человек

[маленькая с.]

так каждая отстриженная прядь
теряя связь катается по полу
так бьют детей
так бьют собак
так бьют куранты
или что-то бьётся
так женщина идёт
качает руку
качает руку
на манер ребёнка
и говорит какие немцы оль
какое ты чего
или вот сын стоит
на табурете в ванной
и говорит я всех спасу
я буду доктором
потом смотри
я умываю руки
я умываю руки
и смеётся
и маленькая с. идёт ко сну
и что-то прячет в рукаве
и что-то от меня уносит

[Dimenuendo]

если захочешь
я всё-таки стану
твоими глазами
это так просто как
выйти из тени/войти в тень
всего один шаг и мы
вырастаем из спин
становимся отражением
и только вдыхать
(не выдыхая суть) и
всего один шаг
и мы вырастаем
и спим

.....

Dimenuendo

.....

и как же мне не любить
твоих пламенеющих мальчиков,
Господи...
(трижды)

.....

Dimenuendo

.....

и я затихаю
и всё затекает
в своё
и запахи
запахи
запахи
запахи

.....

снятсЯ

Из цикла [молоко Наверное]

посвящается М.К.

*Её мама говорила, что всю жизнь могла бы прожить
только на молоке. Так сильно она его любила.*

если мы на одной половине мира
уже уснули
на другой половине
нас стало немногим больше
внутренний
свет переворачивается
во внешний
становится голосом
спиной становится
говорит ничего страшного
ничего личного говорит
не бойся
внутренняя поверхность бедра
становится вовсе лишней
с помощью пазов руками
мёда и молока

[ледяное го]

1.
вот она моя трансильвания
ледяная пустыня
здравствуй здравствуй
я и не знала что может быть так
чудовищно
холодно
так что когда говорится рыба скажи
меньше всего ему хочется слышать
мой настоящий го
трансильвания япония
ещё какие там чудеса
виснут на проводах
полу касаясь проводникового тела
полу прозрачного не меня
нечеловечески холодно повторяю
здесь почти

никого
никому
не осталось

2.
или будет совсем не так
предположим я выйду из дома
стоит такси
из такси выглядывает апельсин
говорит садись
я тебя отвезу в такие дали
такие края
там такая чёрная неземля
там такие круглые дураки
говорит садись
вот мы едем едем через поля
и я такая говорю
а что у тебя с лицом
он молчит
на заднем сиденьи спит
ледяное го

Из цикла [простые слова]

*“маленькие сёстры глядят из окна
на ремонт трамвайных путей
младшая говорит знаешь лёля
ну её на хрен эту культурологию
давай учить простые слова”*

*Егор Кирсанов, из книги
“Двадцать два несчастья”*

во мне исключительно много места
а оно не селится
живая рыба лоскуты цветные стекляшки
а оно не селится
в животе рыба дышит
в голове извиняется
что оно не селится
не приживается
боком выходит
видимо умирает

* * *

птица поводырь отличается
действительно очень многим
ходит на пальцах вздыхает
выдумывает словечки
выкладывает на носилки
открывает двери
somebody call an ambulance
в значении любую скорую/перевозку
хоть кто-нибудь заберите
use inside voices
закрывает двери
горло капут
температура её болеет

* * *

Кате Кортюковой

рассматривая фотографии двадцатилетней давности
понимаю что в сущности всё возвращается те же ёлки
стрижки практически те же та же любовь
к чёрно-белым снимкам
у лены алексеевой разбита коленка
и она её так рукой прикрывает стыдно
чтобы не видели
и я говорю
понимаешь катя не обижайся
у фотографа не должно быть эрекции
когда он делает ЭТО
даже когда мы голые
мы же дети
это не правильно как-то
не профессионально
не буду сниматься

* * *

у неё на двери написано
потакай тоске
слушай что тебе говорит
хлебная корка человек

стоит голову наклонив
говорит со своим плечом
короче червь это такая
маленькая змея
видишь ли что дают

она просто берёт её и съедает
думает не смерть а конфета
и что-то ещё менее важное

тишина в эфире
щелкает аэродромы
спрашивает потому что
что

* * *

ирочка говорит чирик
представь на минуту
меня здесь нет
вечно бы слушать твой
тоненький голосок
когда достаёшь из
горлышка эти высокие но-
ты цепляешься за карниз
тонкими сильными па-
льцами это всё музыка
музыка виновата
голоса в моей голове
пряталки-догонялки

* * *

С.П.

вот он входит в тебя
с этим своим ножом
весь такой нечаянный
от копчика до лопаток
говорит усни
я тебя пока покачаю
и рукой действительно

так качает то есть машет
как будто тебя прощает
одновременно с этим
прощаясь внутри с тобой
и пока ты спишь
он ходит в тебе на ощупь
перешагивает через
нитки и камушки
прочие запятые
что-то находит
откладывает в сторонку
никогда не спит
надевает твою изнанку

[-||-]

так одна вода
разговаривает с другой
я бы пришла к тебе
если б умела выйти
как солдаты выходят из боя
и входят обратно в бой
смотрят сухими глазами
в чужое небо
напиваются
этой сырой землёй

я такая маленькая
ну чего оно во мне ничего
не дышит

так живая вода горит
другая её не слышит
думает этим ли языком
разговариваю с тобой

[o]

птица падает камнем
камень взамен описывает спирали
думает ножницы ножницы я бумага

всё замыкается сворачивается кольцом
лёгкое при падении
группируется в оригами
словно бумажной становится
тоже птицей и гамма поёт
у меня нет дома
куда мне деться
в моём городе дождь
не идёт
прочее также подумывает
то ли начаться а то ли остановиться

Из цикла [все рыбы]

От лонных ласковых костей
До барабанных перепонок
Один букет из снегирей,
Ещё, наверное, лю-бовь
И долгий голос телефонный
На стёкла дышит и звезду выводит.
И больше ничего не происходит.
За дверью море встало и молчит.

* * *

девочка мальчика догоняет
девочка падает прячется
мальчик прицеливается стреляет
знает меж прочим куда и зачем
стреляет

вишнёвая косточка ласковая лучинка
видятся редко
чем тебе не причина
при встрече представиться сакурой
оголять плечи не плакать
казаться лучше

мальчик её об неё токует
девочка всё о своём толкует

не понимает что истина непреложна
встречная неизбежна
всё очень сложно и нежно
впрочем вполне возможно

девочка падает и летает
косточка падает прорастает
так они лежат вдвоём и его листают

яко на небе снег обо мне растает

* * *

пятнадцать дней не трогать головы
не выходить без тапок на балкон

какая бледная кровать
какие неживые коридоры
возьми глюкозу
стань меня врачом

какое всё красивое вокруг
какие все красивые теперь
какие неживые коридоры

здесь рыба четверговая расправа
и птица-пятница в стакане суетится
как будто расплескать
ну не сказать боится
но точно что-то знает про меня

* * *

по выбритому наголо песку
по золотистой коже лукоморья
я вижу как оранжевый петух
идёт-бредёт и бредит сам собою

(орехи в скорлупе
и всё блестит
калифорнийский завтрак

крест мальтийский
всё в скорлупе

хлеб белый отрубной
и календарь отрывной подкидной
орехи в скорлупе
и всё кружится

от точки начинается отсчёт
и целый мир в один зрачок
вместится)

здесь чудеса творятся
кто-то бродит
мой Чёрный Человек ко мне не ходит
и что-то на ветвях висит

МОСКВА

Уже тогда научились разгонять тучи, и на День Победы огромные страшные ракеты тряслись на серых тягачах по брусчатке под ярко-синим как будто на открытках небом. Скорее всего, разгоняли тучи и в то олимпийское лето – небо стояло синее и высокое, крыши, обитые жостью, отражали свет, и оттого казалось, что за ними, словно бы у моря, много воды. Но за крышами были еще крыши, маленькая речка текла, петляя, в раскаленных бетонных плитах, воздух над ней скапливался сизый и смутный.

Народу не то, чтобы не было совсем, но никто не гулял на мостах, перекинутых через крохотную рябую воду, через лязгающие железнодорожные пути, поросшие бурьяном, и в гастрономах стояла гулкая пустота. На выщербленных мытых кафельных полах высыхали лужицы воды. В витринах-холодильниках лежали сыр-рокфор и сыр чеддер, их при расфасовке резали на куски специальной провололочкой и заворачивали в грубую сероватую бумагу, бросали на весы, и тут же, на бумаге в которую они были обернуты, лениво писали цену химическим карандашом. Источала слезу нарезанная крупными ломтями розовая ветчина. Очередей не было.

Появились пирамидальные бумажные пакеты – большие, с молоком, и маленькие – со сливками, пакеты были белые с синими и красными буквами. Чтобы налить из них молоко, ножницами срезали верхушку.

Ходили слухи, что Москву закрыли, что в кассах по всей стране билеты до столицы продавали только по предъявлении паспорта с московской пропиской или командировочного удостоверения. Что по всем учреждениям щедро раздавали профсоюзные путевки в санатории-профилактории и пионерские лагеря, что бомжей, проституток и тех, у кого хотя бы одна судимость, выселяли за сто первый километр. Этот сто первый километр казался особым, обнесенным проволокой, населенным пунктом, специальным местом, куда ссылают всех, по нему ходили страшные люди с заплывшими синими лицами, наглые, вызывающе накрашенные девки, там дрались ножами и бутылочными «розочками», спали вповалку на нарах, и повсюду стоял запах закившего

белья... Там, на сто первом километре, в небесах скапливались тяжелые войлочные тучи и совсем не было солнца.

А Москва была как на открытке, как в рекламном ролике, которых тогда еще не было, брусчатка на Красной площади блестя, как рыба чешуя, напоминая об отсутствующей большой воде. У Мавзолея сменялся караул, и не было никакой очереди, которая в зимнее время – темная и угрюмая, многоногая, стояла под стеной, постепенно заметаема снегом. В киосках продавали пепси-колу, и фанту, собственно их и начали продавать в олимпийский год, холодная фанта казалась удивительно вкусной, остро-апельсиновой, ее наливали в бумажные стаканчики, потому что пластиковые появились потом. Стаканчики ставили один в другой, чтобы не подтекали.

Но они все равно всегда подтекали.

Как альтернатива их пепси-коле появился наш Байкал, коричневый пузырьковый напиток с острым травяным запахом и кофейным привкусом, как говорили, тоже со стимулятором, только правильным, растительным стимулятором – то ли с женьшенем, то ли с золотым корнем... Он тогда был очень вкусным, этот Байкал, но тогда казалось, что фанта вкуснее.

В магазине «Ядран» продавали керамические тарелки и тканые скатерти, в магазине «Варна» – вино «Медвежья кровь» и «Гъмза», в чешском магазине «Власта» в конце Ленинского проспекта – радужное чешское стекло, зеленоватые вазы, наборы разноцветных бокалов, сверкающие броши. И очередей не было.

В овощных продавали бананы и мандарины, продавщицы, блестя на солнце золотыми кольцами и ярко-красным облупившимся лаком, с размаху швыряли на весы зеленоватые гроздья бананов, и стрелка на весах качалась туда-сюда...

В учреждениях начали распространять билеты на олимпийские игры, их брали одинокие московские женщины, ожидающие праздника, и после сидели в полупустых залах белых стадионов, глядя на мрачных тяжеловесов, ерзающих над штангой, на присыпанных тальком сухощавых гимнастов. Женщины ничего не понимали в спорте, они просто хотели яркой и красивой жизни (и, возможно, познакомиться), но около спортсменов терлись мелкие люди с невыразительными лицами и яркие щебечущие девочки-переводчицы, и женщины сжимали в руках черные кожаные сумочки и делали вид, что смотрят на табло, на котором

выскакивали непонятные им цифры. И женщины говорили друг другу, что это очень интересно, и поучительно, и как они рады, что им достались билеты именно на этот вид спорта.

Поперек Ленинского проспекта висели растяжки, и кто-то ездил, гудя и мигая, в черных больших машинах, и новенький Гагарин, нелепо растопырив руки и судорожно улыбаясь металлическим лицом, смотрел на них с вознесенного своего поста-мента.

Алла ГОРБУНОВА

* * *

Синий цветок видит свои миры,
новогодний петух без головы горит,
в избушке на курьих ножках теплится свет.
В тусклом светильнике мерной игры
рыба-меч с рыбой-месяц в стекле говорит,
и спящий под пледом согрет.
Кто это? ребёнок? дева? или полуночный гость?
Если последний, то он пришёл – для чего?
Если спящая дева – чудесным огнём горит.
Если ребёнок – господь среди творений своих
спит, умирая в них.
По закрытым глазам проведёт лапкой плюшевый кот.
Дитя взрослым проснётся и больше кота не найдёт,
но найдёт рядом деву, что дивным огнём горит,
и полюбит её в совершенстве творений своих,
и заснёт, умирая в них.
А проснётся – и девы не будет, но только смерть,
а до детства рукой подать, головой повесть,
и цветку не отцвести,
петуху не успеть догореть,
а в избушке на курьих ножках теплится свет.

* * *

В алтайском разнотравном принебесье
мы – солнцем обожжённые, но тень
тумана над долиной эдельвейсов,
где семь озёр, и эдельвейсов семь.

Уйдёт шаман. Споёт пищуха. Взвейся,
рассеянная облачная сень:
его любовь в долине эдельвейсов
сорвёт их семь, и выбросит все семь.

.....

Они на свинок на морских похожи,
пищухи, но они такие птицы,
хотя и мыши, - себе нежненько поют.

В железном замке отходя от дрожи,
семь эдельвейсов вынув с рукавицы,
шаман услышит их у Эрлика в Раю.

Он поёт про зелёную долину

Реальна ли эта долина из песни, скажи мне, певец?

Так реальна, как только возможно ей быть реальной.

Как плуг и подкова, молот и наковальня?

Есть и они в той долине.

Она – там, где горный венец

Сангана, в сердце кристального лика,
зеркала, в котором каждый отражается не одним,

она - стебель, а мы на нём - повилика,

её кровь течёт в нас, наша в ней.

Оттого мы её не забудем никогда и никогда не вспомним,

и будем петь о ней до скончания дней,

будем стариться и умирать,

но вначале терять сердца,

потому что нам не увидеть раздвоенного лица,

наша сорная кровь не признает себя многоликой,

будем стариться и умирать,

тихо, тихо.

* * *

...болит висок. я что ли застрелился?

высветив мелкие пылинки,

кружащиеся медленно в столпах,

ответил луч, но как?

мечом архангела,

(каков ещё ответ)

я так люблю, когда таков ответ

мечом архангела.

- Избавит ли меня моя любовь от лжи и желчи вздорной,
сцедив всю горечь их и все дурные зёрна, -
в панафинейских амфорах, ноланских они теперь,
а где моя любовь, если не в самом чистом из сердец?

Нет светлей этих клавиш,
на которых играет, клубясь, воздушный песок,
только молитва светлей.

Но усталость, усталость...
Свежесть войдёт и развеет лёгкой рукой,
словно ландыш в июньском саду,
в изголовье постели,
в комнате хрусткой бумаги.

Эльфы хрустальных бокалов пьяны,
часовые спят,
солдаты убиты.
- Избавит ли меня моя любовь от моей любви?

Отворачиваясь, я знаю: другой уже мёртв.
Но любовь моя не такова:
отвернусь - она меня гладит по волосам,
повернусь - она говорит: я жива,
но и в смерти тебя люблю.

Лёгкость войдёт, а с ней и моя любовь -
в комнату света, где медленно падает пыль,
словно ноты и капли, над хрустящей бумагой дождь.

А я всё ж застрелился. Клавиши, ландыш, свет.

ЕРГАКИ

Таёжная осень. Кровохлёбка и пижма.
Горный сад пламенеет в пыли осеннем.
Так ослепительно!
Режет глаза

луговая альпийская горечь.
 Дремля,
 внемлет
 Саянская мать
 : а в чашах каменных слюда или роса?
 Ты в ванне малахитовой умоешь
 свои глаза,
 чтоб ими убивать.

Но как подёрнуто всё первой желтизной,
 когда по грудь в траве, в рубашечке льняной,
 шёл с палкой и уже не чувствовал спиной
 рюкзак, и тишина была столь совершенна
 ...но кто-то пел –
 была то пеночка, вьюрок?
 ...но кто-то пел –
 мне вовсе невдомёк:
 поэт-отшельник или что за шельма,
 косой, как я, хромой, как я, и дурачок, как я,
 я так смеялся и рыдал:
 да это и есть я!

Дождь в горящем саду

1

На лиственницах запонки дождя,
 мох-бородач,
 молниеносный луч,
 а это значит –
 ничего не значит:

себя,
 и больше ничего, -
 речной туман и пьяная черника.

/Но значит я живой?/

На окарине
 в саду горящем старичок играл.

шаманит Клара Михайловна,
сельский ветеринар,
а значит, сегодня
как и всегда:
от костра идёт жар,
от воды идёт пар,
от кедров – кедровая ночь.

О, нет нигде! В чертогах великанов,
ручьём увитых, в осыпях Саяна,
бросающих к подножью валуны,
нет никого, кто видит эти сны
настоя троллей, горной валерьяны.

В их недрах малахитовые ванны
в натёках сталактитов ледяных
в оконцах слюдяных кому видны
о, никому

Застыли струи каменного крана.
Не падает – и не получит раны
капля воды, и не вкусит вины,
как Ева, из объятий Сатаны
не принявшая яблока изъяна
о, никогда

Таёжная осень. Саламандры в огне.
Горный сад колеблем на дне озёрном.
Сфинкс,
 Страж,
 Тугодум,
 Верблюды
просыпаются в рассеянном свете.
Между мирами завеса –
из росы, и только.
Лёгок мир, безмятежен,
прозрачен, словно кристалл.

Бог невинен, а мы свободны, -
это правда,
кто так сказал.
И правда, что
на окарине
в саду горящем старичок играл.

Н.В. ГОГОЛЬ КАК ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МЕССИАНСТВА

Аннигилятор

Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича... – мечтала героиня «Женитьбы» Гоголя Агафья Тихоновна. А что бы мы получили, если бы приставили Николаю Васильевичу бороду Льва Николаевича, которая украшает портреты графа Толстого? Нет, не так, как это делают шалуны-школьники, пририсовывая в учебниках великим людям не свойственную им буйную растительность на лице. А приставили бы в метафизическом смысле, с проекцией не только на внешний облик, но и на судьбу.

На такого рода размышления наводит история с последним сочинением Гоголя – многострадальными «Выбранными местами из переписки с друзьями». Сочинение получилось настолько невероятным для блестящего стилиста, мастера психологической мистерии, обладающего отменным чувством юмора, что весь мыслящий российский мир пришел в большое недоумение. Для всех это был шок. Именно для всех, включая и Гоголя. Автор, ожидавший, что его прочтут и поймут («я отвечаю вам не только не по секрету, но, как вы видите, в печатной книге, которую, может быть, прочтет половина грамотной России»), был ошеломлен и подавлен реакцией современников на его откровения.

Во-первых, в «Выбранных местах» полностью отсутствует не только сочный гоголевский юмор, но нет и намека даже на астеничную иронию.

Во-вторых, человек, которому пришлось бы начинать знакомство с творчеством Николая Васильевича с этой книги, не мог бы даже в самых смелых фантазиях вообразить, что ее автор является блестящим стилистом. Трафаретные фразы, оживляемые нездоровой горячностью. Скучный язык. Досадные корявости. В «Выбранных местах» Гоголь, которого уже долгие годы терзала проблема оппозиции эстетики и нравственности, наконец-то нашел силы задушить в себе, как он считал, лживого змея красоты,

погубившего род человеческий и до сих пор уводящего людей от истин духовной жизни. Он стыдится написанного ранее, пытается отречься от многого, что считает продуктом праздного ума.

В-третьих, Гоголь, который никогда прежде не примерял судейскую мантию, разит социальное зло наповал. Более всего, естественно, достается людям близким, которые принимали искреннее участие в его судьбе. Таков литератор и историк, редактор славянофильского «Московитянина» Михаил Петрович Погодин, у которого Гоголь подолгу жил, пользуясь не только его гостеприимством, но и финансовым вспомоществованием и содействием в устройении дел гения. «Вооружившись взглядом современной близорукости и думаешь, что верно судишь о событиях! Выводы твои – гниль; они сделаны без Бога! – обращается Николай Васильевич к Михаилу Петровичу в главе «Близорукому приятелю». – Что ссылаешься ты на историю? История для тебя мертва, - и только закрытая книга... Нет, не сделаешь ты добра на своей должности, хотя и желаешь того; не принесут твои дела того плода, которого ждешь»... И заканчивает Гоголь пожеланием своему бывшему другу несчастья или потрясения.

В-четвертых, «Выбранные места» были встречены с негодованием не только западниками, но и славянофилами, к «партии» которых Гоголь все более и более примыкал, оказавшись на чужбине. Вполне понятно, что наибольшее неистовство продемонстрировал неистовый Виссарион, обрушивший на недавнего соратника свой праведный гнев:

Вы только отчасти правы, увидев в моей статье рассерженного человека: этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в какое привело меня чтение Вашей книги. Но Вы вовсе не правы, приписавши это Вашим, действительно не совсем лестным, отзывам о почитателях Вашего таланта. Нет, тут была причина более важная... Нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства. Нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедают ложь и безнравственность как истину и добродетель.

И это при том, что планы у Гоголя были совершенно противоположные: не ополчить против себя оба полемизирующих лагеря, а примирить их, предостеречь от излишней горячности в спорах по поводу столь важного вопроса как поиски нравственных и интеллектуальных ориентиров на историческом пути России.

Но получилось это у автора крайне неловко: «Нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались затем именно, дабы умные могли в это время надумать вдоволь». Таким образом, к передовым крикунам, то есть к людям неумным, были отнесены с одной стороны, Хомяков, Киреевский, братья Аксаковы, Самарин, с другой, - Белинский, Герцен, Грановский, Кавелин.

Но не чувство оскорбленного самолюбия, тут Белинский абсолютно прав, разобидело славянофилов. Гоголь в своих итальянских духовных исканиях настолько забрал вправо, что и они вослед за западниками не могли не ужаснуться. Тогда, когда движение только зарождалось, Хомяков со товарищи были милейшие цивилизованные люди. (Это позже движение приобрело страшноватые формы культурного изоляционизма). Хомяков со товарищи, естественно, считали самодержавие единственно возможной формой российского государственного устройства. Но при этом ратовали за отмену крепостного права и смертной казни, за введение свободы слова и печати. Не шарахались от Запада, как черт от ладана, а стремились учитывать и использовать приемлемые для России наработки западной цивилизации.

И в это, можно сказать, относительно терпимое время вдруг появляется сочинение, автор, прославленный автор, которого искренне считает Запад трупом смердящим! Который крайне неодобрительно относится к всеобщему образованию, поскольку грамотный мужик начнет читать вредоносные книжки!

Сын своего народа

И, наконец, в-пятых. Что бы ни говорили славянофилы, какие бы «неопровержимые» аргументы ни выдвигали по поводу приоритета русской культуры по отношению к западной, но против Пушкина, как говорится, не попрешь. Александр Сергеевич в 1830 году констатировал: «Старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь и на ней возвышается единственный памятник: «Слово о полку Игореве». Словесность наша явилась вдруг в XVIII столетии». Ну, а словесность – это, как известно, способ закрепления культуры в сознании народа, препятствующий действию механизма «в одно ухо влетело, из другого вылетело».

Правда, в этом самом темном поле кое-где мелькают одинокие огоньки, которые все-таки можно отнести к разряду словесности,

а не документального летописания. Такова, например, переписка Ивана Грозного с князем Курбским. К особому роду словесности относятся проповеди. И прерогатива тут, естественно, принадлежала служителям культа. Наивысший образец этого специфического жанра явил нам Аввакум Петров. В этом ряду нельзя не упомянуть и «Поучение» Владимира Мономаха, человека хоть и не духовного звания, но обладавшего такой полнотой власти, что его слово, обращенное к детям, прозвучало вполне громогласно, на всю Русь.

И вдруг появляются «Выбранные места из переписки с друзьями» - ярко выраженная проповедь, обращенная к «половине грамотной России». То есть к нации как таковой. И написал ее буквально н и к т о. Никто по канонам отечественной культуры того времени – не старец, не церковный иерарх, не государь император. Так, можно сказать, всего лишь частное лицо – господин сочинитель. Таким образом, Гоголь позиционировал себя проповедником, что было квалифицировано как самозванство.

Отчего это произошло? Может быть, от психического нездоровья, которое, по мнению некоторых психиатров, терзало Гоголя в конце его земного пути? Действительно, что собой представляют наставления, которые он дает «половине грамотной России»? Насколько они опираются на реальное положение вещей? Вот, например, как Николай Васильевич предлагает решить проблему бедности:

Обращаюсь к нападеньям вашим на глупость петербургской молодежи, которая затеяла подносить золотые венки и кубки чужеземным певцам и актрисам в то самое время, когда в России голодают целиком губернии... Это происходит от всем нам общей человеческой беспечности. Эти несчастья и ужасы, производимые голодом, далеки от нас; они совершаются внутри провинций, они не перед нашими глазами... Тот же самый, кто заплатил, дабы насладиться пеньем Рубини, сто рублей за кресло в театре, продал бы свое последнее имущество, если бы довелось ему быть свидетелем на деле хотя одной из тех ужасных картин голода...

Проблема коррупции, на его взгляд, имеет в своей основе женщину. (Надо сказать, что изначально, с молодости, а не только в 40-е годы позапрошлого века, Гоголь с огромным недоверием относился к представительницам прекрасного пола. Чем они были красивее, тем больше сквозь эту красоту он отчетливо видел уко-

ренившихся в них ведьм. Единственным исключением была его платоническая возлюбленная А.О. Смирнова, жена калужского губернатора). Чиновники не брали бы взяток, если бы их к тому не подвигали жены, которым необходимы значительные средства на наряды, на шикарные выезды, на балы и всякую прочую дребедень. Укоротить жен, и брать перестанут – вот и весь секрет антикоррупционной политики.

Вызывает изумление и совет, который Николай Васильевич передает через Смирнову ее супругу, калужскому губернатору: «попросите его прежде всего обратить внимание на то, чтобы советники губернского правления были честные люди!» Как говорил персонаж новомодного сериала про борьбу с бандитизмом в Одессе, картина маслом!

Что это как не неадекватное восприятие окружающей реальности? О чем говорили и продолжают говорить отечественные психиатры, которые расходятся во мнении лишь относительно названия заболевания. Одни настаивают на том, что Гоголь после 30 лет страдал маниакально-депрессивным психозом с кататоническими симптомами. Другие утверждают, что это была шизофрения с приступообразным циркулярным течением. Впрочем, есть и третьи, которые считают психическое состояние Гоголя пограничным, что он всего лишь страдал от неврозов.

А вот еще один диагноз. Его поставил «сумасшедший» Петр Яковлевич Чаадаев, единственный из русских философов, который следовал принципу: «Что нужно для того, чтобы ясно видеть? Не глядеть сквозь самих себя». Точнее, великодушно объявленный императором сумасшедшим, дабы не сажать «русского немца» в острог за публикацию преступного философского письма, в котором Чаадаев поведал о прошлом, настоящем и будущем России горькую правду. А какой же русский не любит быстрой езды, какой же русский не придет в ярость, когда о его любимой Родине говорят такое: «Мы воспринимаем идеи только в готовом виде, потому что те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мыдвигаемся вперед, но в косвенном направлении, т.е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставляли самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего, все их знания на поверхности, вся их душа вне их».

Так вот этот сумасшедший, а сейчас бы сказали, что к тому же еще и международный террорист, в письме Вяземскому следующим образом определил генезис «Выбранных мест»:

Как вы хотите, чтобы в наше надменное время, напыщенное народной спесью, писатель даровитый, закуренный ладаном с ног до головы, не зазнался, чтоб голова у него не закружилась? Это просто невозможно. ...Недостатки книги Гоголя принадлежат не ему, а тем, которые превозносят его до безумия... которые, наконец, навязали на него тот гордый, несродный ему патриотизм, которым сами заражены, и таким образом задали задачу невозможного примирения добра со злом; достоинства же ее принадлежат ему самому.

Рекордсмен жанра

Однако все вышесказанное вовсе не означает, что последнее сочинение Гоголя неизбежно было обречено на провал. Его книга вполне могла бы стать не только популярной, но и почитаемой. Все дело в том, что проповедь – жанр весьма специфический, апеллирующий не к разуму адресата, а к его чувствам, которые, как известно, субстанция иррациональная. Тут работают не аргументы, сцементированные логикой в стройный храм разума, а поза, интонация, имидж. Тут важна борода. Не худосочная поросль на лице, не бородка, а именно борода – солидная, как у библейского пророка.

Таковой обладал Лев Николаевич Толстой, граф, зарабатывавший на пропитание трудом своих мускулов. Потому-то ему и внимали с благоговением, ловили каждое его слово. Он в полной мере воплотил в жизнь то, к чему столь неловко подступился Гоголь. Он стал суперзвездой.

Конечно, Толстой, будучи сугубым реалистом, апеллировал к разуму. Его доводы и аргументы логичны. Это минус для проповедника. Однако проповедь его подавалась весьма театрально. Граф, который пошел навстречу народу в надежде на то, что они неминуемо сойдутся посередине пути как равные: народ, воспитанный и образованный до необходимого уровня Толстым; и Толстой, опростившийся и нравственно усовершенствованный до состояния умного мужика. И на этом пути Лев Николаевич невольно, сам того не желая, занимается лицедейством. Вот, например, в Ясную Поляну приезжает знаменитый французский

публицист Поль Деруэлд. Его посылают в поле, где граф пашет. Публицист задает графу первый вопрос. Граф, не отрываясь от сохи, продолжает свое оральное дело. Публицист, одетый безукоризненно, пристраивается рядом, и начинает семенить, перескакивая через земляные глыбы. Так они и движутся по полю: граф вещает, публицист на ходу записывает великие мысли в блокнотик. Ситуация столь же нелепая, как и та, которую Толстой уподобил неестественности стихосложения: идти за сохой, приплясывая. Что это как не мизансцена в любительской театральной постановке?

И еще два момента, которые способствовали тому, что Гоголя никто не захотел слушать, а проповедь Толстого приняли на ура. Толстой изначально, если судить по самым ранним его произведениям, был абсолютно лишен чувства юмора. Именно таким качеством и должен обладать пророк в России. Гоголь этим «даром» не обладал.

Ну, и ко всему прочему, Николай Васильевич не был диссидентом. Лев же Николаевич был диссидентом из диссидентов, о чем свидетельствует его отлучение от церкви. Вполне справедливое отлучение. Он не просто критиковал православие, что делали многие, не разоблачал поповскую косность, а со всей своей праведной могучестью обрушился на всю христианскую церковь, провозгласив, что в ее основе лежит ложь.

Во всем виноват бывший фарисей Савл, ставший апостолом Павлом, которого Толстой в статье «Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении» характеризовал как человека «очень славолюбивого, легкомысленного, горячего и ловкого».

Преобразовательный порыв Толстого оказался значительно более успешным, чем гоголевская попытка провозгласить истину. Но этот успех был в основном массмедийным. Реальные плоды, увы, не вызрели даже в селах, расположенных поблизости от Ясной Поляны. И это печально, весьма печально, поскольку намерения графа были прекрасными. Однако преодолеть жизненные реалии ему оказалось не по силам. Таким образом, можно констатировать: начинал Толстой как реалист, закончил как романтик.

Закат жанра

Большую часть своей жизни был диссидентом и Александр Исаевич Солженицын. И он так же, как и Лев Толстой, имеет

пророческие интенции. И борода его подстать толстовской. И он также пользовался для продвижения идей «театром Толстого». Пожившим на свете людям памятен репортаж из Вермонта, где Солженицын в прекрасно срежиссированном кадре колет дрова в архаичной русской одежде. И возвращение его на родину было устроено не менее эффектно. Более месяца он перемещался в поезде из Владивостока в Москву, выходя чуть ли ни на каждой остановке, чтобы изучить жизнь русского народа, узнать его нужды и оценить его моральное состояние. Узнав все это, в отличие от Гоголя, не из писем прелестной губернаторши, а разглядев все собственными глазами, нобелевский лауреат намеревался уточнить наставления, данные россиянам в труде «Как нам обустроить Россию».

Все делалось правильно. Точнее – не делалось, а копировалось. И даже был некоторый перебор, заход на языковую территорию XVIII века по части обильного использования «архаизированных неологизмов»: на последнем докате, на краях, опад, неподымный, подоль, тристаетный срок, непробивная... А порой и вовсе доносился из тьмы веков голос Савла-Павла: «Слово к великороссам», «Слово к украинцам и белорусам», «Слово к малым народам и народностям»... Ну, нельзя, нельзя разговаривать с современниками на языке Льва Толстого спустя 80 лет после его смерти!

Общественное ожидание нагнеталось, когда Солженицын ехал по чугунке от Владивостока в Москву. Все напряженно ждали: вот сейчас приедет, все нам объяснит, и наступит всеобщее просветление. На Ярославском вокзале нобелевского лауреата встречала огромная толпа москвичей. Потом он пару раз пообщался с президентом, пару раз вещал из телевизора... На том все и завершилось. Он обиделся и стал «троице-лыковским затворником»...

На этом программа генерирования отечественных пророков была закрыта. Теперь духовной жизнью страны руководят кремлевские политтехнологи и останкинские наперсточники. И мы по-прежнему растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед, но в косвенном направлении, т.е. по линии, не приводящей к цели. Потому что в нашем детстве, в нашем перманентном детстве нас не заставляют думать самостоятельно.

* * *

вкравшиеся в мой ум детали чужого быта,
как слова-паразиты в любовную переписку:
чашка кофе, туберкулёзный рильке,
кубики льда, собрание активистов,
осень, проседь, москва —
как будто два циферблата,
четыре стрелки
одних и тех же часов

* * *

в этом году зима закончилась слишком рано
воспоминания оставшиеся об этом
похожи на птичий след в заснеженном поле
помню только что спал как убитый
но при малейшем шорохе
выхватывал из-под подушки томик александр сергеича
вскакивал
и зачитывал в тишине
одно из его бессмертных стихотворений

* * *

раньше летом пересыхали реки
зимой я мёрз а весной цвела сирень
под фонарём на улице у аптеки
и ночь означала то что кончился день
теперь я пью из бутылок без этикетки
руки мои трясутся глаза пусты
нет времени нету места чтобы принять таблетки
и отнести в починку сломанные часы

* * *

Я прикинуть камнем, когда мне придется падать
в твои объятия. Не приходи на память.
Не возвращайся. Время — стоит как камень.
Стой, где стоишь. Не приближайся, падаль.

* * *

Постепенная любовь, дети за перегородкой,
письма, залитые водкой, неустойчивые тени.
Календарь на тыщу лет, искаженное лицо
Время стягивает кожу, время вспарывает место.
Время режет по кости, изготавливая смерть.
Телевизор в темноте заколоченного гроба.
Сердце бьется между стен заколоченного гроба.
Ненасытная утроба, тело, вмерзшее в постель...

* * *

Мои сны переходят в другую веру.
Скоро сердце последует их примеру.
Только тело держится на весу,
Как туман на ветках в густом лесу...

* * *

Меня пугает твой ингредиент,
Как некий знак на стенке в санузле.
Он превращает прошлое в желе
И действием похож на клей «Момент».

Меня смущает твой истэблишмент,
Как некий шарм, что движется извне.
Как ледоход на Северной Двине,
Он в действии похож на клей «Момент».

Но берегись! непрочен интеграл.
В колонке цифр он суетен и мал.
Поборник сна и секс-интеллигент —
Когда-нибудь он выйдет из себя,
Как клей «Момент».

* * *

В чаще завтрашнего бреда
Волк отравленный исчез.
Обнаженный Кастанеда
Сети глаз бросает в лес.

Но осознанная сила
Кормит солнечных детей.
А злодеев ждет могила.
Так умри же, лицедей!

* * *

«Мама, мама!», —
кричит этот год прошлому,
щеголяя поддельным свидетельством о рождении.

* * *

Яшма прячется в рваной ткани.
Ангел садится в чужие сани.
Завтра не будет детей и денег.
Выйдут они на пустынный берег.
Скажут: «Прости нас, великий боже!».
Вместо ответа — мороз по коже.

* * *

Джульетта, смотри, как пепел танцует у наших ног,
четвероногое пламя корчится на полу,
оно проглотило титульный лист и движется между строк.
Шекспир продрог, шекспира тянет к теплу.

Разве возможна любовь, Джульетта, в эту жару?
Выпал бы снег, вышел бы весь коньяк.
Огонь не знает, что делать со мной, в какую играть игру,
а твой шекспир давно уже мертв и ромео — дурак...

* * *

Три жизни отпущено тем, кто хочет мгновенной смерти,
но, начиная с четвертой, им предстоит разлука
с собственным отражением: ангелы или черти
обнаружатся в зеркале, а только источник звука
постепенно иссякнет, накрытый ладонью тени,
и по лицу покойника, пойманного в постели,
медленно и торжественно двинется паутина,
как по стене музея, с которой снята картина.

* * *

никак не могу согреться
поднялась бы что ли температура
градусов сорок
а то и все шестьдесят
как у водки “ерофеич”
которую мы пили
в девяносто шестом году
с тех пор не могу согреться

* * *

Бессоница.
По-моему, за мной кто-то гонится.
Олигофрен и дебил.
Скорей бы уж догнал и убил.

Куплеты имени Мандельштама

Нету сознания своей правоты.
В город приехал отряд лимиты
Из Уренгоя и Алма-Аты.
Из Таганрога и из Воркуты
Тампаксы есть и сникерсы есть.
Но нету сознания своей правоты.

Брызжа слюной изо рта, сволота
Мне говорит “правота, правота”.

Но нету сознания своей правоты.
Киллер застыл у опасной черты.
Курит сигары и мечет понты.
Роллексы есть и гриндерсы есть.
Но нету сознания своей правоты.

Нету сознания, сознания нет.
Дайте убогому белый билет.

* * *

На углу стоят скамейки,
В луже плавает гондон.
У меня есть две копейки
И мобильный телефон.

На скамейке Коля с Машей
Отдыхают без штанов.
Ничего не знаю гаже,
Чем взаимная любовь.

Андрей МИРОШКИН

ПОЭТ И ПРЕЗИДЕНТ

случаи

Однажды Путин решил поговорить с Приговым о жизни и смерти. Для этого он отправил на квартиру к Пригову двух сотрудников ФСО. Они вручили хозяину под роспись конверт, внутри которого лежала бумага с номером ICQ Путина.

Исторический диалог состоялся.

Однажды Путин призвал Пригова в Кремль и спросил, принял бы он участие в противоправительственной бульдозерной выставке, будь он в тот день в Москве. Пригов твердо сказал: «Да, принял бы». Путин отпустил Пригова, поблагодарив за прямоту.

Но ближе 100 км от столицы жить все же запретил.

Однажды в молодости Путин был на подпольном вечере Пригова. После чтения он подошел к Пригову, представился и поблагодарил его за стихи.

Придя домой, Пригов сочинил свой знаменитый цикл о Милицанере, застрелившем императорского посла.

Однажды Путин предложил Пригову произнести речь на открытии памятника Пушкину. «Не могу, я Пушкина не читал», – отнекивался Пригов. «Ничего, – увещевал Путин, – скажешь, мол: солнце русской поэзии, наше всё, ну а потом стихи свои прочтешь».

Пригов так и сделал, и очень потом удивился, увидев, что на постаменте выбили те самые его стихи.

Однажды Путин устроил облаву на тунеядцев, прогуливающих работу. Зашел он днем в «ПирОГИ» – глядь, а там Пригов стихи читает. «Эге, – думает, – попался!» Но Пригов заметил Пу-

тина и давай нарочно читать стихи про милицанера. Путин прослезился, велел не наказывать Пригова и даже выдал ему медаль: «Не ходить на службу дозволяется». Ты у меня, Пригов, говорит, теперь с медалью.

* * *

Началась война, и Путин отправил Пригова на фронт. И Пригов на фронте отличился: взял в плен двух Георгиев – Иванова и Адамовича, стяжал Славу Курицына и получил Аннинского Льва на шею. Кроме того, Пригов прослыл в полку лучшим оратором, за что Путин наградил его Орденом Языка.

* * *

Однажды Пригов сидел дома у камина и сжигал 2-ю часть своей поэмы про милицанера. «Что ты делаешь?!» – вскричал, входя в комнату, Путин. «Дрянь стишки, не жалко», – меланхолически отвечивал Пригов. Но Путин успел выхватить из огня несколько листов. Вскоре Пригов умер, и Путин отнес спасенную рукопись в «Новый мир». Ее напечатали с пометкой «Публикация В.В.Путина». Путин этим очень гордился.

* * *

Однажды Пригов вызвал Путина на дуэль. Стрелялись на рассвете у метро «Черная речка». Первым стрелял Пригов. Он метил в лоб, но пистолет дал осечку, и пуля попала в какой-то памятник. А Путин, не желая убивать своего любимого поэта, выстрелил в секунданта Путина. Но им, к несчастью, оказался тоже поэт, Лев Рубинштейн.

Поскольку метро еще не работало, в город пробирались сугробами. Секундант Путина Александр Стальевич Волошин потерял в сугробе галошу, да так и не нашел ее. Бойкие журналисты за это прозвали его «Старик Калошин».

* * *

Однажды Путин, в пору увлечения либеральными идеями, написал статью против ФСБ.

Прослышав об этом, Пригов воскликнул: «Если Путин против ФСБ, то я – за!»

Как-то Путин принял на свой счет стихотворение Пригова про милиционера и распорядился его арестовать. Но Пригов, не дожидаясь ареста, уехал в Баден-Баден. Там он стал много печататься по-немецки, получил известность и заработал много долларов.

Однажды Путину приснился страшный сон. Будто открывает он свой рабочий дневник президента, а там:

9.00 Зарядка с Приговым

10.00 Завтрак с Приговым

11.00 Прогулка с Приговым

13.00 Обед с Приговым

14.00 Деловые переговоры с Приговым

16.00 Рыбалка с Приговым

19.00 Ужин с Приговым

20.00 Чтение стихов Пригова...

Не дочитав до раздела «Отбой», Путин в ужасе проснулся.

Путин, по обыкновению, каждую свою новую речь сначала давал прочитать Пригову. Тот ее почти целиком переписывал по-своему, а Путин, всецело доверяя Пригову, так ее и читал. Однажды журналисты спросили Путина, что означают незнакомые слова в его речи: «постконцептуализм», «дисморфомания», «стратегийность»?

«Я-то тут при чем? – пожимал плечами Путин. – Это все Пригов, у него и спрашивайте».

Однажды Пригов удил рыбу на берегу Клязьмы. К нему подошли и сказали, что его зовет к телефону Путин.

«Когда поэт удит рыбу, президент может и подождать», – отвечал, не отрывая глаз от поплавок, Пригов.

Путин частенько приглашал Пригова на заседания Совета безопасности. «Ты, главное, сиди там с умным видом, а как повиснет пауза – вставай и читай стихи».

Пригов так и делал. И лишь позднее он узнал, что учитель Путина Юрий Владимирович Андропов тоже, бывало, вызывал своих любимых поэтов на коллегия КГБ и заставлял их там, под страхом кнута и дыбы, читать стихи.

«И ведь читали, как миленькие!» – захлебывался от смеха Путин.

* * *

Как-то Пригов, будучи проездом в Ленинграде, захотел плюнуть в памятник Достоевскому, но по случайности попал в проходившего мимо Путина.

Путин шел на конспиративную встречу и потому сделал вид, что ничего не случилось. Но лицо плюнувшего очень хорошо запомнил.

* * *

Однажды Путин, в память о своем учителе Андропове, предложил работу в своей администрации трем известным русским поэтам – Волошину, Суркову и Пригову.

Первые двое с благодарностями приняли предложение. А вот Пригов, в ту пору увлекавшийся либеральными идеями, с возмущением отказался. И уехал в Баден-Баден.

2006

АЙВЕНГО

ГАЗПРОМ und ГАСТРОНОМ

* * *

никак не мог найти
значение слова ТЫН
один грузин пытался объяснить
потом еврей
американец
русский
василий иванович с петькой
штирлиц
брежнев и армянское радио
но не вышло
так до сих пор и не знаю
(разве в Интернете поискать)

* * *

забыл я чего-то про греков
читаю вроде современные стихи
но просто так эхила
или там гомера не забудешь
(и часто-часто снятся мне они друзья)

* * *

корявые какие-то слова
и не из олова и ни из чего покруче
а просто корявые от написания

* * *

все говорят В ГАЗПРОМ!! В ГАЗПРОМ!!!
а я В ГАСТРОНОМ собрался
(хотя сейчас какие гастро
номы - на горизонте лишь супер
маркеты одни)

* * *

и поле и лес
всё мне любо-приятно
а как же иначе
ведь куда не помотришь
счастливые люди живут

* * *

леший – тоже человек
хоть и лесной

* * *

реминисценция
коленце выкинула
глядит не поперхнётся
ничего
как говорят портные
и на тебя лекало найдём

* * *

беовульф заблевал всю заводь
зачем ты так о нём
он хороший
добрый
пушкина любит

* * *

фигляр фиговый фиг
нацепил
фиги фиги – кричат поселяне
иго давно кончилось
только рублёв и помнит

* * *

хорошее слово ГАЛАНТЕРЕЯ
звучит словно ГАРАНТИЯ
а есть ещё БАК АЛЛЕЯ
ей богу
повезло со словами
русскому языку

* * *

тоненькая книжечка стихов
тут не увернёшься
не скажешь
мол аргонавтика какая-то
лежит себе
ждёт читателя
а он пиво пьёт

* * *

в библиотеке древностей
много ярусов
несколько подземных уровней
вертолётная площадка
парковка на пятьсот машин
и много других наворотов
вобщем созданы все условия

* * *

и туда
и туда залетают шайбы
молоко убежало
суп прокис
ремонт стоит
а шайбы знай себе
летят и летят

* * *

в окне лицо прораба
строители пьют не то кефир
не то рвотную сыворотку
до субботы ещё два дня
а до конца обеда пятнадцать минут

* * *

в ухе зажужжало
старичёк нагнулся да в спину вступило
растворилось лекарство в стакане
печень вкуснее почек
мыслей много – да слов не найду

* * *

выезжает страница из принтера
человек поворачивает голову
ничего не хочется другу
видимо-не-видимо звёзд на небе
поелику и мы не пропащие

* * *

разве ж так можноти
вежды по краям стояти
возможно кватроченто или супостаченто
зубы почищены
шнурки зашнурованы
влага влага и остальное благо

* * *

выя вьётся души нечаянной
чайник и чрезполосица
абракадабра в кадре
федр режет матку правды
правило такое: тако не како - а како не тако
хоть ты и всамделишний
а давеча зря осерчал

* * *

любо любо шептали зубы
бо-бо – ёд капал на ранку
с рынка спозоранку вернулись покупчики
заиндивела радость
масло намазано
кегли расставлены – соревнуйтесь себе

* * *

выпивали у али с али
(курбаши бери беяши)
выпил мекстуру медвежонок
голос из-под печки: рекомендую вот эту книгу
выпил волчёнок
голос осип

тут и Осип вернулся
и все – на бочок
под камень skazki глядеть

Ревель-град
ревель-растение
ну реветь – выражение
реветутто – итальянщина
ревун – главный в своём народе

слова словеса словечки
разойдись плечо
осерчала коровушка – на молоко мораторий
овечки по-добрее – но и оне не мёдом мазаны
в мазанке всё есть и принтер и сканер
да вода кончилась
а без неё как же

идёт процессия
позади тащится дед жукарь
выпал из своей книги
никак назад не вернётся
все его жалеют
но от этого не легче

пришли бобыли с торжища
грибы яйца сметана воск
припасы очень нужны
но нужен и пушкин и примпампушкин
и другие радости
никогда не было
так грустно-весело им
вроде всё есть – а чего-то не хватает
в этом и счастье

* * *

зацепилась за сирень нога
и стала сиреневой
пролетала птаха – заметила
весь городской округ узнал
ходит теперь
ногой сиреневой ламинат топчет
а к чему это не знает
не судьба

* * *

думка думалась
дымился дымок
дядя почесал затылок
внутри светло
снаружи пасмурно
хорошо что не наоборот

* * *

орехового пойла попил
стал думать то что орехи думают
грецкие об этом
кедровые об том
арахис вообще эротоман оказывается
но после отпустило
а жаль

* * *

синичка примостилась на плече
вольготно из жары на холодке
покумекать о сообразностях
пейзажи опять же не давят
кругом абстракции да интертекстуальность
поэты эпохи ТАН обедать зовут
пойду
ихних щей попробую

(2007)

Андрей КНЯЗЕВ

КИТАЯНКА

Встал я однажды утром с кровати и было воскресенье, чтобы не идти на работу программировать про деньги. Тогда я включил компьютер, потому что кроме как на компьютере больше ничего не умею делать, ни унитаза починить, ничего, поэтому унитаз остался поломанный и в нем неудобно смывать гавно, а нужно лезть прямо руками в воду и приподнимать хуевину, чтобы вода полилась - смыла гавно. И вот я все это сделал и опять, говорю - если кто еще не понял - включил компьютер, стал убивать фашистов. Убил человек 90. Стало хорошо. Тут думаю - пожрать надо. Пошел на кухню, нашел в холодильнике какую-то хуйню, с последней пьянки, уже не разберешь чего, а похоже на вареники в малофье. Засунул их в сковородку, полил водой из чайника, поджег газ - и тут как раз звонок. Я обосрался. Ведь это фашисты узнали как я их тут убивал и пришли меня отыскать - залезть в окно, выебать и казнить. Ну да я их обманул - не притронулся к трубке - пускай звонят хоть в милицию, хоть в дурдом, а я все равно не признаюсь - нет, я в такие игры не играю. Что мне - 15 лет - стрелялками развлекаться, я, гражданин начальник - в основном по порнушке. Нет-нет, что вы, мне малолетки даже совсем не нравятся, у них ни сисек нет, ни жопы, пускай эти педофилы их смотрят, если они такие идиоты - вы лучше их ловите, ведь идиоты погубят мир. Сначала на малолеток смотрят, хотя они и без сисек, а потом фашистами становятся и мировую войну раздувают, а я против войны, меня еще убьют, а это больно, да и вообще - пожить охота, порнухи посмотреть... Я вообще против насилия, а если и за революцию, то такую, чтобы потом не работать, а все делали роботы. Правда, эти ученые все дураки и никак не могут изобрести роботов, а вот если их собрать в одном месте и пока роботов не изобретут - расстреливать ученых 20 в день по жребиям. А пока их там расстреливают, всем белым людям раздать по китайцу - их, во-первых, до хуя, а во-вторых - трудолюбивые и послушные. Вот бы китайцы и работали, а нормальные белые люди по компьютеру фашистов убивали, ну или, кто совсем дурак, малолеток бы голых по интернету разноживали, хотя я этого и не понимаю, какое в этом удовольствие - смотреть голую бабу, когда она совсем без сисек. Но демократия - на то и демократия, чтобы каждому

– свой фетишизм, кому про малолеток, кому - про старух голых, кому про пидарасов, а кому-то - про всякие зверства и издевательства, например, я один раз видел по интернету, как какие-то мужики поймали 23-летнюю училку (там про это написано было специально, что это училка, и про сколько ей лет - наверное, чтобы кто-нибудь не подумал, что это малолетка) и на ее голую послали - ну я и хохотал! А я бы себе китайку взял, программистку, и вместо себя посылал на работу - про деньги программировать. Еще бы заставлял полы мыть, посуду, унитаз бы она мне, наконец, отремонтировала, ну и, конечно, ебал бы ее все время, когда она не на работе, и по дому не занята - чтоб не простаивала и не расслаблялась, а то обычные бабы - некитайки - со мной чего-то не ебутся, а эта китайка пусть только попробует - я бы ей показал, блюдуге, как у себя в Китае всем давать направо и налево как это у баб заведено, а мне – хуй. Я б ей так въебошил промеж глаз, что все косоглазие враз бы прошло – узнала бы тогда всю прелесть высокого разрешения по монитору! Одно только плохо - сиськи у китайек маловаты – почти как у малолеток. Ну да ничего, я бы ее пластическим хирургам отдал - пускай пришьют сиськи как положено. И еще хочу - пускай ей татуировку между ног сделают - маленького огнедышащего дракончика - и такая получится баба, что лучше и не придумаешь.

(20 сентября 2004)

Я И МАЯКОВСКИЙ

Жизнь так ужасна. От нее нельзя не сойти с ума. Бабы не дают. Да и вообще. Единственное, что скрашивает мое убогое существование – это Художественное Дарование. Благодаря Дарованию, мне удастся сочинять всевозможные произведения – и в них клеймить позором баб.

А вообще-то про как бабы не дают, лучше всех написано у Маяковского. Просто сердце обливается кровью и просится наружу – умереть, сейчас же умереть! Читать Маяковского нельзя. Кто прочитает Маяковского, станет болеть и рано или поздно обязательно умрет. Но и не читать Маяковского нельзя. Кто не станет читать Маяковского – умрет лохом, не познавшим Прекрасного. Некоторые люди – не только бабы – не любят Маяковского. Все они умрут лохами, не познавшими Прекрасного. Я так считаю.

Наверное, бабы дают мне все-таки чаще, чем Маяковскому. По-крайней мере, ничем иным я не могу объяснить тот факт, что в моих произведениях так мало Прекрасного. Все-таки меня некоторые отдельные бабы немножко любят. Где-то в глубине души, подсознательно. А Маяковского подлые бабы ненавидели. Они соревновались между собой в том, чтобы отравить ему жизнь. Одна дамочка специально доводила Маяковского всякими штучками и когда Поэт вконец распаялся, подкладывала к нему в постель своего мужа по фамилии Брик. Так и хочется вспомнить Лермонтова: «...и кто-то камень положил в его протянутую руку...»

К слову сказать, к Лермонтову бабы относились еще хуже, чем к нам с Маяковским. Они его просто игнорировали. Так и простоял всю жизнь с протянутой рукой, пока не пристрелили. И не одно сердце не заплакало.

ДЕТСКИЙ САД

Ребенка в детский сад посадили, следят там за ним - чтоб не обоссался, не обдрилался, не убил никого.

АРЛЕКИНЫ

Нет мне прощения. Только кровь смоет помои поруганной чести. Вызову сам себя на дуэль, раню в бедро, истеку кровью и сам себя на собственных руках как ребеночка донесу до кареты. Сам на свою собственную смерть напишу антиправительственных стишков, сам себя сошлю на кавказ, где сам себя опять еще раз вызову на дуэль и уже окончательно прикончу, а сам поеду в Америку и сам про себя напишу длиннющее эссе на английском языке, чтобы сам про себя читать лекции местным нимфеткам, а потом сам себя переведу на русский язык, сам сойду с собственного ума и сам себя рожу, чтобы этот второй сам переводил мои сочинения туда и обратно, а сам поеду на женеvское озеро любоваться ландшафтом и сам про себя сочинять роман, про то как я сам себя свергаю с пьедестала, сам от себя убегаю обратно в Америку, встречаю там самого себя, которого уже раньше оставил переводить свои сочинения, и буду думать, что все эти сочинения про меня, а на самом деле все эти сочинения про него, но чтобы об этом никто не догадался, я прикончу того самого себя, а сам стану сочинять комментарии сам к себе, получу за них премию

своего собственного имени, и тогда уже опять вернусь к Женевскому озеру, чтобы посмотреть, наконец, на арлекинов.

ТАЙНЫЕ СТРАНИЦЫ КОРАНА

В заключение базара, Единый посмотрел на меня и была печаль в глазах его. “Все вы тут придурки,” - помолчав, возвестил Единый - “а вот бабы у вас - ничего, толковые. Повинуйтесь им во всем”. Сказав так, Единый взгромоздился на ковер-самолет, выплюнул окурочек и умчался, оставив меня в облаке выхлопных газов.

Вы не поверите, мужики, я сел на песок и заплакал.

АНТИУТОПИЯ

Мою знакомую преследует ку-клукс-клан за то, что она воображает, как занимается ALTERNATIVE GAY/LESBIAN SEX с неграми. Мою знакомую преследует моссад за то, что она воображает, как занимается MIXED ADULT SEX с немцами (какой позор!) Мою знакомую преследует разведка центрально-африканской республики за то, что она воображает, как занимается групповым FEMDOM/SPANKING SEX с вегетарианцами и вегетарианками. Мою знакомую преследует гринпис за то, что она воображает, как занимается UNIFORM SEX с маленькими бегемотиками (в досье гринписа её так и называют - гиппопедофилка). Мою знакомую преследует гестапо за то, что она воображает, как нашла себе еврея и занимается с ним GOTH-BDSM-VAMPIRE SEX (ацкий ужос). Мою знакомую преследуют русские фашисты за то, что она воображает, как занимается RUSSIAN NYLON PANTYHOSE SEX с НАТО. Мою знакомую преследуют тёмные силы Зла и Сионизма за то, что она воображает, как занимается TICKLING-BONDAGE-MORNING SEX с усамой собой. Моя знакомая вынуждена скрываться в подполье от преследований спецслужб. Её воображение не устаёт подбрасывать нам свежие идеи.

ЧЕРЕЗ КАКОЕ ОКНО ТЫ СМОТРИШЬ НА МИР?

Большую часть жизни - от 5 до 24 лет он прожил в квартире, окна которой выходили на юго-запад (два) и северо-запад (одно), при этом детские годы его прошли у северо-западного окна. Естественно, он формировался как убеждённый западник-европоцентрист.

В 20 с небольшим он переселился в комнату с одним из юго-западных окон. В результате, оставаясь западником на рациональном уровне, в эмоциональном плане он стал способен воспринимать некоторые славянские штучки, до того остававшиеся для него абсолютно непостижимыми.

Вскоре после того, как ему стукнуло 24, фамилия перебралась в квартирку, окна которой выходили: на юг – одно, три – на север, при этом ему досталось самое восточное из северных окон. Сквозная ориентация квартиры привела его к утрате целостного мировоззрения, уподобив какой-то стрелке компаса. Жизнь у северного окна возобновила нордический рационализм его взглядов, пошатнувшийся было в юго-западный период (когда прямо в окно к нему лезли ветви сирени). Восточный же вектор поколебал неприязнь к ближневосточной – и равнодушие – к дальневосточной – культуре.

Когда ему исполнилось 27, он переехал в отдельную квартиру с двумя восточными окнами и северным балконом. Можете себе представить плачевные результаты: традиционализм в самой тяжёлой форме – хронический национал-сатанизм – непрерывная апология тоталитаризма – острая ненависть к разумному, доброму, вечному – вот они – эти зловещие черты мировоззрения фашиствующего молодчика. Саша Дугин, Альфонс де Сад, да дешёвые романы с полуголыми красотками на обложке – вот каким чтивом пробавляется теперь этот известный национал-дегенерат. А был интеллигент и даже читал Пикуля.

P.S. По ходу Пикуль тоже национал-дегенерат. Зря он его читал.

МИКРОБЫ

В моей квартире опасно появляться непьющим и некурящим. Не защищенные силами Земли и Огня, они быстро становятся жертвы микробов.

Это во мне ни одного микроба нет – потому что водка, кофе и сигареты безжалостно умерщвляют их. А вот в квартире у меня – микробов тьма тьмущая – всюду ползают – голодные, холодные – и плачут, и на ручки просятся. Не знаю даже, кого жалче.

COSMO'S MOTHER

Один раз Никита Сергеевич Хрущев придумал ввести коммунизм в 1980 году. Хрущёв чувствовал – он стар и долго не протянет.

А эти молодые педорасы - карьеристы, бюрократы, абстракционисты - займут его секретарские покои в Кремле, станут жрать самогон, орать блатные песни Окуджавы и Визбора, творить блуд и содомию. Прямо на никит-сергеича рабочем столе - даже не смахнув ещё им подписанных бумажек. И так стало ему тошно, что не вытерпел и брякнул на каком-то что-ли съезде. Я, мол, от лица всей партии обещаю. А сам внутри уссывается!

Но беспечные карьеристы-абстракционисты не поняли, чем им всё это грозит. 80-й год - это ж ещё когда будет. Может, этот самый коммунизм к тому времени сам откуда-нибудь появится - естественным путём?

Составили они как-то раз заговор, чтобы свергнуть Никиту Сергеевича Хрущёва. Бросили на Москву две танковых армии, стали всех грабить и убивать на стадионах. Хрущёв забаррикадировался в своих секретарских покоях и отстреливался до последнего патрона, который приберёт для себя. Перед тем, как засунуть в рот раскалённый ствол калашникова, Хрущёв нехорошо усмехнулся и пробормотал: "Ну, погодите, гомосеки абстрактные, будет вам ещё Кузькина Мать к 80-му году!" Сказал - и с жутеньким хихиканием отстрелил себе пол-башки. На столе его рабочем - после этого - содомией заниматься никому бы не захотелось. И вот что удивительно - стоит уборщице смести со стола остатки мозгов Первого Секретаря ЦК, как тут же, словно бы из самого дерева выступают новые. Много уборщиц увезли оттуда в психиатрические заведения, а потом - делать нечего - заколотили окна и двери секретарских покоев и караул поставили - велели никого не пускать ни туда, ни оттуда.

Стали жить дальше.

Много народного барахла промотала антинародная хунта Брежнева-Косыгина. Все недра перетряхнули - полезные ископаемые, которые нашли - за кордон пропили, а на сельское хозяйство с промышленностью - такого толстого Моргунова положили, что Гайдай бы сдох от зависти. Но народ не забыл обещание Партии и ждал 80-го года с секундомером в мозолистой руке.

Вот наступил год 1978. Вот и 79-й пожаловал. Сделались серыми лица партийных номенклатурщиков. Пробовали они водкой глушить страх перед народной мстостью - не помогает. Уже на героин перешли, ЛСД закидываются - но не покидает их ужас - даже в самом глубоком приходе.

Вот уже последние секунды отстукивают часы перед наступлением Нового, 1980 года... Весь народ с бокалами шампанского – ждёт наступления коммунизма. Только члены политбюро – с именными наганами – сгрудились в кабинете Брежнева.

- Ну чо, пацаны? – говорит Косыгин. – Чтоб нам всё было и ничо за это не было! Вздрогнули на счёт три... Раз... Два...

Последний отсчёт потонул в грохоте залпа. Когда дым рассеялся, Леонид Брежнев, потыкав носком дорогой туфли трупы погибших приятелей, спрятал верный браунинг в ящике стола.

На утро весь народ собрался в Кремле. Избранная на митинге инициативная группа долго бродила по коридорам, но нигде никого не было – комсомольские и мелкопартийные функционеры разбежались и словно крысы притаились в своих номенклатурных огородах. Наконец пришли в зал, где раньше собиралось Политбюро. А в зале том – Лёнька Брежнев сидит. Со всех своих цэковских корефанов ордена поотрывал и на себя привесил – и на грудь, и на брюхо, даже в нос медальку какую-то вставил. Он бы, подлец, и на задницу не постеснялся, да сидеть неудобно – колется! Сидит Лёнька, слюни распустил, пальцем в носу ковыряет и бормочет чего-то. Народ такой:

- Так, ну мы не поняли – где коммунизм?

А Лёнька в ответ:

- Я дурак ничо не знаю! Сиськи-масиськи вам, а не коммунизм!

Смотрит народ – ба! А Лёнька-то – в маразме! Пожалели дурака, даже бить не стали. Спрашивают только:

- Ну а где в таком раскладе старые эти склеротики – Суслов и Косыгин?

А Лёнька такой:

- Ех! А и правда где эти старые склеротики Суслов и Косыгин? Куда они подевались? Сусло-о-ов!!! Косы-ы-ыгин!!!

Окончательно махнул народ рукой на прикидывающегося идиотом Брежнева. Стали по подсобкам рыскать, нашли всю эту дохлятину. И стала ясна народу правда. Как все эти долгие годы врала ему Партия! Как старый антисоветчик Лёвка Троцкий врала! И никакой она не Рулевой, а Гнилое Динамо и Всенародный Подлянщик. Стал народ от горя бухать, распутничать и долбиться под хэви-метал. На промышленность вместе с сельским хозяйством уже такого Моргунова поклали, что не только Гайдаю, а

и Суслову с Косыгиным не снился. Вот до чего довёл народ этот дуремар Хрущёв со своими грязными посулами!

Узнали фашисты, что советский народ вконец опустился, подкрались ночью и обнесли Советский Союз колючей проволокой по всему периметру, а по углам - авианосцы поставили: один - в Чёрном Море, другой – простите за каламбур - в Белом, да ещё один - в Охотском, а последний - в Беринговом Проливе. Сделали всё это, сняли рукавицы - и спокойно так, не торопясь - выкурили по первой сигарете в этом прекрасном новом мире. А алкаши за забором и не заметили ничего.

Осталось только про Брежнева дорассказать - в качестве эпилога. Поместили его в психиатрический дом, пробовали лечить электрошоком, но старый бюрократ только хихикал и жаловался, что у него по мозгам вроде как тараканы бегают - щекотно. Пару раз пытались сделать лоботомию, но только поломали циркулярную пилу - да, были люди в наше время - как шутил Константин Симонов. И посадили Лёньку в палату к безнадёжным, но тихим старичкам, приставили персонального санитаря выносить горшок и оставили в покое. Привольное настало житьё для бывшего Генерального. Одна только пакость донимала его все последние годы - стоило закрыть глаза, как являлся ему - думаете, Косыгин? Маузер в руке, дыра в башке? Вот и Брежнев тоже на это надеялся. Но у Сатаны в адской преисподней фантазийка оказалась покачественней. Являлся Лёньке сам Старик Хрущёв - вместо головы патефон приделан, а на нём пластиночка крутится, и заело её на одной фразе:

«Десять негрятят
Примерили коронки.
Пришла Кузькина Мать –
Остался один Лёнька».
И так без конца.

(13 февраля 7 года)

Алена АГЕЕВА

*

отползал от меня в нору:

*мне нужна нора,
у тебя – гора, на горе – гнездо,
а мне очень на
прямо до
зализывать мои ра-*

майоран на блюдечке остывал,
а тебе пора.

И вот так вот сидишь под открытым небом- такой- один -
То есть я это здесь сижу - *как будто совсем одна.*

*

Это корова взяла языком слизнула,
это не я приходила ей дверь открывала,
у меня в это время бывали тигры,
мы им меняли платки и повязки,
пришивали лапы и глазки,
пересчитывали полоски
(чётных тигров выбрасывали)
У нас была большая тигриная чистка,
мы потом повернулись на левый бок
и щекотали друг другу затылки усами
так что сам зови, куда твои растерялись
имена рыб – маленькие и неуклюжие.

А я даже цветок а-стра-ль-мерию полдня мучалась –
выговаривала.

*

Люди вот ходят-бродят, запоминают названия,
преодолевают дороги, на пути разговаривают.
Ничего не помню, я маленькая наковальня.
На мне танцует зажигательный танец джига
ведьма в железных джинсах.
А бывший муж и бывшая падчерица
хлопают-радуются: нечего у зеркала спрашивать,
сама, говорят, виновата - поливала чем наши яблочки?
А я себе стой.
А я слушай.

*

У меня дурная голова, ногам – по,
Дурная голова, рассерженная голова.
Говорили, есть такой человек,
у него крестики-нолики шрамами высечены на лице,
мы говорили об этом шёпотом на школьном дворе:
чтобы он не пришёл и не –
теперь на моей голове такие же ре,
рельсы – не влезают, проложенные по мозгу и языку,
спотыкают меня на каждом шагу,
оборачиваюсь – делают ближнему
дырочку в правом боку.

*

В сентябре всё такое падает, стелется по земле,
Ты меня тоже – потрогай и положи в стороне.
- Не лежи на земле.
Не вставай.
-Не лежи на земле,
Делай вид, что ты такой серый зай, кожицу не меняй,
Ползай по мне, за пазуху заползай.
Пока на тебя не выскочет-выпрыгнет
Игрушечная Марлен Дитрих -
Клочки. Закоулочки.
Вот и поговорили.

*

Этот след простыл – и лежит горяч,
Просит: наклонись на меня смотри,
А лучше сделай-ка из меня
Варежку для руки,
Для брать – дотрагиваться до-до ай-болит,
Чтобы, куда бы ты ни пошла,
За тобой волочилась красная нить:
В этом теле не будет тебе житься
Пока не научишься
Сколько ни будь
Обо мне говорить.

*

Это какая-то раненая карусель:
За одной одна
лошади отворачиваются от меня,
припадая на переднюю правую,
правда ли
одна половина кентавра стареет и умирает быстрее другой?

*

Из меня язь выплывает на середину Днепра,
Раздувает жабры, растопыривает бока,
Двумя-тремя взмахами плавника
он взмывает и птится во облаках.
Allerdings – окромя прочего-
Охраняет меня от порченного:
Больного горла,
Недоброе ангела в игольном ушке.

Трёхчастное

1.

Закрываю глаза: тело лежит,
Открытое, насколько возможно, как в праздник храм.
Как альпинист, лилипут на ладонь взойдёт,

Как альпинист, установит флагшток.
Тело (что делает) поранится, заболит.
Ни до чего не дотрагивайся, ноги ему сомкни,
Преврати его всё
в золотое яблоко.

2.

Это было просто чувство на вырост,
Такой *ни фи́га себе барабан* на старость.
Можно сказать: что-то ещё сохранилось,
Можно: чего только там не осталось.

3.

Время ложится в ножны,
как складывается постель:
раз- и готово.

*

А они так ласковы и контрабасисты,
Тёмные девы хвойного леса.
Их руки огненны, плечи лампочки, рукава фонарики.
И когда, взволновавшись всё это приходит в движение...
-Господи, твоя воля,
Полная иллюминация.

*

Если хочешь, надень красные сапоги-красные сумки,
Расположись на биваках,
Обними коня своего и скажи ему:
Милый,
Все эти мужчины,
они же как дети, ей-ей.
А мне надо, чтобы как боги,
Как контрабасисты и революционеры,
Как флаги.
Но главное – боги.

Смотри и не перепутывай:
Пифагоровые - штаны,
Бонапартовы – треуголки.

*

Он прошёл – облака провиснули,
Гамаками легли под спину.
Мне с таким было бы не стыдно
Ни на последний звонок,
Ни на (да ладно, что там) последний выстрел.

Ты за мной по асфальту следуй, стальная крыса,
трещина-тыщерица,
Человек – водомерка.

*

Мы ничего такого не вытворяли,
просто стояли и слушали, как за нами
плещется – аллилуйя – невнятное знамя.
Как будто пламенный волнорез вырастает в море
и удивляются волны: что это такое.
Бог подносил к глазам бинокль, бросал перчатку,
ему незнакомый свет попадал на сетчатку,
просто два человека на белом фоне - на фоне неба –
так незаметно раскачивают друг друга.
Ты, моя душенька, пляшешь на постаменте,
на тебе проступают следы предыдущей смерти:
треугольные птичьи ноги – птичьи стаи
нарисовали стрелки, куда улетали.

Время привстало на цыпочки, замолчало,
В точке, откуда берёт начало.

Алексей ШЕПЕЛЁВ

'TATU' - FOREVER!

Пресловутый секрет популярности и непресный анализ творчества

Эссе-отрывок из нового романа «Maximum Exxtremum»

'Тату' форевер! - кричат маленькие девочки в клетчатых юбочках и лолитоносочках и гольфиках! О да, навсегда, за ними будущее!

...Как-то она объявила, что принесла мне кассету-сюрприз, но продемонстрирует её лишь при условии, что свяжет мне руки и ноги. Я ожидал по крайней мере подборку всех эфиров Е. Андреевой с 1995 года, или что препод-киновед наконец-то принёс ей 'Триумф воли' - больше меня в реальности и в искусстве мало что интересовало. А это были всего-то два клипа 'Тату' и отрывок из их концерта! Ох, дорогие мои, меня и её спасло только то, что она затащила мне руки не своим ремнём, а моим!..

Потом я, всё так же лёжа на полу связанный, даже был вынужден выступить с лекцией.

Итак... многие вот девочки даже и недоумевают, как мол я, 'квадронасос', докатился до жизни сей: приводят мне имена тех, кого, как они слышали, я и сам не раз невольно называл - как-то: Достоевский, Набоков, Лимонов, Дугин, Летов - неужели наряду с ними ты серьёзно поощряешь это дурацкое 'Тату'?! Вы не понимаете, родимые, как точно вы попали в 'пятёрочку'! Про первых двух я сразу пытался пояснить; потом, несколько позже, месье Дугин выступил в 'КП' с 'заметкой про наших девочек', определив их как чисто евразийских, антиатлантистских 'гениев визга и писка'; еще попозже я увидел фото 'деда', Эдуарда Вениаминовича, вместе с Шаповаловым - и оба они, надо сказать, этим своим совмещением очень довольны; Игорь же Фёдорович, я пока не слышал, но думаю, тоже с ними споёт...

Феномен из феноменов, любовь всенародная, всемирный фу-рор... 'Мы живём в эпоху 'Тату' - так ответил на аналогичный заданному мне вопрос режиссёр док. фильма 'А.Н.А.Т.О.М.И.Я. Т.А.Т.У.' (до того его героями были политики, изменившие страну и мир, а тут какие-то две подмосковные малолеточки!..) - это,

конечно, красивая сентенция, но зерно-то истины тут есть. Ну вот, например, 'всенародная' - вы скажете, что это неточное слово. Всенародны Расторгуев, Газманов, Буйнов, etc., которых принимает президент и удостоивает (или удостоит, не сомневаемся) соответствующих званий; или тот же Летов, на концерт коего стремится каждый патлатый подросток... А тут что-то непонятное - вроде девочки и устремились в юбочках чуть ли не в сам Кремль, а их оттудова ментами... и всё-то у них на таких скандалах держится, прямо как у классиков. <...>

Вот что пишет мне О'Фролов, наш друг и саратник по группе 'Общество Зрелища', из армии: 'Как только по MTV передают клип 'Татушек', звук у ящика в телевизионке прибавляется до упора, все близблизжащие (то бишь абсолютно все, подчёркиваю, не разбирая дух ты, череп или дембель), бросив все свои занятия и посты, мгновенно набиваются в комнатку - человек так до 20! - и начинают, пританцовывая (кто как может), энергично-радостно прихлопывая и прищёлкывая, напевать 'Я сошла с ума!' Зрелище, я вам скажу, не для слабонервных: несколько заспанных дебелих небритых рож (дедушки всегда с бодунища), сигареты в зубах, пиво в руках, какие-нибудь тапочки, полуспущенные штаны, оголённые пупки (почти как мы в свои лучшие годы!), подбарахтывают особо вольно-вольготно и подпевают особенно басово; перед ними несколько духов, по форме, утянутых ремнями и в тяжелейших (что выглядит как-то особенно нелепо) керзачах, хуёвенькие и прыщавенькие лошки, заподпрыгивают им на потребу, очень (подчёркиваю: очень) тонко голоса тот же текст; остальные же, пристроившись кто где смог, совершенно добровольно и с странным в чадах сих воодушевлением (и главное все как один!) тоже приборахтывают и подпевают! Причём, на окрики шакалов в это время обращать внимание непозволительно - это притом, что теперь демонстрация клипов сих участилась до неприличия. Воистину 'х... войне!'

И не важно что 'не сами', и кто там участвовал, Елена Кипер, али ещё кто (персонификации Мефисто-Шаповалова, я думаю, достаточно) - важно, что они есть!

Когда я сам в первый раз увидел их (в клипе 'Нас не догонят'), то счёл за очередную порцию нашей разливной дребедени: две заурядной внешности девашки с ничего не значащим названием ('тату', 'суси' - сейчас все понахватались каких-то непонятных

слов, для которых десяток лет назад у нас не было и реалий) что-то орут бессмысленное, куда-то едут на крыше грузовика зимой, что уж особенно бессмысленно, да и холодно...

Это потом я всё узнал: что они нимфетки (примечателен тоже расчёт организаторов: девочкам не по 12 лет, и не по 15, а 17, что максимально приближено к возрасту совершеннолетия) и лесбиянки (что тоже нескрываемо позиционируется как компонент игровой - перестраховка). Но, дорогие вы мои, и 'зрелость', и 'чистый имидж' в миг улетучиваются, когда видишь, как заветные девочки, такие же нормально акселерированные, как и миллионы им подобных, только кричащие о своём секрете со сцены, приспускают свои клетчатые юбочки, обнажая свои белые (а не какие-нибудь) трусики и, прижимаясь друг к дружке, неумело-подростково целуются...

Во-первых, они не такие, как все. Своими криками, в которых чудится что-то замогильное, нездешнее, словно хотят разбудить нас ото сна жизни - сладкой, слащавой, приторной, вязко-паточной дрёмы обывателя. Это шок от обычных понятий: молодость, любовь, эротика, секс, страсть (неявные 'теневые' члены этой парадигмы: вызов, бунт). Обвиняют в секс-эпатажности, в 'намёке на педофилию' - а в чём она заключается? Рядовому обывателю-хуматону секс-эстетика наших эстрадных 'звёзд' кажется нормой: здесь, конечно, полный адюльт: 1) попсовые блядивы, поющие привычную 'эх-блять-чешую', нормальному (вменяемому) человеку невооружённым взглядом видно, что в оных, как пишет старина Бук, 'хоть на грузовике въезжай', или 2) приторные пидорки, по которым тоже весьма однозначно ясно, что крупный пенис шоубизнеса, питающий их творчество и поддерживающий сих на сцене и в жизни, они выпускают изо рта исключительно на время концертов и съёмок (причём все, обоёго, так сказать, пола, в один голос утверждают, что только этим и заняты - в смысле, концертами и съёмками - ага, блять, оно и видно!..) Причём сенильность, лакированная 'вечная молодость' а-ля 60-летие - весьма поощряются, особенно старшим поколением, возмущённым 'разнузданным буйством малолеток'.

Повторяюсь, что всё дело тут в искусственно созданном и мастерски разработанном имидже. Здесь, конечно, их продюсер, кроме шуток, велик. Что немаловажно, он русский, все песни на русском, именно русская группа завоевала весь мир (что для нашего

недоделанного вторичноприимного шоу-бизнеса невозможно - в какие бы одежды не рядилась и с каким бы оксфордским выговором не пела Алсу, всемирной славы ей никогда не видать - потому что на неё всегда найдётся своя Агилера и т. д.). (Особенно отраднo слышать чисто русские имена девушек, самые что ни на есть сейчас обыденные, а не всякие там Алсу, Лики, Лады, Лолиты и Линды! И фамилии, кстати, тоже - это же музыка для русского уха: Лена Катина, Юлия Волкова!) Как известно, русскими были его великие предшественники, завоевавшие своим творчеством мир, из которого и есть пошла тема нимфофилии-лолитизма, гг. Достоевский и Набоков (а отчасти и лесбо-лолитизма - 'Неточка Незванова' - вроде бы и квази, но всё равно модель, протоэстетика; у второго - проделки Ло в лагере, и эксплицит в 'Аде') - автор 'Бесов' эту тему обозначил, а эстет-имморалист развил в современность, и, может, против своей воли, сделал 'веянием времени', брэндом.

Схема развития идеи такова: для Достоевского в данном сюжете никакой эстетизации, 'пикантности' не было вообще; но запретное привлекает, и у Набокова на смену приевшемуся в европейском романе адюльтеру пришла нимфолепсия, ещё более запретная и порочная страсть, но уже не к девочке, как у Ф.М., а к нимфетке, то есть просвещённо-порочной, хотя 'по малолетству' извинительно мало осознающей эту свою порочность, пассивной - 'во всём' виноват, соласно архетипу, взрослый-мужчина, 'наильник'; в наше же время, чтобы 'оживить культурную парадигму', ничего не остаётся, как объявить маленькую Ло активной (см. например, роман молодого прозаика из 'Дебюта'-2003 Андрияны Самаркандовой) - но это только перевёртыш Набокова-Сирина, поэтому 'наильника' лучше вообще упразднить - то есть, в жёстком варианте - юная девочка-наильница развращает маленькую жертву, или - в мягком - они и так любят друг друга (а в любви у них, естественно, 'свои проблемы'), и вместе противостоят взрослому миру. Потный и волосатый, грубый и грязный мачо, мужчина-наильник наконец-то отсутствует - таким образом остаётся суперэстетский идеал (кажется, уже предельный), который если уж не совсем немислим, то вполне пикантен даже для наших продвинутых времён. (Это, бесспорно, 'искусственный мёд' - но наша цивилизация движется именно в эту сторону - и наша задача осознавать эту искусственность, не подменяя ею натуру.)

В остальном же, как не присматривайся, девочки (то есть, шире и вся их музыка и 'музыка') настолько же русские, насколько и француженки, сербки, американки, японки... Причём в этом проявляется та же самая русскость Русской Идеи, у истоков коей и стоял Д-й: во-первых, зло, а особенно подобного рода, неразрывно связано с Западом (Ставрогин - гражданин кантона Ури), даже у мистера Набокова, якобы чуждого морализма и русизма, Гумберт как-то подчёркнуто француз (почему бы ему тогда не быть русским?!), а дело происходит в Америке (то есть в самом эпицентре разврата, чуть ли не на том свете - вспомним знаменитый эвфемизм Д-го, куда собирался другой его 'прозападный' герой); во-вторых, суть русских во 'всемирной отзывчивости', всеобщности идей, которые они несут миру (с 19 в. начинается как бы мировая эпоха России, и история это подтверждает...)

Появление 'Тату' вызывает у меня однозначные ассоциации с великолепной по сравнению с сегодняшней быдломантией эпохой моей первой молодости (1987-96), когда одна за одной возникали попсовые группы, мировая мода на них, а у нас (да-да, в Тамбово или во в Пырловке) увлечение оными было настолько тотальным, что одни и те же голоса звучали буквально из каждого окна! Это была музыка откровенно попсовая, в самом прямом смысле лёгкая (синтетическая, с простоватой мелодией и наивным лирическим текстом), но она была или искренняя или качественная (а как правило и то и другое), короче, цепляла - и меня, и крайне широкие массы народонаселения. Она была танцевальная, дискотечная, но не умолкала и днём. Все слушали её и подпевали, и знали, и подражали - и в душе не оставалось никакого осадка, была удивительная лёгкость. Это были ежегодно сменяющие друг друга проекты молодых талантов, вылезшие за счёт креатива, как бы противостоящие заостренному эстраднему Олимпу - вспомним их поимённо: это были сначала Modern Talking и наши 'Ласковый май' и 'Мираж', потом Ace Of Base и особенно 2-Unlimited (на бэк-граунде Dr Alban, U 96, 'Кар-мэн' и 'Технология', и даже 'Ласковый бык', и чуть попозже не столь тотальные Cultre Beat и Махх), потом уже E-Type, Mo Do, 'второе пришествие' 'Кар-мэна', начало The Prodigy, Алёна Апина, Yaki-Da всякие и - хуяк! - на дискотеках всякое говно вроде 'Иванушек' и всяческой латиноской и турчеобразной погани!.. Как тут, золотые, не воспользоваться категориями Дугина - сдаётся мне,

всё-это были группы ‘северные’ и ‘русские’, ‘антиатлантические’ - без намёка на RNB, америкосность-турчанство, цыганщину-еврейщину, бядо-щансонщину и пидо-латиноство - то есть всё то, что воцарилось сейчас, причём не только в ‘нехороших этно-странах’, но и в Европе и России (что, например, противостояло ‘Taty’ на отстойном конкурсе ‘Евровидение’). Короче, четыре года тотальнейшего отстойника, и токмо когда обосновались ‘Tатушки’, а потом Глюк’OZA (из западных более-менее InGrid и Gorillaz) на дискотеках (хотя и не целыми альбомами раз по десять за вечер как в эпоху ‘MT’, ‘LM’, ‘2-Up!’) можно находиться, чтобы тут же не облеваться...

Наибольшее сходство, в деталях и типологическое, ‘Taty’ имеет с творчеством двух других мега-дуэтов современности ‘Модерн токинг’ и ‘Ту-Анлимитед’. Во главе угла песен названных коллективов поставлена, как нам кажется, эмоция. ‘Модерн токинг’ - просто (как теперь отрезвилось!) простые слащавенькие мелодисты, чуть не же пидорки (кстати, опять попадание с цветом волос!), однако Томас Андерс, который, как вы помните, не имел никакого отношения к созданию музыки и лирики, а просто-напросто взят был на подпевки, отработывал свой хлеб не в пример другим ревностно - из-за своих тонко-слащавых подвывов, так почему-то берущих за душу, он был не в пример популярнее самого Болена. Анита же Даниэла Дот из ‘Ту-Анлимитед’ начала уже откровенно орать (голос сочно-бабский, чуть сэкси-блядский, а главное немного уже с надрывом. <...> Нашим осталось исключить всё лишнее, изменить тембр и утратить эмоции, усилить надрыв.

Но сие однако не так то уж и просто, как конструктор ‘Лего’, а опять же повторю, алхимия и как пить дать гениальность. (Есть легенда, что именитый наш ‘протопродюсер’ Андрэ Разин, создавая свои ‘нетленные’ творенья ‘LM’ и ‘Миража’, просчитывал всю их архитектонику чисто математически - препарирова хиты ‘MT’, С. С. Кетч и ‘Бони М’, брал из них для своих опусов лишь только те моменты, которые ‘максимально заводят публику’ - таким образом получая заветную магическую квинтэссенцию... Нам с вами, дорогие мои, остаётся лишь отметить несомненную теоретическую продуктивность данного подхода с расхожим его дублем ‘драть под чистую’...) Дело в том, что вышеозначенный надрыв - это понятие расхожее в рок-музыке (да и то далеко не везде), ведёт свою родословную от великого пера и великого

сердца величайшего Достославного, а в попсе совсем неприемлемо. Однако Шаповалов, используя слюни 'ЛМ', 'МТ' и 'ЛБ' и нарождающийся женский надрыв 2-Unlimited, Ace Of Base или Midi Maxi (а также альтернативных Bjork и Portishead) произвёл в современной поп-музыке своего рода революцию.

Запрещали, критиковали, клеветали, срывали, забрасывали пивными банками, перочинными ножичками... Имя нарицательное, группа-двойник в Японии, безумие в Интернете, японские порно и эротические мультики-манга, конкурс двойников - это же, как говорит Иван, круто! А проект 'Тату в Поднебесной' - это уж привлечение популярного архетипа Всероссийского конкурса - иконические ангелические девы и их мудрый покровитель, всемогущий волшебник в Москве Третьем Риме (жалко, что не в Кремле), пишите им, шлите свои песни, и они вознесут под небеса и вас - суть такового деяния в том, что тот, кто занят 'вознесением' других, сам-то уже настолько невыносимо-идеально крут, что как бы вынужден заниматься подобной благотворительностью.

Если 'Нас не догонят', 'Я сошла с ума' и позже 'Не верь, не бойся не проси' - уже по своей природе, по своей структуре явные хиты, своего рода манифесты и яркие транспоранты 'нового направления', то такие песни, как 'Я твоя не первая', 'Заведи', 'Зачем я', 'Клоуны', 'Я твой враг', 'Полчаса' - просто шедевры. Песни 'Робот', 'Досчитать до ста' - кажется, ранние, но всё равно неплохие, качественные и изобретательные для репертуара девчонок-подростков, но тут ещё нет фирменного визга-надрыва и лесби-коллизи-изюминки, делающих песенки 'Тату' явлением выдающимся.

Композиция 'Я твой враг', тоже вроде бы ранняя, как нам кажется, одна из лучших в творчестве 'татушек', в сравнении с двумя вышеозначенными поражает своей серьёзностью, если не сказать, строгостью, целомудренностью.

Эмоциональная напряжённость, искренность, доходящая чуть ли не до исповедальности, и при этом безупречно выдержанный тон, порождающий подлинный лирический трагизм - как это разнится от безбрежного океана пустопорожних пусто-цветастых поделок наших молодых (а зачастую и великовозрастных) пусто-головых поп-исполнителей!

И практически во всех песнях всё выдержано идеально (не смотря на всяческие упрёки и нарекания у г-на Ш. безупречный

вкус!), ни миллиграмма пошлости! (Исключая, пожалуй, только песенку 'Мальчик-гей' - хотя, быть может, я недолюбиваю её из чисто субъективных причин.) (Опять же, заметьте себе, экспансия Великого&Могучего - в англ. версии так и значится: Malchik Gay - чего не бывало уж наверно со времён Горби с его перестройкой!) И это притом, повторюсь, что музыка сия предназначена для самых широких юниорских масс - практически тот же 'ЛМ', только на порядок профессиональней!

Интересно, что сами девушки чуть ли не моими словами (да большинство музыкантов с ними согласятся, конечно) объясняют свою популярность: 'На нашей эстраде никогда не было вот этой открытости, которую привнесли мы. Не было драйва, что ли. В отличие от многих групп мы открыто высказывали то, что близко многим, но по известным причинам не принято было говорить об этом вслух. А мы осмелились сделать это!' (Юля). 'Вы посмотрите, как мы зажигаем публику! Это же важно, когда зритель вбирает в себя энергетику, вложенную нами в песню. Это и есть единение публики и артиста.

Чем это достигается, что это за энергетика, каков мессидж?

Коллизии вполне романтически-типовые, но в отличие от несть числа упомянутых артистов, у коих хотя бы кто-то кого-то и бросил, 'всё равно' 'светит солнце' ('по хую морозы', как говорят в народе), тотальный 'ноу-проблем!' и 'эх, жизнь хорошша!' (или даже просто 'эх-блять-чешуя!' - а что это такое не уточняется) и добрую часть композиции занимает 'ля-ля-ля!' или 'хоп-хей-ла-ла-лей!', но внятные и осмысленные - то есть песни 'Тату', как говорили раньше, проблемные.

Образ внешнего врага сфокусирован в характерном для текстов группы слове 'они' - они 'нас не догонят', 'только не с ними!' - скорее всего, 'они' - это 'дорогие товарищи взрослые', 'которые нас не понимают'. Побег - архетип; рискнуть жизнью, чтобы 'найти новое солнце' - 'лучше никак, но не обратно' - экзистенциалистский выбор. 'НАС НЕ ДОГОНЯТ!' - заклинание стихий и себя самоё. Внутренний мир героини и героини - духовный, эмоциональный, чувственный - но главное наш - не то что сразу неповторимый, и сколько такое будет стоять, а хотя бы первозданный, естественный, девственный, хрупкий - потивопоставляется законам социума, приземлённым ('Им не достать звёзды руками!' - А нам - имено нам и только нам - легко! - 'Небо уронит ночь на

ладони!) и агрессивным ('Кто-то сдал адреса наших встреч' и 'нас приказано сжечь').

Ежели вы задумаете упрекнуть г-на Ш. в пропаганде подросткового нигилизма, поротест коего деструктивен и неразбочив - вспомните картинку на развороте 'Music For The Jilted Generation' Prodigy: вся прогрессивная молодёжь, сбежав, обосновалась на некоем зелёном лужку, отделённом от остального мира пропастью с подвесным мосточком, кажет теперь этому 'грязному' миру (который олицетворяют дымящие трубы города и полицейские кордоны) неприкрытый фак и мачете, которым вот-вот будет перерублена единственная их связь - то у 'Тату' привычный мостик 'эмоциональной теплоты к самым близким' (если не старорежимной почтительности!) сохраняется в виде оговорочки 'Мама, Papa, forgive me'.

Не знаю, кто писал тексты, но они выполнены на высоком идейно-худож. уровне. Чего стоят, например, итимно-молитвенные интонации в первом куплете 'Простых движений' и универсалистско-философские во втором. Такие простые движения поэтического слова:

Это любовь - скачут пружинки
Завтра любой меньше снежинки...

И вся эта песня - уникальный пример эротического или порно-хита, сработанного по образцу порнофильма - героиня мастурбирует (или 'мастурбирует'), даётся в созерцании всем, отдаётся всем и никому - субъект как таковой отсутствует, каждый может занять его место. И в то же время - целомудренно, как-то трогательно - чуть не возвышенно!

Почти во всех песнях высокая поэзия, в которой архетипические образы и коллизии, традиционные поэтические тропы ангажированы самой что ни на есть современной лексикой, и сделано это так органично, так лаконично, как большинству современных молодых поэтов и не снилось. 'Кто-то закрутит провод на клеммы' - актуальная тема терроризма, кто-то 'замутит новые темы' - новейший подростковый неологизм; 'кто-то понты, кто-то маньяк' - тоже здравая, предельно корректно и популярно составленная оппозиция; но не всё так однозначно - далее идёт строчка 'Не зажигай и не гаси', в которой нарочито, разрывая и взрывая весь за-

явленный дискурс, оба глагола используются не в недавно и (уже жёстко и тотально) приобретённых ими значениях, а во 'вчерашних', т. е. общеупотребительных и литературных (или просчёт, или ирония криэйтора?).

'Кто кому достанется/ выпадет монетками...' - вот вопрос, решение которого должно находиться в центре каждой подростковой экзистенции (а не комьютерные побрякушки и всякая рекламоприимная поеботина!) '...нервами, таблетками' - это уже современность: в представлении совр. чел-ка, на так называемую любовь, со всеми её вопросами и коллизиями, подчас неразрешимыми, он 'тратит нервы', от чего непременно надобно лечиться особыми медикаментами, которые тоже суть 'химия' и не приносят пользы 'всему организму' ('виновата сама' да 'надо лечить' - вот всё, что они могут сказать по поводу 'любой любви'!).

Девочки как девочки
а потом лунатики
номера и стрелочки
шоколадки-фантики...

- столкновение детского мира с жестоким миром взрослых, извечная метаморфоза, от которой хочется закрыться ручонкой, как какая-нибудь девчужка Достоевского:

Спрячется, расплается
скажет, испугается -
Это не считается
это не считается!.. -

ну разве это не прелесть?

'Просто получилось так - / я теперь твой враг' - объективные законы бытия, законы взрослого мира, которые надо осознать и принять ('я твоя не первая, / ты моя случайная' - осознанная причина невозможности идеального, 'детского' счастья), которым надо научиться следовать: 'Я не попрошу прощенья!'

Это бесподобное самоудивление: 'Я сошла с ума - мне нужна она!', 'Я себя не пойму: ты откуда взялась? /Почему, почему я на тебя повелась?!', 'зачем хочу тебя сейчас - не знаю' - вот где проступает неисповедимая суть чувства, его интенсивность. 'Выключо-

чается свет/ я куда-то лечу...’, ‘Это солнечный яд, золотые лучи...’
- короче, милые мои, ‘и повторится всё как встарь’, и всё так поэ-
тически, открыто и эротично - хочется цитировать и цитировать!

Разбуди мою страсть
заведи мою плоть
Забери мою власть -
мне уже не помочь!

Вот оно, в лучших канонах: обречённость, но в то же время и
стремление к обновлению, преображению:

...проснёмся сильными
и проснёмся новыми -

даже указано, что надо сделать для этого:

только попроси меня! -

и только лишь забрезжила надежда, как аннигилировалась
она другим постулатом: ‘не проси’. И далее, по законам жанра и
жизни, кульминация - анхеппи фускен энд - ‘синдром отнятия’
- ‘Без тебя меня нет, отпусти, отпусти - /до угла по стене’ - каково,
а! - как говорили древние, физически не можешь жить без своей
половинки. В лучших традициях классики страдания разлуки
сродни прекращению жизни, небытию (‘и лежать, изучать пото-
лок’, лежать ‘становясь никакой’), поэтому вполне логичен (если
уж в разлуке и полчаса вечность, то что говорить, когда всё, на-
всегда!) и трагический финал, то есть суицид. И способ его тоже,
извините за выражение, весьма актуально-насушный, обознача-
ющий всем знакомую, но не очень популярную для постановки
в рамках популярной музыки проблему: ‘Героин, пульса нет’ -
сама Юлечка признаётся, что пробовала героин, но ей якобы не
понравилось (ага, как будто он может не понравиться! - не знаю,
не знаю...). ‘Занавесь зеркала’ и ‘могила постель’, ‘и убьём, и при-
снится фата’ - да это же Серебрянный век! (А то во многих местах
чудится Маяковский!). Где, скажите, в современных поп- (да и
рок-) песнях вы встретите столь ясно заявленную тему смерти?
‘Мёртвый котёнок - он остаётся терпеть и наблюдать’ да ‘Мёртвый

охотник на мёртвых поднимет ружьё' - вот что вспоминается, но эти строки уже метафизика не только по смыслу, но и по статусу... А тут - девочки-подросточки, любовь и страсть - динамика!

Короче, 'Джанк - это фанк' и 'Тату' форевер!' - это понятно каждому у кого есть юное сердце, кто всё понимает, но всё равно бежит на странный зов его по лезвию бритвы!

Что касается музыкального оформления. А-ля продиджовский бит - это, конечно, магистрально, но этого, как мне кажется, мало. Хотя все песни спланированы и аранжированы грамотно, а некоторые и изысканно (выбрать, порезать и состыковать все вокальные партии, хоть и на теперешней аппаратуре, не очень-то лёгкая, я думаю, работёнка), всегда думаешь: ну вот бы еще чуть-чуть дожать, чуть-чуть пожестче - приблизившись к резкому и странноватому саунду 'депешовской' 'Ультры' или 'Массив атак'. (Или вот, как заметила маленькая Инна, если в Англии собрались несколько желторотых, то получился её любимый Muse, а у нас, мол, 'Тату' какое-то' - на что мы с Репинкой, само собой, дружно возразим: а Spice Girls не хочешь? - ведь и действительно свои проблядские сапожки нашим devushka'm пришлось вытереть не об кого другого, как об них, коровистых, молодо-женско-мясных и, как поёт сэр Лаэртский, с сапогами).

Но и опричь всего сего нам явлены россыпи находок, подчас в самых неожиданных областях. Н-р, тема на фоно в композиции 'Полчаса', особенно в начале - это ж прелесть! Или телефонное интро в композиции 'Зачем я' - пожалуй что самое удачное из всей мировой музыки, столь обильно эксплуатирующей сию тему (равно как и гениальное в своей функциональной и стилистической уместности 'абонент отключён'). Некоторые подвижки уже есть в 'НВ НБ НП' (кстати, видите: зашифрована аббревиатура НП, и вообще этот сатанинско-воландовский девиз, провозглашённый ещё в сталинских лагерях, и по которому выживает уже всё прогрессивное человечество, на самом-то деле, как сострил один нацбол, наш девиз!), но англоязычные переделки, сработанные по лекалам новой мировой моды на 'акустическую паутинку', именно этим меня и не порадовали. С другой стороны, по-английски песни звучат вполне прилично (во всех смыслах), что называется не выбиваясь из общей современной колеи и напоминая, как уже было отмечено, лучшие образцы молодой поросли, последними из которых были 2-Unlimited и Ace Of Base. ('All

The Things She Said' так и ассоциируется с 'All That She Wants'). И перепевка 'How Soon Is Now?' уже довершает дело демонстрации профессионализма.

Вот такой вот, золотые мои, текст (в основном, как мне кажется, хоть я и не фрейдист, вдохновлённый единственно одним видом белых трусиков (конечно, вид сборок ткани, скрывающей женскую 'точку сборки' меня волнует куда больше, чем вид самихборок плоти)), я ей представил - и не смотря на проскользнувшие здесь для объёмности картины интерполяции, мозг я ей проколебал, видимо, не меньше чем сюжетоизложением своего брутально-сапфического романа 'ЕCHO'!..

2005 г.

Александр ПЕТРУШКИН

SVO

поговорили здравствуй дорогая
здесь смайл стоять был должен но стоять
он не стоит воденников нас учит
к перилле псевдобара накренься
поговорили там в оги простуда
но как и здесь двадцато февраля
и бьётся непластмассово посуда
поговорили то есть ни ля-ля

порядочная сво... заснула в люльке
и видит сон как кто-то не любя
к тебе и ей протягивает руки
из молока из стен и из репья
и кровосточат белые ладони
как ангелы придуманные мной
и переходят улицу и крутят
у сво что в люльке спит

жизнь против Чусовой

* * *

вот и разборки начнутся по старой
памяти лбом в полстакана по горло
видишь как нож поднимает устало
к нам остриё как дыхание твёрдо
входит в дыхание мягкое слабое
буковка е – опять наебали? –
странно не странные речи выводешь
то ты и прав – эти суки достали

ссученый снег пролетает над зоной
северной южноуральских провинций
стронций по венам как членом по векам
будешь ходить ты по водам безлицый
входит дыхания вялое снегом

сугробною коркою и перегаром
с ложечки ешь словно insult свой небо
скоро заснёшь под последним ударом

голой заточки желавшей закончить
пошлый базар и изустницу пьяни
так из разборок неточно уходишь
одновременно мёртвый и ранний

КЫШТЫМСКИЙ НЕМО

Ты по новой исследуешь своё тело – тоже мне, знаешь ли,
капитан Немо:
На четверть немой, вполнину глухой и смертный –
Там где есть кожа – нам ничего не светит.

Говори со мной – пойми
за тобою слово,
заслоняешь его портвейном,
слышишь, как снег засовом
закрывает твои
(запечатывает)
эти речи
В самой мёртвой, но
не словарной печи.

Мы с тобою плывём
среди нефти и нафталина.
Смерть не длиннее жизни –
твоего же сына.
Я иду по дороге
в Касли из Кыштыма – дымом
Больше не пью.
Не вижу.
Пробитый клином.

Я по новой и верной
себе испытатель – глубже
больше некуда.
Грунт.

И у земли есть потребность кушать –
Ешь же меня:
Тебе повезло –
Есть ужин.
Я же буду тебя наблюдать
И слушать.

СУКА

*Не страшно, у тебя ещё три попытки...
(Мария Гусева., Перепись населения)*

Есть три попытки первая вторая третья
вот пошёл снег – он работает здесь. Вертолётom

лежит человек – лижет костлявую руку,
другой обнимает суку. Четвёртым лотом

собака скулит, роет носом тёплым пустое тело.
Есть три попытки – ты помнишь, чего мне пела?

Вот пошёл снег. Ты – за ним на работу – снегом –
сука с твоим теплом поиграла в лего.

Есть три попытки: третья, первая и вторая –

ложись со мной на дороге из Кыштыма в Касли

полаем...

ложки нет говорю тебе ивкин ложки нет
и ложь отражение правды
писать идеологически выдержанные стихи
то же что рисовать кисточкой по воде
нижнекыштымского пруда
ахнем?

какая тебе в общем-то разница
что там за плечом о тебе спорят бог в драповом пальто

чёрт в купальнике ложки нет говорю тебе ивкин ложки нет
спим нагишом под небом не совсем нагишом валенки
на руках на ногах снегоступы под спиной свинцовая земля
и небо маленьким

кажется отсюда ивкин ложись со мною рядом ивкин
нет системы полежим поспим во сне вскрикнем
будем наблюдать своё одиночество стряпанное из людского
теста
наскребём по сусекам ивкиных и петрушкиных
для внесистемного текста

будем хлебать щи-борщ с перебором истины а не правды
тело твоё лежащее здесь
кажется небу
маленьким

ВЕНЕЧКА

в магазин заходим
слева путин справа ментовка
чешутся всяко муди руки тянутся до винтовки

там где стояли мы
портвейна бутылка лужа
три топора спроси кому это на хер нужно

в магазин заходим
колбаской под горкой мёртвый
лежит снежок тоже бывал он гордый

там где стояли мы
пляшет Венечка в стиль упёртый
читай нежнейший как дворовый пёс и предполётный

в магазин заходим
двери щёлкают как затвором
завтра и путин и я проснёмся под тем забором

за которым ментовка
то есть задрала волка
стая овец плацкарт третья багажная полка

никто не был сыт
шёл снег по земле к Кыштыму
шил вслед за мною дело и кланялся дыму

в магазин вморожена тень
оторвалась с кожей
в следующий раз подумал я надо быть осторожней

* * *

Андрею Санникову

ангел сидит и смотрит в подзорную – глядь – трубу
пернатое что-то (вера? соседка?) – тудытысь мать

всё гладь по земле всё сей – курятнику как икона
речь не земна но тварна – заварим густующий мат

ангел сидит – осилит еще три сюда перелёта
на третий уже не отвертишься – всё чуешь себя иным

пора покидать насадку – твоя тридесятая рота
всё предано или продано – но нет не иной земли

ангел сидит дожидается когда ты прихлопнешь стопочку
выбьешь себя до донышка калёной железкой руки

речь по тебе написана на ангеле татуировочка
твари бегут напротив – все – с красной пустой строки

ЛОЖКА

скрипит сугроб – живые – неживые
пульсируют все тайны

ножевые
переходя себя на красный цвет
ранета
снигиря тебе здесь нет

но тянется как свет за тонкой ниткой
тебе мертвец
несчастною улыбкой
протянутой и длинной
как ответ пробитой ложкой снега
смерти нет

ты слышишь? смерти нет
но слышишь ближе
вбегает пёс и кости хрипло лижет
неповоротливым неправым
языком

и эта смерть становится всё тише
всё медленней
невидимый харон

Павел БАЙКОВ

ПРОЗАРЕНИЯ БАЙ-ГО-ФУ

Побыв со мной полчаса, Бай-Го-Фу оправился обратно в горы. Напоследок он сказал, что все свои тексты будет отправлять мне с камнепадами и снежными лавинами.

Бай-Го-Фу как-то проговорился, что со своей горы он может спуститься в любую точку земного шара!

* * *

«Они спрашивают меня: верю ли в Бога, подразумевая под этим: верю ли я в Его существование».

* * *

«...А ты себя из своей фотографии в зеркало видел?»

* * *

«Моя голова пуста текстами».

* * *

«Что это за мыслики скачут вокруг моей головы?»

* * *

«Выдыхающим ртом хватаюсь за воздух двумя губами».

* * *

«Я» – бесконечное стечение обстоятельств, двух не-я.

* * *

«Она схватилась за свой бюст, точно за сердце».

* * *

«Одних я друг от друга задерживаю, других друг к другу отвлекаю».

* * *

Тот сразу узнает, о ком я скажу: «Человек с копеечным сердцем».

* * *

На вид им, лет тридцать-тридцать пять, но выглядят они значительно дешевле.

* * *

Всякий текст можно свести к заглавной точке.

* * *

Ум приходит – в конце головы!

* * *

Сколько не ходи по дому в подштанниках – всё равно в зеркале себя не увидишь.

* * *

«Я познакомился с ним, только для того, чтобы не иметь с ним впоследствии, никаких отношений».

* * *

Почему ни одна жертва не оставляет шанса убийце, оставить её в живых?

* * *

Кофейные кущи в сигаретных облаках.

* * *

Рассыпаться в целое или собраться на части?

* * *

Простуда – прекрасное средство от усталости.

* * *

Как заработать на том, чего не купишь, не продашь?

* * *

Насквозь приятная женщина.

* * *

«...Буду краток, как брат сестры таланта».

* * *

В русле дарвинизма: с точки зрения обезьяны, человек – злобный мутант.

* * *

«Записки на оргиастических манжетках».

* * *

...ещё над одним сомкнулись воды Реки Времени.

* * *

Каждый имеет право на ошибку, даже сапёр!

* * *

Мы так боимся смерти, будто собираемся жить вечно.

* * *

Бог – это когда «внутри», даже если и «снаружи».

Пора учить языки адского пламени для общения друг с другом.

Впасть в младенчество, впасть в кому, впасть в пасть власти.

«Меня не будет – и вы все кончитесь!»

Несколько слов по одну сторону языка в другую сторону смысла.

Иные имена мне хочется написать с двумя нулями.

Абсолют в квадрате.

«...Да, будешь гулять вдоль гаражей – не забудь промочить ноги. Выпей всё это в стакан – и ляг под подушку, вверх ногами ...»

Бесконечно средние величины.

«Мои внутренние очертания слегка размыты даже для меня».

Земля – это ведь тоже небесное тело!

Народ у нас в России душевный, но чаще, почему-то, больше по знакомству.

У Пушкина и кляксы – гениальны!

«Откуда мне не знать об этом?»

Господь наделил человека разумом, а автомобиль – тормозами.

Я – инопланетянин с планеты Земля.

* * *

Удобрение – говну не оправдание!

* * *

Жизнь не стоит на месте, особенно когда она катится в пропасть.

* * *

«Застоялся на бегу!»

* * *

«...Чаще писать? – Но ещё больше зачёркивать!»

* * *

Проблемы – это, как пробелы там, где должны стоять буквы.

* * *

Благородное серебро, плебейское золото...

* * *

«Плюс» – это два «минуса» – один вдоль, а другой поперёк!

* * *

«Со временем, моё тело стало вызывать у меня всё больше и больше сомнений».

* * *

Светящийся тупик в конце тоннеля.

* * *

«...Заглянул в глаза Господу Богу? Какого же они цвета?»

* * *

Всё безотносительно, с точки зрения Ничто.

* * *

В гостях у себя дома.

* * *

На небесах вышла моя тоненькая книжка, тиражом полтора экземпляра.

* * *

Каков он, свет, на просвет?

* * *

«...Я не сопьюсь, даже если ты меня об этом попросишь!»

* * *

Добиваешься-добиваешься чего-то, а потом не знаешь, что с этим делать.

Слава Богу, работа у меня по любви.

Банальности не убоюсь. Но приручить её сложнее всего.

Средства «от» не выбирают. Они, суть, существа врожденные.
У хорошего хозяина – все средства хороши!

Бог даст – мало не покажется!

Слова, споткнувшиеся в моей голове, падают ко мне в тексты.

От того и депрессия, что вся жизнь на бегу: от себя к успеху.

Человек – это существо, которое одним своим существованием опровергает жизнь, а другим своим существованием опровергает смерть.

Конечно, плохо, когда в тексте заметна напряжённая работа автора, но ещё хуже, когда из-под всех слов сквозит безработица.

«...А можно сфотографировать целиком сказанное слово, если состоит оно из нескольких разных буковок?»

«Не делись со мной больше самым сокровенным – отдавай всё!»

Точнее, чем в десятку!

«...Я принял информацию к сведению концов с концами».

«Достаточно ли у меня мозгов, чтобы их выпустить?»

«Ей будет тяжелее, чем мне – и это её право!»

Вредно не отвечать за свои поступки!

* * *

«У меня от твоего молчания уши вянут!»

* * *

Хочешь встать из-за стола – доедай с собой.

* * *

Ничего, что стол шатается – главное, чтоб выпивка и закуска не переводилась на другие языки.

* * *

«Что-то сломалось у меня в её сторону».

* * *

Во все стороны погасшего света.

* * *

Я просто люблюсь ею, какая она мерзкая.

* * *

Не успеешь промелькнуть, как полтинник пошевелит голову.

* * *

Ещё одна попытка развлечься от себя.

* * *

Что не точка зрения – то точка слепоты.

* * *

Телом душу не поднять, и дух его – вон!

* * *

Отравился воздержанием.

* * *

Чем «скорей бы» – тем дальше.

* * *

Бой кремлёвских курантов с нашими ушами.

* * *

Хорошо бы сейчас водички холодненькой за шиворот соседу налить и выпить с ним на брудершафт!

* * *

Средство для похудания от полноты жизни.

* * *

Мы дуем в обе ноздри одного носа...

* * *

Он жил долго и счастливо, и умер в один день – без мучений.

Одни хлопают в ладоши, а другие, при виде этого – глазами.

«Здравствуйте, Павел Николаевич», – сказал бы мне при встрече Филонов. «Доброго здоровья, Павел Николаевич», – ответил бы я ему и мысленно бы снял шляпу.

Вороны бьются друг с другом по всем правилам воздушного боя.

«Они бьют по мне из всех своих орудий прямой наводкой холостыми зарядами».

Бесконечно смертная душа.

Траурный марш отсюда.

«Мне больше не нужно встречаться с людьми... Но и меньше не получится».

«Блудословение...»

Приближаюсь к цели, делая на пути к ней шаг в сторону.

Достичь цели не значит поразить её своими возможностями. А недобитая цель опасна для здоровья.

Помутнение начистоту!

Зверчки – страшные существа. Их стрёкот повергает в ужас всех окрестных обитателей.

Можно и помойными отбросами сделать свою жизнь полной и насыщенной.

Чирикнул по бумаге – и следа не осталось.

* * *

«Земляне, давайте выпрямим свои извилины навстречу друг к другу!»

* * *

Урна для краха...

* * *

В человеческом лесу встречаются такие деревья, что, как их не обходи – всё они на пути стоят или ветвями своими цепляются.

* * *

«Мертвец» или «покойник» – это звучит, как о всё ещё живых людях... А вот «трупом» можно назвать только неодушевлённый предмет чьих-то вздыханий.

* * *

Поворот судьбы. Молодой человек поменял свой пол на противоположный – и в новой жизни стал лесбиянкой.

* * *

«...А «вкусненькое» бывает несъедобным?»

* * *

Шрамы от слёз украшают не только человеческие лица!

* * *

«...Не теряйся в лечении, находишься в выздоровлении!»

* * *

Все мы вылеплены из одного теста... на беременность!

* * *

Отсебятина с бесебятиной.

* * *

Те же буквы, да не то слово...

* * *

«...Будь в теле своего письма к Всевышнему!»

* * *

Что это за ангел такой, без крыльев и с хвостом?

* * *

«У меня моторчик поэтический сломался...»

* * *

На чём сэкономишь – на том и пропьёшь!

Канцерогенная Зона...

Ещё один текст... Ещё раз сделал то, что когда-то было единым целым.

На наш век жизнью хватит!

Наконец то, автор нашёл спонсора для издания своих трудов – свою богатую фантазию.

«...кладу в карман только то, что легко можно вынуть...»

1. Истина лежит под ногами – до нее надо только дойти.

2. Истина лежит на поверхности – до нее надо только докопаться.

... А кто любимый поэт и писатель у наших доблестных артиллеристов? – Ну конечно Пушкин, Александр Сергеевич.

Если она была бы моей женой – я бы никогда не стал её мужем!

Лежу на диване и потягиваю винцо в обратную сторону.

«...не разводись на женитьбу...»

На свои вопросы я предпочитаю отвечать сам.

На моё замечание, что утверждения в её письме уже встречались мне в различных источниках, она ответила так: все цитаты из классиков я придумала сама!

Все игры с жизнью в прятки заканчиваются полной растерянностью.

* * *

Камень с души упал мне за пазуху и отскочил в чей-то огород.

* * *

Невинные души с утра не похмеляются.

* * *

Ногти или волосы - это я или не я? И если их срезать, сбрить или подстричь, станет меня меньше или нет? Мои руки-ноги - это я или не я? И если я лишусь какой-нибудь конечности или всех сразу - станет меня меньше или нет? Возможности действия уменьшатся, а меня? Моё тело - это я или не я? И если оно упокоится с миром - станет меня меньше или нет?..

* * *

Поэзия - это возможность трёхмерными средствами выразить четырёхмерную реальность.

* * *

Даже безнадежное дело нужно доводить до конца.

Кирилл КОРЧАГИН

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

1

Тело этого юноши предмет общего интереса
каждый ужин и каждый обед во дворце
он прислуживает гостям подставляет лицо
для их грубых ладоней для их поцелуев

почти обнаженный он проходит между столов
а войны хлопают его по ягодицам и смеются
вечерами он пишет стихи для дочери императора
и передает ей записки через евнуха
с каждой запиской морщины на лбу евнуха
набухают всё больше и больше
но он не отказывается помогать юноше вспоминая
как годы назад подносил обеденное вино гостям калифа

дочь калифа читает записки
и рвет их одну за другой
вечером она подводит глаза сурьмой
и смотрится в зеркало
репетируя движения рук и губ
— уроки персидских служанок —
движения, которые расскажут
мужу или случайному любовнику
как она владеет искусством
соединения и разъединения тел

2

Однажды мальчик пролил вино на рукав одежды калифа
он думал о плечах ее, о ее высокой груди
ему скрутили руки, его посадили в темницу
и шумный опять продолжается пир —

*с начала времен у меня болит голова
говорит калиф своему визирю
какой-то демон давит мне на глаза
так что я с трудом могу различать предметы*

*я думал что это от усталости,
но я ложусь спать и предметы вокруг меня
становятся маленькими а тело мое раздувается
пухнет и готово занять собой всю спальню
словно я был бурдюком с водой и кто-то взял гвоздь
и сделал во мне отверстие и непрекращающаяся влага
разливается по залам, коридорам и комнатам
в ней тонут люди и некуда деться от этой огромной воды*

— о властелин правоверных я читал в медицинском трактате
уважаемого ибн Сины что надежное средство
собственноручно сделать хирургическую операцию
одному из слуг ведь при этом
мы как бы оказываемся на поле боя
и получаем как бы субстанцию жизни
но главное, помню, пишет ибн Сина,
чтобы не умер слуга потому что
наблюдение за тем как поправляется он
как начинает прислуживать и как благодарен
владельцу за сохраненную жизнь
даст счастье и как бы исцеление от болезней

3

гнилая вода жжет ступни мальчика
цепи тянут руки к земле и земля
невозможна в гнилой воде под ногами
он ходит из угла в угол ошупывает стены
до крови раздирает руки о неровные камни кладки
но не чувствует боли и зовет кого-то

*в темноте ему отзывается кто-то
ты попросил – говорит – три вещи
выйти отсюда, остаться живым
и увидеть дочь калифа*

твои желания исполнены, юноша

4

дочь калифа неделю не получает писем
и смотрит на себя в зеркало – *неужели*

теперь я испорченное мясо? ведь он не пишет —
она поднимает полу одежды и долго смотрит
на свои стройные ноги и думает – *неужели*
он не мог найти способ встретиться со мной? —
иди сюда Ясмин — говорит служанке —
мне грустно — Ясмин приближается, —
и вот они внутри голубого шёлка в покоех гаснет свет

5

калиф говорит дочери что сегодня на ужин
будет подано необычное музыкальное блюдо
она пробирается в тайную комнату
где сквозь мелкую сеть духовой решетки
можно смотреть на обеденный зал
оставаясь незамеченной в полной безопасности
высматривая себе возможного мужа
или любовника который никогда не увидит
ее лица и будет думать что провел ночь
с одной из прекрасных служанок калифа

шум затихает истощенный юноша пошатываясь
появляется из комнаты в глубине зала
в это время со всех сторон начинает звучать музыка
это персидские музыканты играют и поют песни
самые веселые из тех что знали их предки
истощенный юноша, хромая и опасно пошатываясь
при каждом резком движении
начинает танец и внутри тела танца
он распускается цветком и чернота его глаз
заливает обеденную залу это очень веселый танец
танец алых лепестков чайной розы
падающих в нефтяную реку и воспламеняющихся
от невозможности унять желание
видеть только эти глаза гладить только эти бедра
он шатается ему тяжело удержать равновесие

и он смотрит сквозь прутья решетки
будто ему введом внутренняя природа вещей
будто навстречу вихрю розовых лепестков

две нефтяные капли две змеи стекают на пол
ползут к нему останавливаются и готовы жалить
а он танцует внутри этой битвы и боится сбиться
чтобы не оступиться и не потерять из виду
глаза за сеткой решетки

юноша изможден он падает на ковер
и застывает закрыв глаза и плача
калиф склоняется к визирю
и с радостной улыбкой восклицает:
*ты посмотри как весело крутится он
на своих деревянных протезах!*

дочь калифа стоит напротив решетки
вечером персиянка Ясмин зайдет к ней и испугается
что это не та, с которой они погружались в шёлк
она дотронется до своей госпожи и почувствует
что дочь калифа превратилась в камень
она посмотрит на ее лицо и заметит
у дочери калифа вытекли оба глаза
она посмотрит вокруг и увидит
розовые лепестки

NECROPOLIS

когда мы жили на Преображенской площади
каждую ночь мы слышали
монотонное шипение
становящееся то громче то тише
словно ветер ищет путь в квартиру
пробует по очереди щели окон
по очереди открывает двери
но не может найти входа

мы слышали дыханье кладбища
оно находилось у нас под окнами
и зимой мы видели ряды крестов
(летом кладбище казалось садом)
и слышали одышливое дыханье
подземного города

чуть дальше находилась старая церковь
она стояла на холме за высоким забором
подножье холма было усеяно крестами
фундамент храма постепенно оседал
и сквозь прутья забора в сторону улицы
текла черная земля подземного города
несущая обрывки ткани и кости
истлевшие в огне подземного пожара
и продолжавшие тлеть здесь наверху
испуская черный дым и разбрасывая искры

спустя несколько лет ночью среди заметенной снегом
старой Москвы я услышал нарастающий гул —
я пошел на звук и скоро оказался на залитой
ослепительным светом строительной площадке
я видел как армия мертвых выстраивалась в боевом порядке
и горнист трубил в ночи на дне широкой котловины
строящегося делового центра стены домов дрожали
и ледяные кристаллы моего дыхания
застывая в морозном воздухе звенели битым стеклом

это будет великолепным представлением
для одиноких мальчиков и умных девочек —
мир осыпается к их ногам и они чувствуют
они знают что сражение будет проиграно
стоит только выйти на улицу, дойти до метро, закурить —
мир мальчиков и девочек закончится сегодня
подземный город построенный из костей
этой гремящей ночью идет в решительный бой
потому что фрагменты ногтей и волос,
череп берцовые кости, фаланги пальцев —
это общее достояние, которое обязательно
постоит за нас что бы ни случилось

и вот я выхожу на улицу
и слышу как нарастает гул

ДУ ФУ

(712 – 770)

Перевод с китайского

НАТАЛИИ АЗАРОВОЙ

对 雪

战哭多新鬼，愁吟独老翁。

乱云低薄暮，急雪舞回风。

瓢弃樽无绿，炉存火似红。

数州消息断，愁坐正书空。

по направлению к снегу

новых погибших
сливаются множества в вопль

старческий голос
говорит о тоске одиноко

облака в беспорядке
снижаются к вечера кромке

непокоен снег
в танце ветра верчёном

ковш отброшен
вина не увидишь в чарах

печи огонь
лишь по подобию красный

из провинции шу
известий поток прервался

пишу в пустоте
рукой на краю печали

登高

风 急 天 高 猿 啸 哀 ，
渚 清 沙 白 鸟 飞 回 。
无 边 落 木 萧 萧 下 ，
不 尽 长 江 滚 滚 来 。
万 里 悲 秋 长 作 客 ，
百 年 多 病 独 登 台 。
艰 难 苦 恨 繁 霜 鬓 ，
潦 倒 新 停 浊 酒 杯 。

взбираясь наверх

ветром нервным взвивается к небу
обезьяний плач по умершим

у отмели белой брызги вращением
кругами птиц над водой

так беспрестанно теряют деревья
шуршанье шуршание листьев

так бесконечно катит янцзы
теченье течение встречи

в тысяче верст от дома чужой
печальной осенью долгой

годы прожиты болен и одинок
карабкаюсь всё же на башню

тяжко и трудно от горести нелюбви
на висках расцветает иней

странно гляжусь незадачливым старцем
но больше не пью вина

月夜忆舍弟

戍鼓断人行，边秋一雁声。
露从今夜白，月是故乡明。
有弟皆分散，无家问死生。
寄书长不达，况乃未收兵。

*лунной ночью
думаю о моих братьях*

движение людей
прервут барабаны войны

осени на границе
кричит одинокий гусь

вижу что здесь
ночи пока светлы

на родине в детстве
луна сияла вовсю

разбросаны братья
разлукой за много вёрст

никого не спросить
они живы ли умерли ли

письма послать
им не дойти далеко

к тому же войны
непрерывно движение вокруг

春 望

国 破 山 河 在 ，
城 春 草 木 深 。
感 时 花 溅 泪 ，
恨 别 鸟 惊 心 。
烽 火 连 三 月 ，
家 书 抵 万 金 。
白 头 搔 更 短 ，
浑 欲 不 胜 簪 。

видение весны

в стране раскромсанной
гор и рек посреди

весенний город
в траве и деревьях потерян

в тоске совпадая
цветы распыляют слёзы

муторно наперекор
птицы тревожат сердце

языками огня
месяца три едины

тысячу диней
за письма отдал бы из дома

головы седина
здесь ещё поредела

смутные мысли
в волосах не удержат шпильку

梦李白二首

(一)

死别已吞声，生别常惻惻！

江南瘴疠地，逐客无消息。

故人入我梦，明我长相忆。

恐非平生魂，路远不可测。

сон о Ли Бо

смерть разлучает
уже проглоченным вздохом
расставанье при жизни
часто болит больней
на юг от янцзы
местность болотных миазмов
из края болезней
нет от изгнанника вести
друг пришёл
меня повидать во сне
подтвердить мне
долгую памяти связь
муж благородный
сегодня запутанный в сети
птичьи крылья
откуда взял прилететь?

魂来枫林青，魂返关塞黑。

君今在罗网，何以有羽翼？

落月满屋梁，犹疑照颜色。

水深波浪阔，无使蛟龙得。

душу твою
в обычной ли вижу жизни?
дороги длину
боюсь непросто измерить
появляешься ты
зелёным клёновым лесом
по возвращеньи во мрак
погрузились проходы в горах
в комнату проливаясь
сходит луна по балкам
измученный лик
различаю ль сомнением в свете
воды глубóки
смуты широкой вóлны
не завладел бы тобой
злой водяной дракон

后 游

寺忆曾游处，桥怜再渡时。

江山如有待，花柳更无私。

野润烟光薄，沙暄日色迟。

客愁全为减，舍此复何之？

повторное путешествие

воспоминанием храма
 прошлым сохранно место,
мбста чувство
 вновь переправит время.
горы и реки
 живут ожиданьем моим,
столь бескорыстны
 сами цветы и ивы.

влажные травы
 светятся утренней дымкой,
в тёплом песке
 цвет вечерний замедлен.
моё беспокойство
 я исчерпал вполне,
куда же ещё
 из обители этой идти?

Пётр КАЗАРНОВСКИЙ

СОНЕТ***КОНСОНАНСНЫЙ***

Сонет серьёзный сочиняя
О том, как надо сочинять,
Не жду, что выйдет Муза-няня
За стихотворство попенять:

Мол, регулярный стих бледнее,
Чем безответственная снедь,
Чем выкомкаемая няня
За нежеланье коченеть,

Лежать во тьме глазной, горюнясь,
И близоруко портить нить
Из юности, ведущей в юность,

И, кропотливо гадя в плоть
С прискорбием: не обесплодь! –
Сонет серьёзный сочинить.

ПОДРАЖАНИЕ

где небо разоблачено
стяжая тайнопись обличий
мешая звёзды с пылью птичьей
в природу смотрится окно

и человек в воздушный ад
глядится грудью замирая
как бы случайный житель рая
прозрачен и небесноват.

* * *

Ночами освоенья мира
Бессонница шершавит тело:
Любой предмет из тени вырос –
Кругом пространство опустело,

Но и его уже не стало;
И открывать глаза не прячась
Безмолвие не подсказало
Прикосновением горячим.

* * *

Рисованье, живопись
Не когда в кармане кисть,
Или краска на мольберте,
Или голова в берете.

Глаз ложится на ступени,
Карандаш шершавит грани.
Цвет заполнит всё от тренья
Замысла об мирозданье.

И пейзаж – автопортрет,
Только автор спрятан, скрылся.
В отражении он след,
Что в отвергнутом зарылся.

Всякий холст – автопортрет,
Только автор скрылся, спрятан,
Жребия на четверых билет
Он вытаскивает пятым.

Холст: какой-то глаз глядит
На тебя сквозь всё оттуда.
Эта живопись живит,
Если происходит чудо.

Сонет Сергею Бирюкову
Акrostих

Самумы не напомнят ад
Ершистым засыпаньем взгляда.
Равнина, ветер, солнце - ряд
Гаданий, положений клада
Еще забытого. За штат
Юриспруденции и яда

Блуждает незаконный взгляд,
И не кончается шарада.
Рожденье смыслов и рожденье слов
Ютится рядом с тою из основ,
Которая не умерла рождаться.
Она запоминает каждый миг.
В ней жив такой ребячливый старик –
Уверенный, что знает, как дожждаться.

* * *

Комар жужжит развеять голод,
Нектаром крылья ободрить,
Чтоб жизнь не представлялась голой,
Не вылезала из орбит.

Когда теперь его прихлопнут!
Он гордым гудом одинок.
Демонстративные волокна
Несут его быстрее ног.

И вот он подлетает споро;
На острие тая огонь,
Его вонзает точно в пору
Под занесенную ладонь.

РАЗРОЗНЕННЫЕ РАСПАТАННЫЕ СТРОКИ

Окружая себя словами,
что надежду питают и тают
и не значат почти ничего,
я жонглирую головами –
языки в них пустое болтают, –
наделенный одной головой.

Так болтаю и обрастаю
ощущением, что сам понят,
и катаю своё серсо,
потому не нытьём, так катаньем
поворот уши не проворонят
если не по кривой – по кривой.

В лексиконе есть слов безбóльных
много, половина – неблагозвучных,
но без них бы язык затих,
закатился как шар бейсбольный
за дома и за камень горячий
человеческих, слишком людских

мнений, суждений, сводов,
притаился бы, замер, вырос,
облачился в смешной наряд;
а потом, не дождавшись всходов,
в марте, когда еще сыро,
завучал бы, себе не рад.

Ибо только язык и слышит,
обступающим миром напуган,
не застёгнутым на засов.
Ветер в поле трава колышет.
Жеребёнок бодается с плугом.
Влагой кормится колесо.

* * *

Жаровля смысла! гулова!
Зволовля лёгкая, хмельная!
На Я все кончил бы слова,
Когда бы не надоедая

Звучтица не тетенькала
И не шныряла звеньками.

Звучитель грозный! слухобор!
Воитель волномыслями!
Хоть затвердей – оттараторь
Согласными и присными:

Гулám не запощадится.
Гулба не прекращается.

* * *

Воздушная страна, подводный город, люди
С углём в груди или со льдом в паху
И ствол эбеновой спины
В объёме полунебосвода.
День лучезарен, и шумит река
В ушах, к земле оттянутых серьгами.
Ладони ласково скользят
По гальке живота и выше.
Ночь изразцово звёздами кружит,
Заманивая спелых соловьёв
Питать сердцами
Прибитый снегом лотос.
Ангел смерти
Внимательно следит земель движенье
В калейдоскопа трубку мира многими очами –
Фиалами непробудимых снов.
А на лугу прекрасная пасётся,
Её рога что нимб.
Святые молча молятся в пустыни,
Внимая воркованью львов, верблюдов –
Небесных птиц...

Воздушная страна...
Дороги и мосты покрыты пылью,
Блестящей днём на солнце,
Шуршащей тихо ночью
Бредом звёзд.
Дороги и мосты – то волосы,
И верных глаз не видно,
Но каждый их находит для себя
И песни им поёт,
От слёз не уставая слепнуть
И проникаться воздухом –
Воздушная страна.

* * *

Как яблок движение глазных
открытых, на всё согласных
я выпрямлю не язык
не корни когда шевелятся

на вырост – душа-душой –
сквозно́ землистым, слезливым,
рождающим речь чужой,
задумчивым, обращённым вверх

направлю зреньё, язык
в проплыв – плавники и ласты –
на пересеченье косых
флексий, неосторожных гласных

чтоб дух захватило от
неистоцимых вокабул,
в которых не сам смысл живёт
расподобленьем слабым

выныривая за текст:
один на двоих насест
ни для кого окрест
не сохраняет мест

* * *

Плаванье в слове. Из слова
Порскнуть в молчанье.
А ещё улова
Паче чаянья!

Лёгкого шага свобода,
Плавников, клюва.
Я обиду буду
Бить до клёва.

И она проклюнет, склонит
Голову на сторону.
Тишина стоит
И идёт ко дну.

Меланхолический марш

Те, о ком мы ещё не знали
И о ком уже не узнаем,
Каждый день не придут за нами –
День летуч, не таем, летаем.

За пространством не видно света.
А за светом ни зги пространства.
Не по следу идём, но следом,
Убивая себя из чванства.

Или лаской до неpotребства
Мы доводим кого убили,
Позабывшие цель и средство,
Настоящие – только были.

В нас самих завязались узлами,
Разлетелись подобно стаям –
Те, о ком мы уже не знали
И о ком ещё не узнаем.

Сергей КРУГЛОВ

ИГОРЬ БОБЫРЕВ. БОЛЕЗНЬ-К-ЖИЗНИ

Круть-круть френдленту – и вот: бледносерый юзерпик (молодой Рембо), и вздох: «скууууучно»... голая экзистенция на голой весенней земле, на карте местности, давно уничтоженной в семнадцатой мировой, письма из платоновской пещеры умозрительному адресату... Молодой Розанов, - еще один портрет просится встать рядом с Рембо.

Слово на «э», модное позавчера, появилось недаром: философы-экзистенциалисты мертвы и аккуратно похоронены, утрамбованы в культурный слой, в пластик и битый бетон, - но на могилке прорились цветы: тревога, забота, страх. Корпоративное сознание века нынешнего спешит мимо (не гляди! но не утерпел он и глянул...); по слову Венички, на мужчину, собирающего цветы, в деревне смотрят с подозрением, - кольми паче на собирающего цветы на кладбище. Букеты Игоря Бобырева – единственное горькое украшение невыразимых стен в комнате подростка, пасынка социальных сетей.

Переберем гербарий: что-то не совсем то... Надо же! Среди лиловых, коричневых и землистых цветов один – лазоревый; это – цветок надежда.

Его стихи – кратки и концентрированы. Как что? С чем сравнить? Традиция этой поэзии, история этих выразительных средств, достаточно почтенна, но просится вот еще: кто знает, как там называется этот дикий каннибальский сувенир – искусно засушенная до размеров кулака человеческая голова?

Ничего личного в этих стихах; и – всё личное. Засушенная личность история:

*(афинская тетрадрахма)
сова говорит языком серебра*

веспасиан на закате

Засушенная личность религия(каковы бы ни были религиозные взгляды самого Игоря , чутье в этом вопросе у него абсолютное):

(U.S.A.)

ладан из кукурузы

(американская молитва)

воскресная теология для пассажиров с детьми

(прим.: кто хочет – вяжи нити аналогий с «Молитвой» Моррисона)

Засушенная личность сердце-память-нюх-ощупывание:

бабочка

песня для глаз

(воспоминание из детства)

головоноегое создание

с ручками

копается в золе

а чайник по привычке

кипит себе кипит

в бездне дрозда

Засушенная, кровоточащая личность бытие, о котором только что сказали выше:

А.Н.

куда ни плюнь

всюду река Гераклита

ангелы существуют без нас

Засушенная личность российское-коллективное-бессознательное:

за хлебом

*враг народа полз по льду
а я ждала своей очереди*

Засушенность; концентрат – если любой текст Игоря Бобырева развести в резервуаре живой воды, то получившегося вина поэзии хватит на несколько пиров, на шестьдесят раз по шесть каменных водоносов. Это концентрат высочайшего качества.

Чем Игорь держит свой стих? Не так, по-другому: что держит и его стих, и самого автора, юношу бледного со взором горящим? Тот самый нарратив, неотменимо настоящий, который тоже вырос в последние времена, пробился сквозь сор и глину и вошел на этой братской могиле; нарратив жив. С этим держанием связано, на мой взгляд, ощущение надежды и чаемого света, о котором я упоминал, возникающее при чтении стихов Игоря Бобырева.

Болезненность? Да, есть. Но это – болезнь-к-жизни: заканчивая поминанием – снова - платоновской пещеры, мы видим, что свет и тени снова играют у ее входа, и страдающий поэт, подземное существо, до боли всматривается в них слезящимися, воспаленными глазами.

[птицы]
можно подумать

[ян палах]
несвободная сила огня

* * *

лошади едят постели влюбленных

ангелы существуют без нас

[U.S.A.]
ладан из кукурузы

[американская молитва]
воскресная теология для пассажиров с детьми

* * *

стрекоза на скрижали

* * *

пароход «соловки»

* * *

тишина ксюша

* * *

кастрация не освобождает
от ответственности
за хлебом

враг народа полз по льду
а я ждала своей очереди

Украина год 1932

кроме снега есть
кроме снега есть
кроме снега есть нечего

* * *

маски служанок

* * *

соловей недоступен

* * *

свирель летописца

* * *

веспасиан на закате

* * *

свирель из крапивы

* * *

воздух дышит словами

[нерон]

соловей с лицом тетрадрахмы

* * *

голод нежного цвета

* * *

ночь камня

* * *

некая логическая часть лошади

бомбы существуют в последствиях

синтетика
СПб

насекомые в лицах

бабочка
песня для глаз

воздух не лошадь

[лебедь]

гортань с аномалией лифта

Тимофей ДУНЧЕНКО

PLUG-IN(S)

1.

Это самая глупая новость из всех. Что старит - сердечная песнь.

И тихое

проговаривание на ушко - электричество, как оно есть.

Память как зубы расшатывается и болит, исчезает хихиканье,

исчезает сомнение,

исчезает халява разума.

Что мне силы твои небесные,

минимальные допущения.

Что мне радость твоя,

не заслуживающая прощения.

Это самая глупая новость из всех новостей, что чем старше, тем

чаще пустеешь. Чаще

приходится заполнять.

Веки снять и невозможная сухость - колыхать

пухлость.

Колыхание не унять.

2.

Через все потрошения мысли, через повторяющиеся минуты,

от одного до шестидесяти и по кругу.

Перетягивание каната с пустотой. Разукрашенные, как пиньяты,

передают эстафетную битку и привет другу.

3.

Жизнь как блокбастер без спецэффектов - постоянная трата.

Смерть словно

лунный кратер - далеко и близко.

Чахнет кость от отсутствия счастья и злата. От смущения мило

сдвигает свои мениски.

4.

Как от выстрела слово быстрое - висок крадет. И смотреть,

куда он смотрит и щурится.

Ледяными руками поглаживает живот. Вздрагивает и
пробует шутить.

Как оно, проговариваемое, сбудется.

5.

Не просто ниточки к последней цели, а выверенные канаты.

До крюка

в спортзале ползти вверх.

Там у крюка, наверху, распяты. Сдерживают, как умеют - смех.

Так рука становится предвзятой. Так висающим на нитке

противен бег.

6.

Всякой преграде своя кислота, обескровливающая. Гниль

за пазухой

проникает сквозь ткань.

Всякий человек оказывающийся один на божеской площади

ищет куда бы встать.

Чтобы точно встать.

7.

Чтобы был бит, чтобы делая шаг делая - чувствовать ритм.

А взмахивая руками,

чувствовать музыку.

И свое целлофаном накрытое разрушенное корыто прикрывать
от чужих глаз.

Сужая свое либидо. Стяжая свои обиды. Поражая свои открытия.

Строить чужой палац.

8.

Чары понять, ухмыляться сидеть и чутать вчерашний день.

Обводить

по пунктиру тень свою.

Зарегистрировать на свою жизнь патент. И понять,

как использовать жизнь

чужую.

9.

В пустеющем мире есть зацепки, за которые взяться слюной.

А вдруг не та

упадет на язык и проглоченная китом - возьмется за уста.
А другой, там же плавающий, проплывет мимо. От всего убедить
стать мемом. Убедить мимом.

Зацепившихся за кусты по благу провести на дегустацию
стали. Обуздать, как живого мустанга.

Пустить раздельно. Между тех, кем стали и тех,
кто мимо.

10.

Половодье чувств, а жилище пусто, не то чтобы грустно,
но много пыли.

Как сверкали, как шевелились часто. А двинулись
и забыли. Теперь их оплакивают, несчастных.

Половодье были, радуга сказаний. Ни одно из тех расстояний
не способствует локальному счастью.

А оно не имеет крыльев.

11.

Чтобы был бог, робкий от обилия фанатов, объясняющих веру.
Смотрящий на шарик
жира.

Конкуренты на ровном глазу копируют. Не видя меру, все исчадия
глупо так реагируют.

Центровой игрок мира изо всех сил
проигрывает.

12.

Так немели уста, так сильные уставали. Снимали на пятый,
запечатлевали.

Танцоры меняли движения, разогревались после. Шепотом ей -
возле.

У его колыбели храпели все и во сне плутали. Искали,
как выйти из сна
брутально.

Но сдавались. И крест накрест свои кости.

13.

Святогор проснулся, разбил хрусталь. Осколки далече летели,
так стало понятно, что он проснулся и встал.

Постоянные функции, непостоянные пунктиры -
черные мировые дыры. А он тут
по-детски испытывает батут.

Иные времена грядут, те выживут, кто это поймут. Остальные уже
устали.

Первыми и падут, глиняные столбцы.
Зависшие над увиденным мудрецы,
замыкаются на себе, так живут.

14.

Мысль показывает брюхо - там эхо глухо. Там очень
пусто, как будто пользуют мысль.
Отравленные числами пробуют языком ловить мух -
а те бесчисленны. Падает на колени
дух. Не по-настоящему, а так - мысленно.

15.

Органика и логика. Земля два метра над гробиком. Окончательное
движение вглубь.
У любви каждой свой - триединый ступор. Если облечь в слова
будет верхним топиком.
Жидкорадостный труп.

16.

Нет слов. Это самая глупая новость. Образовалась,
как воздушный прыщик.
О чем говорить, раз никто не ищет, а использует поиск.
Очень тыщи, помногу тыщи. Задыхается тело в поясе.
Гложет глупые мысли множит.
Через несколько лет попробовать подытожить и еще несколько жить.
У души человеческой слишком много ножек. Как ее еще
рук лишить.
Это самая глупая новость, что текст может что-то доказать.
Он покажет
музыку. Под нее неумело пробовать плясать.
И в танце под текстом окажется глупо быть
честным.

17.

Из тела выходят морковные соки. Где-то всегда губа
ждушая витамина.

Где-то опять пропала моя любимая. Ожидание
так галимо.

Запиши мой номер на уоки-токи.

18.

Трапезы пышные, пить молоко, откладывать на верхнюю
челюсть. Я тебя милая
пользую как трубу.

Без тебя все вокруг неиссыхающая сырость. Я держу для тебя червя
в зобу.

19.

Были боги милостивы, не рубили серпом. Не били молотом тора.

Ты влекома

ими, даешь мне кусать.

Я кладу в ладонь яблоко раздора.

Приглашаю тебя плясать.

20.

Здесь дотронуться, там повернуты. Уже извращения. Минимальные
допущения. Ярость от голода.

Стали пороты обещания, стали прополоты. Поле из сорняков
на прощание.

21.

Поцелуй в уголок, живой уголок. Взял за лохмы и

приволок, поступился

главным.

Если взять человека, как поток. Как водопадающий поток,

то любая невзгода

выглядит славно.

22.

Как любить тебя, как твое против шерсти объяснять.

Прощать самого

себя укусить.

Как раздев свое тело себя до него не раздеть и тебя не снять. Чтоб
задело.

Утром выпасть и моросить.

23.

Многоножки спотыкаются протыкают а-а-а-а. Щебетом
воспаряют, раздражают свой собственный зоб.

Есть мягкое место в моей пяте. Заболеет моя пята,
упущение то, останавливается
дыхание мое у твоего рта.
Ты метро запретное. Я жетон.

24.

Если ничего не понять, почему действие. То мое спокойствие
уже тебе удовольствие.
Глобальное действие, локальное уродство. Тот еще праздник будет
после.

25.

Сирены мира. Между Харибды-Сциллы оглушающие децибелы.
И я, несмело
привязанный. От ужаса белый.
Сирены мира. Надутый гелием круглый воверх всецело -
ищу с твоей помощью цель.

26.

Когда белки зависли над ядром земли, прогнили челюсть свою.
Я в горе
сiju и кую мелочных червячков.
Я сквозь них свою земь гоню, как пою - и она выдувается,
как ручная.
Как дерево без сучков, как курить хочется и выкуриваешь
бычков. Так любовь моя старится,
сволочная.

27.

Достучаться до тела, а там и морковный сок. Затянул на себе
полосу срединную.
Жизнь такая как море, за ним песок. Так и будет дальше - я слабое,
а ты - сильное.

28.

Сердце красотки уходит в пятки, когда она находит кассету,
где записаны ее блядки.
И с тех пор ее мысли шатки, ее чувства шатки.
И предстоит долгая с родителями беседа.

29.

Солдаты брали ружье с той стороны, где объясняли. Вышли на землю грунтовую, где их бога распяли и били людей, убивали.

А потом прозвенел звоночек и они проснулись и в этот момент зассали убивать.

В каждом убитом ребенке видели свою мать.

30.

Летит обувь - это любовь. Хочешь любить сильнее, готовь дробь. И на охоту, на рябчика, попадешь - если целишься. Будешь порядочным - женишься.

31.

Куча палаток, в каждой по трое. Каждую атаковать, как Трюю.

На тебя - босой, а его и противника одной косой.

Будет в девятиэтажке красивая антресоль.

32.

До ларька идет, сквозь тьму египетскую, по льду питерскому.

Спотыкается

и падает.

А если бы огородами, да босыми пятками - может быть и выскользнул.

33.

Всякая беда имеет название месяца, радуйся, что не года.

Неожиданная каждой зимы погода.

Ожидаемые смерти хуже неожиданных смертей.

Чаруют уверенные движения по заржавленной горке спускающихся детей.

34.

Раньше были пожары, теперь взрывы. Раньше были любимы, теперь выебаны.

Результаты одни и те же. Глупые сверху, умные тоже сверху - только реже.

35.

Главный минус детей двухтысячных - не реклама. А то, что благодаря родителям девяностых - не имут срама. Это также их плюс, умножение и деление. Дети двухтысячных умеют снимать напряжение.

36.

Шлепать ладонью, шаробиться по кустам. Смотреть, как пышет мхом покореженная плита. Мелом выписать свое настоящее местонахождение. Типа, и я и я умею снимать напряжение.

37.

Мы были в восторге, в итоге - сливали свое добро. Заусенец чуточку раздражал на мизинце, но никак не отражался на общей благодати. Мы ходили-гостили, меняли постели, расшвыривались устами. Резиновую надувную уточку надували со смехом, устали. И следы от шины, следы от рвоты. Вечеринка оффлайновых ботов, любимые, как пилоты - хрустели, менялись кусками. А потом захлопали, объявили парад уродов. находящиеся между волной, и мокрыми от нее песками.

38.

От границы пошлости к югу трусости - быть убитым от житейской мудрости. Либо на все спокойно, либо включая движок, надувая флажок, разрывая свои округлости, плотно и впукло. Как куклу засовывая, оформляя форму, в мешок. А в том мешке - уже все кишки. Уже все божки - по способности. Держится гнев в тонусе, усложняется жизнь ребусом. Заполняя свои полости по чужой потребности.

39.

Хилые, хилые - пыльные с бородой. Колотушка по морде била, любила так. Хилые садятся на крестлице - головной метлой приводят в порядок свои беситцы. А потом по реке плывут венки невестицы, по берегам реки вереницы палаток. В каждой по свечке - освещают презент и крестятся.

40.

На первой заповеди - убей. На других - лапки и кал голубей.
Но читается,
как прочтено. Все вокруг из себя - себя заодно.
А он тут искал место, где будет возможность получить
полагающихся пиздюлей. И так
становился злей.

41.

У меня страна россия, у тебя страна россия. Я бессилён,
ты бессилён - это наш менталитет.
Мы посеём, мы покрашем - огласим украсим, скрасим.
Хорошо что наше - наше. Хорошо, что разом в выси.
Дети пробуют вылазить. Дети пробуют не лазить.
Губу пробить, укутать шарфом в ситуации наземного транспорта,
не думать, где остановится (если остановится) жизнь.

42.

Дума на подходе, летает чайкой над пароходиком, ловит хлеб.
И требует
решения задачи, используя пустые гильзы.
На стилистические стройки залезли. Гордые, как притчи, сидим.
И возраст требуя,
сокращает радость жизни.

43.

В разные играли игрушки, а как спать - удобнее та подушка,
на которой не умереть. Колени в стороны,
сны изжеваны - не позволяют петь.
Квадрат песочницы - удобно скучиться.
Удобно ругаться, билетик взять и отпихиваться локтями.
А там был мрамор, зыбкий уклюжий мрамор - спрятаться под него,
и греметь костями.

44.

Что назовется как, как понятнее - злящие вещи прозябают миг.
И скулящие подходящие
кусят за пятку - ты умер и нет улик.
Если по прищуре, то опознан. Вызнан, на всякий случай
сполоснут. От стыда

смерть вкусная, как ягода.

Укусил, а твой вкус обсудят. Он не сладкий, не яркий,
он серый - его осудят.

Голова отрубленная, прекрасно выглядящая на любой
посуде. Хлопнет ресницами и
разбудит.

Как будильник, раздражает - потуже скрутить одеяло.

Что назовется как, как оно
раздражало.

Если по прищуре, то невкусно и пошло. Ударило в прошлое
важное и ничтожное.

45.

Глазок в себе, если стук. Если стук - игры. Сидит и шипит
эпиграф. И никак,
некрасивое станет глупым.

Говорить, что хочешь - наружу видны субтитры.

Ложись и слушай, куча всего интересного -
стань трупом.

46.

Через долгие дали кромешная чернота. И ствол
блестит огоньком, притягивает теплом.

Скидывая со счета, преподносится, как подарок,
настоящая ярость - застывшая. Поделом.

47.

Результат манка - говорящий пуп. Распахивает
тулуп мракобес Татьяна.

Она не думает, а ощупывает. Неожиданное попадаетея,
что чудесно. И давит, что данное.

48.

Мирские контакты третьей степени
взаимные дальше некуда. Жуют
творог деятели производной части.

Жуют, проговаривают - как проточна этика,
как течет река бережной власти.

49.

Сибирские вазы биты, заемные деньги шиты.
Нитками белыми, концы
горелые, поплеванные концы.
Фаянсовые защиты, малеванные защиты - во всем обещают дети,
тенистые, как отцы.

50.

Номерок потерялся, висит курточка. Веселая, как летняя
юбочка. Главная,
как последняя цель.
Свистит крысолова дудочка, блестит наливное блюдечко.
Идет по водичке уточка, стряхивает прицел.

51.

Пара весь, а потом на пост. Хоровод дружины
неровный и шаткий. Класть
на ладошку, как будто в мозг.
Оседлать его, как лошадку.

52.

Черви думают направление. По-червивому повелению,
по-червивому
захотению. Думают черви.
Есть устойчивые опасения, прогнозируемые ожидания, в какой
стороне спасение. Не понять, подведут нервы.

53.

Шел господь по тротуару, видит мир лежит в подарок. Видит мир,
а ищет бабу.
Хуй набухший смотрит набок.

54.

Пухленькие эти ваши пальцы. С костями, царапающими
костями.
Ткнул подушечкой в направлении, заданном кистями.
Проследил до локтя,
остальная плоть хочет смешить и отчаянно
огрызаться.

55.

Самолет на посадку идет, потряхивает, жизнь на ремень стягивает.
Та лежит круглой каплей на ремне, и бьется обратно
в пупок ко мне.
Смертью попахивает.

56.

Тридцать три гнома не видны из волн. Вожак их последним идет,
подсчитывает урон.
Было их тридцать семь гномов. А тут вдруг волны, а тут вдруг
гремучие вспышки громов.
Вышли на берег, уняли истерику. Вожак опознал песок, как
Северную Америку.

57.

Царь Кощей над золотом чахнет, а оно лежит и пахнет. А оно
лежит в коробке.
Солнце мира гасит пробки. Солнце мира дует в свечи,
пробегают человечек.
Пробегают мимо света, как медленная комета, как заторможенная
комета. Спотыкается и падает, как комета.

58.

Что дышало - дыханье сбило. Отстукивает по горлу неровно.
Жизнь копила,
копила и накопила.
Пересжатое, мощными челюстями пережеванное.

59.

И в крошечной черноте, по нащупу по чутью - пробирается
конечный пиздец.
Позиционируя себя так, словно греться - удел бессилия. А холод -
вот это уже боец.
Прибирает пиздец за собой вежливо пустоту. Та пассивная.

60.

Проблема в неровных щеках. Секунда каждая дорога, в рисунках и приложениях.

Телом испытывать вес лишней информации. Но гордый, как муж, вносить ее в свой проем. Или попробовать пронести, попытаться.

61.

Солдаты сока идут не в ногу. Потом темная масса потока сбивает с ног. Итог разнавесит уличный свет и от радужного потока берет на смех.

62.

На слом дом, который обслуживает ЖЭК. Чугунная дверь и забывший к ней код человек.

Бьется насекомое в свое понятие дома. Никогда не найдет искомое.

63.

Травлю изготавливают, используя те ингредиенты, которых жертва не ждет.

Кормят ее, прожевывает. Бесится, но жует.

64.

В гостях научиться обращать внимание на предложенные тапки. Скользить по полу.

Заебут о себе разговором - своими словами пробовать выкарабкиваться. Выйти на улицу, на опору.

65.

Домовые подкармливают голубей на жестянке. Те курлычут и ждут приманки, когда домовые спят.

Домовые ждут момента, когда фильмы запишутся на болванки. А потом ноготком читают фильмы, и долго о них пиздят.

66.

Очаровывает всевеликий шум как нота, разворачивающаяся
постепенно.

Словно тот, в кого верят кто-то - вместо слова
сдувает пену.

67.

Не с руки кормить, не с ноги пинать. За волосья взять,
окунуть.

А там рыбки плавают, шелестит подводная листва.
Главное крепко держать за волосья,
не отпускать.

68.

Бэкапы жизни накрылись от неумелого обращения
с матерьялом. Пунцов

и ярк в пунце, как в изысканнейшем из металлов, зоб.

А где-то музыка играла, а где-то девушка рыдала. Ничтожная
полагала, что то, что нужное остается. А там и
солнышко воспылало.

Сгорело солнце. А море двигалось на песок.

69.

Каждая тварь полярна такой же твари. Думает, говорит
о себе, запарит.

Пока говорит - дышит носом. Сверкает белесым глазом. Но в тот
момент, когда все твари попытаются сказать

в разных точках поверхности,
и разом. *Он* наконец откликнется – и примется

соболезновать.

Сергей ГУЗЕВ

GEO

Какой теург переустроит
коловоращенье блудодней?
Вертись, как сплюснутый сфероид,
геоид проклятый, верней, –
который ноет под подошвой
и человеку портит кровь,
иеремиадою истошной
всклянъ наполняя, – это вновь
гипоталамус и гипофиз
раскручивают маховик...

Геоид, место для гипотез
и трансцендентных закавык.

осень 2002

БЕЗЭМПИРИЧЕСКОЕ

Как спазма сдавленной зевоты,
зияние – в заёмном сне:
до – зарождения зиготы,
земной мизерности – извне
(как умозрительная даль нам,
как протобездна неблизка!), –
жизнь в обмороке пренатальном
без памяти и языка.

2002

ЖАЛОБНАЯ-ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЯ

Как говорится, во время оно,
в растакой-то стране – ни Европа, ни Азия –
красна девка Алёна сдуру втрескалась в Антона,
и такая тут пошла катавасия!

Ой, ходуном наличники,
стены, потолки!
Эх, каб да не яичники
да не семенники!

А Антон то нахмурится, то надуется –
ему собственное тело, знать, покою не даёт.
Разлюбезным пупом своим, бывало, залюбуется –
и сидит враскоряку неделю напролёт.

Ох, дрянные блинчики
из этакой муки!
Эх, кабы не яичники
да не семенники!

Что же девке делать?.. Убиться? Напиться?
Уходи, как говорится, бесповоротно, уходя.
Вот и нашла себе Алёна живописца – зато уж не кровопийца –
подошла, понимаете, и сразу хватъ за мудя!

Ах, мы в любви язычники
церкви вопреки...
Эх, кабы не яичники
да не семенники!

А живописец оказался ой да шалым-горячим –
то к сердцу прижмёт, то к чёрту пошлёт.
Ой, люди добрые, давайте, что ль, поплачем –
какая старая песенка, бородатый анекдот!

Ох, как на девичнике
колки языки!
Эх, каб да не яичники
да не семенники!

И как тут завертелись ой да страсти-мордасти –
Алёна от беды на самый волосок,
потому как живописец не имеет над нею власти,
а ежели чего и имеет – так ея либидо кусок.

Ой, как в нашем птичнике
петухи дики!
Эх, кабы не яичники
да не семенники!

Живописца, понятно, взяла большая обида:
к другому, поди ж ты, лярва всё шась да шась.
«Почему, – говорит, – ему всё, а мне только кусок либидо?
Желаю над общим и целым получить безраздельную власть!»

Эх, в школе-то отличники,
да в жизни – дураки.
Эх, кабы не яичники
да не семенники!

Тут-то он и уселся всем задом в калошу –
девка его снова хватя за мудя.
«Отхвачу, мол, напрочь, и собакам брошу!
Уходи, – говорит, – уходя!

Даже груди в лифчике
вянут от тоски...
Уж эти мне сопливчики!
Ну нет, чтоб по-мужски!»

Здесь, что называется, и конец бы сказке,
да малый закобенился и вознегодовал:
«Плати, – кричит, – мне, шельма, за любовные за ласки!
Не за красивые, мол, глазки целовал-миловал!»

Ах, милы гостинчики,
да на вкус горьки...
Эх, каб да не яичники
да не семенники!

И заплатила Алёна сполна, пригорюнясь.
А Антону-то, разумеете, всё трын-трава.
«Эх, – думает Алёна, – прощай, моя юность!
Пропадай пропадом моя голова!»

Ой, гнули нас опричники,
потом – большевики!
Эх, каб да не яичники
да не семенники!

А Антон-то, Антон – то по мукам, то по бабам,
то снова заглядится на собственный пуп,
то Алёну – в рыло, то вновь приберёт к лапам,
то он – сама нежность, то сызнава груб.

Бей – останусь без щеки!
Что мне синяки!
Эх, кабы не яичники
да не семенники!

«Вино, вата ли я? – размышляет Алёна. –
 Для Антона я – вата, для живописца – вино.
 Одному – душа, а другому – лоно...
 В общем, всё идёт в жопу, и жизнь – говно».

Ой, мальчишки-затычки,
 ой, временщики...
 Эх, кабы не яичники
 да не семенники!

Что для милых брань – то потеха для очевидца.
 Межполовые дразги – вот человеческий гнёт.
 Так сколько же, наконец, верёвочке этой виться,
 и чью-то шею она захлестнёт?

Гей, собирай станичников!
 А вопрос таков –
 нельзя ли без яичников
 и семенников?

июль 2003

XXI-ЫЙ ВЕК: ПОСЛЕДНИЕ

Появиться на свет
 в той части Южной Африки,
 куда не ступала нога
 английского колонизатора,
 на безводной равнине Калахари,
 в последнем из бушменских племён.

С молоком коричнево-чёрной матери
 всосать веру в то, что Гуа
 создал вначале белых, потом чёрных,
 а из остаточного материала
 были слеплены бушмены –
 и потому они такие маленькие.

После детства, полного любви и поблажек,
 убив своё первое животное,
 перестать быть ребёнком, – а взросление означает:
 смазывать стрелы растительным ядом,
 охотиться на зайцев, есть страусиные яйца,
 сажать кукурузу, кочевать.

Срастись с женщиной, чьи украшения из пластмассы –
единственная примета цивилизации,
мерцающей где-то там,
за дальней большой дорогой;
с безразличием обзавестись детьми:
всё равно ведь не все они выживают.

Верить в то, что те или иные духи
что ни день пожирают Луну и Солнце,
танцевать в экстазе, как все, и петь,
петь – до того как тело исторгнет душу,
незамутнённую душу пустынного зверя.

Довершить длящееся, то есть
умиротворённо скоротать закат жизни
в бесконечных беседах с соплеменниками –
на одном из самых сложных для произношения
человеческих наречий –
говорить, прищёлкывая, спорить у костра
об алчности и прелюбодеянии.

Умирать – и в агонии бестрепетно вспомнить
о лишь однажды мелькнувшем смутном подозрении –
страшное кощунство! – что смерть и есть
самая последняя колонизация,
поглощение, насильственное порабощение
всех чёрных Великой Белой Расой.

август 2005

УТОPIA

Так Софья Власьева выдрачивала – вхруст,
что в божьи ризы для щенков своих оделась:
мысль за подкладкой схоронил лукавый демос –
за гробом ждёт его марксистский мясопуст.

А смерть есть классовая нечисть: как врага,
паскудство истребить – до пятого колена!
Чуть боговержец брык с копыт – а где ж геенна?
Всё та же люмпен-пролетарская туга.

Очнётся – мир затянут в праздничный кумач,
знамена реют, Кремль сверкает, как алмаз.
Чу – нарастает звук издали неугомонный!

То не архангельский призыв, не горный глас –
побудкой дня заведует архаровец-трубач,
и во весь рост встаёт проклятьем заклеимённый...

декабрь 2005

* * *

На торжище муторном, тварном,
под пролежнями материка,
погибель в растворе отравном
настаивается, горька.

В указах о том ни аза нет,
и кряжистый мир с головой
подённой бессмыслицей занят
в петле правоты трудовой.

декабрь 2006

РУСЬ ПОСТСОВЕТСКАЯ

В стороне древлян, где издревле сортиры дощаты,
где кружат сизари над закиснувшей цвелью помойных ям:
«Мой народ, – говорю, – суди меня без пощады
и со всеми онёрами, право слово, по всем статьям!»

«Это мы завсегда пожалуйста!» – так мой глаголет народ,
выползая из задницы мать-сыра-земли грозной навозной кучей:
«Ах, ты потрох сучий! юрод! да ебись ты в рот
со своей раздрочи-поэзией злоебучей!..»

февраль 2006

* * *

В забегаловках, где безглазые пиворезы столуются,
и блатуют безухие,
вполуха слышащий, смотрящий вполглаза
ощущает острей,
как без удержу сгущающееся в атмосфере безумие
бренчит ключами от всех дверей.

Отопрём, и гурьбой ворвёмся, –
как уж водится в хмуро-пасмурной Мороссии,
пузырится вовсю которая,
скудоумной своей златозадой помавая Мозгвой:

нетрезва пустотелая жизнь
в водоёмах мировоззренческой амнезии –
присвист солода, скороговорки сусла,
затяжной раздрай дрожжевой.

«Под луной
ничто не ново...
Падла Ной
не ждал иного –
без кровинки в лице
распластался на крыльце,
в окружение сыновей, –
вот же тварь! –
насосавшись до бровей, –
всё как встарь.
Слышен скрип небесных сфер,
неизъяснимо дик:
«Сгнило дерево гофер –
всем каюк-кирдык!»

Эх, ма, трын-трава –
живём снова!
Где стоял храм – там зол-бурьян,
по триста грамм – и в зюю пьян.
Пей, Хам, пей, Ной,
наливайся, Яфет, –
знать, отцу не враг ты –
Сим, жару поддавай!
Ух, ещё по одной, –
коль не поправит, хоть потрафит,
и – не с бухты-барахты
скопом-чохом под трамвай!»
...Вот все двери настежь.

Из-за них глядят на ввалившихся благосклонно.
«Исполать вам, Балтика-9, Волга-6, Дон-4,
остальной продукт номерной!..»
И даже мелковолокнистые облачка
по периметру небосклона,
словно пена по кромке кружки пивной.

март 2006

МОНОЛОГИ

Монолог про трагедии

9.11
на моих часах
но
я знаю
люди склонны умирать
и в любую другую
минуту

Монолог про начитанность

помню
полезли с пацанами в общежитие
баб ебать
окна первых трёх этажей
были зарешёчены
от всяких малолетних ёбарей
то есть нас
и девушки
девушки из райцентров и сёл
которые вот только избавились от родительской опеки
у которых понятно свербило не меньше чем у нас
связали одеяла
чтобы мы могли залезть на четвертый этаж
его тоже хотели зарешетить
да всё никак не доходило
нас лезло семеро по этим одеялам
я был пятым и между этажами
одеяла начали развязываться
и тогда я ощутил

во всех тонкостях ощутил себя
чайкой по имени
джонатан ливингстон

Монолог о преимуществах старости

я читал стихи буковски
когда вспомнил что собирался помыться
не на скорую руку а как следует отмокнуть
с нашампуненною головой
вылезти подобрать чистые трусы
в тон целым носкам набросить халат
подойти к зеркалу долго себя рассматривать
тщательно побриться насколько это вообще возможно
с бритвой которую в последний раз рекламировали чёрт-те когда
нанести косметическую маску из запасов любимой
подстричь ногти вспомнить что забыл про ногти на ногах
подстричь их тоже смыть маску еще раз
заглянуть в зеркало почистить зубы
и даже причесаться

на то чтобы стать старым вонючим козлом
с циррозом печени и неизвестно чем в кровати
у меня еще сорок лет есть еще время
не только на сочинение гениальных стихов

я выключил тома уэйтса и пошел в ванную

Монолог о сбережениях

черный день
впервые я услышал о нем от бабушки
которая постоянно что-то сохраняла
именно на этот случай
пока ее не завалило
накопленными ею вещами

сейчас достаточно выйти на улицу
чтобы увидеть нацию имени черного дня
если бы это касалось исключительно денег
но они откладывают эмоции
страсти только слова
не экономят слово есть Бог
а Бога никогда не бывает мало

если бы они могли они бы
экономили и жизнь
чтобы на черный день
осталось больше
чтобы жить в той тьме дольше
и чтобы никто так и не увидел
в отсутствие света всё
чего было не разглядеть
пока стояли
белые дни

Монолог об источниках

в тот вечер я принял лишнего
собственно в тот вечер лишним
было только мое желание выпить
но была хорошая компания
добрая водка и даже сок
и я все порывался достать блокнот
и начать писать
но стихи не шли вместо этого
я насасывался пока мир
не начал разлезаться перед глазами
старой растянутой простыней
и я пополз в сортир блевать

делал это пока
из меня вместо отвертки
не пошёл желудочный сок

или что там такое кислое
с металлическим привкусом
и созерцаая желтоватые потеки
на фоне белого унитаза в который раз убедился:

истинное творчество идёт из самого нутра

Монолог о трудолюбии

среди всякого информационного мусора
случилась как-то новость
об известной телеведущей которая
в расцвете лет разбилась
вместе с водителем своей
ОЧЕНЬ ДОРОГОЙ МАШИНЫ
подозреваю они оба были бухие
или даже обдолбанные или вмазанные –
это так характерно для владельцев
ОЧЕНЬ ДОРОГИХ МАШИН
но я не про это. Представляю
как их поломанные тела вырежут
из обломков ОЧЕНЬ ДОРОГОГО МУСОРА
и отвезут в морг
какой-нибудь студентик-практикант
которого оставили на ночном дежурстве
посмотрит на чудом незатронутое
лицо знаменитой телеведущей
и поймет что с его стипендией
а потом и зарплатой работника морга
ему никогда больше не случится
быть так близко к знаменитости
трогать перебирать волосы
смотреть на ее израненное
но все еще прекрасное тело
он знает и ты знаешь
что самым большим жизненным достижением
будет выиграть двух одноклассниц за ночь
потом его будет ждать толстая жена

с тремя детьми вечерний телевизор пиво и
скудный семейный секс

и что же случится в жизни этого практиканта?
что случится спрашиваю я тебя когда
к нему в морг привезут телезвезду?

я уверен что с того дня
он полюбит свою работу

Два монолога о потерях

I

случай – очень коварная штука

ты уже засыпаешь. Я
досматриваю новости. Затурканная дикторша
сонно сообщает о том
что лет через пять
в каждой украинской семье
будет больной СПИДом

любовь моя
мне еще не будет тридцати
я еще буду писать стихи и иногда
перед сном
буду смотреть новости
прежде чем заболеть СПИДом

потому что
один человек это тоже семья
а украинские новости
похоже перестали врать

II

еще в тех новостях сказали
что в этом году в школу

впервые пойдут дети больные СПИДом
а я еще удивлялся с чего это
какие-то люди средних лет
пикетируют горсовет

родители значит относительно здоровых детей
если бы им позволили
они бы взяли за ружья –
вряд ли
отважились бы воспользоваться
холодным оружием

а бледные первоклассники с большими глазами
еще успеют пореветь из-за двойки
еще будут удивляться почему учительница
не подойдет помочь с задачей
почему у них никто не одалживает ластик с линейкой
не предлагает поиграть после уроков в футбол
я уверен
они еще выберут себе профессию
и будут прицеливаться к вузу
еще успеют влюбиться
и даже потерять невинность с кем-то
у кого такой же диагноз

и я перестану смеяться над бигбордом
“ДЕТИ – НАШЕ БУДУЩЕЕ”
поставленным у въезда на кладбище

Монолог о лозунгах

знаешь
я никогда не видел как идейные
приковывают себя к дверям и решеткам
это такой знак протеста
самого протеста нет

свобода

правда я помню майдан и как мы
сцепились руками на тренировке
по обороне палаточного городка

равенство

а еще в кино бывало показывали
эффектным жестом застегивают одни
наручники на детективе и бандите

братство

и что это значит против наших
державшихся друг за друга мизинцев

любовь

Монолог о развитии

ну так
она сидела там уже несколько месяцев
молодая женщина с младенцем на руках
и пластиковый стаканчик с мелочью

иду на обед с пустыми карманами
с ними и возвращаюсь
а она там сидит
иногда повернет голову мне вслед
порой шевелит губами
в ответ на звон падающей мелочи
такая совсем молодая

у меня никогда нет денег
ну чтобы с собой
а у людей временами бывает
но это ничего не меняет –
она сидит
я прохожу мимо

она поворачивает голову мне вслед
мне становится неудобно –
на меня надеются
а я подвожу свинья такая
как после этого верить людям

сегодня увидев ее
я привычно сглотнул маленький стыд
и собирался об этом забыть
но через квартал снова ее увидел –
сидела с младенцем а спереди –
стаканчик с мелочью

когда еще через квартал я увидел ее в третий раз
кое-что для меня начало проясняться
хорошо – подумал я
вот как это все происходит
таинственный процесс выдумывания
нового типа японских ужастиков
оно и правильно –
маленькая утопленница
должна была когда-то вырасти и стать мамой
будет нам всем повод проникнуться
и мелочь здесь ни при чем

в самом деле
старые ужастики отживают свое
кого теперь испугаешь чудовищами
домом
звонком
больше всего в детстве я боялся беременных –
человекоподобных существ со странной походкой
я и сейчас чего там их немного боюсь
страх вызывает тайна
поэтому ничего страшного
когда тебя расстреливают
но если девушка с ребенком
мерещится тебе несколько раз на дню
и ты не знаешь зачем это ей и уж точно –

зачем это тебе и кто вообще вспомнил
тот стертый сюжет
из какой-то христианской книжки
которую верно никто так и не осилил до конца –

попробуй тогда помолиться

Монолог про мужественность

видишь Шуня
когда по образовательным каналам
показывают всякие катастрофы –
торнадо наводнения землетрясения
это им важно совсем не то
как срывает дерьмовые домишки
а никому не нужные джунгли присыпает пеплом
кто бы мог подумать даже кадры
вздувшихся обгорелых и расчлененных
для них только повод для эффектного плана
точь-в-точь как в домашних альбомах
срака-мотыга а я и в самом деле вот только
начал верить в исключительное мужество ведущего
о которой написал нанятый сценарист
и теперь толкует уверенный закадровый голос
которому неплохо оплачивают и это
и фразу “не пытайтесь это повторить”
слышишь милая нам запрещают это повторять
может у нас и не будет необходимого снаряжения
крутого оператора и отрепетированных жестов
но мы могли бы съездить куда-нибудь
где со стихийными бедствиями лучше чем у нас
чтобы и за нами и нашей драмой
засовывания конкретных голов как бы в пасть
немного последила мировая элита
в лице южной калифорнии
ведь ради чего жить вообще
если не живешь в этой калифорнии?

ответа на этот вопрос
образовательные каналы не дают

Шуня откладывает книжку
говорит к чёрту телевизор
говорит иди ко мне
хочу от тебя ребенка

Перевод с украинского Дмитрия Кузьмина

ПОЛНЫЙ САМОЛЮБОВАНИЯ И, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, САМОКРИТИКИ ТЕКСТ

Вместо послесловия

На этом месте должно было бы быть послесловие составителя. Но его нет. Альманах существует по собственным законам – самоорганизуется – живет как живой организм. Имеет смысл говорить о первом, втором, третьем, четвертом номерах. Но не о пятом, он уже есть движение как таковое, не предусматривающее никаких избыточных телодвижений. Так я считаю, хотя, скорее всего, соратники не согласятся со мной.

Тем не менее, не подводить итоги или анализировать что-либо пришли мои буковки на эти завершающие страницы, но особым образом исповедоваться. Пришло мне в голову, любезные читатели мои, рассказать вам о том, чего я не сделал и никогда не сделаю, чтобы осознали вы степень моего безволия и неумения работать с крупными текстуальными конструкциями. Я хочу рассказать о нескольких замыслах художественного (гм) плана, мною не осуществленных, но съевших изрядное количество времени и нервов. Возможно, это будет кому-нибудь забавно.

Итак:

1. Миф.

Это должен был быть роман, так сказать, деконструирующий саму идею романа-мифа. Так сказать, наш ответ Мелетинскому. Сохранился довольно богатый архив, состоящий из разрозненных фрагментов. Мне хотелось попробовать писать, используя набоковскую методику карточек. Однако, помимо карточек, как оказалось, надо еще что-то уметь писать.

Собственно, помимо фрагментов, ничего и не осталось. Понятно, что это должен был быть роман воспитания, превращение обычного юноши в культурного героя. Но как, что? Груда фрагментов, а как их собрать воедино, я не знал.

Многочисленные осколки текста были использованы (среди прочего) в тексте-конструкторе «Случайные догадки, или Справочник».

2. Город птиц

Параллельно писавшаяся повесть (или роман?). Я был заворочен тогда топологией, всяческой фрактальностью, парадоксальными фигурами. Вместе с тем, меня очень возбуждала тогда идея двоимирия не в барочном или символистском смысле, типа долнее / горнее, но в этаким соотношении высокой и сниженной модели одного и того же явления, - не деформированного сниженным вариантом, но, скорее, приближенного к бытовой плоскости. Эпиграфом должно было стоять: «Какой же город мы, пичуги, выстроим?» - из «Птиц» Аристофана (в пер. Адр. Пиотровского).

Собственно, это была в проекте (и той части, что существует на бумаге) история путника, попадающего в неведомый город. Город, состоящий из бесконечного числа несвязанных или связанных странными способами персонажей и институций. И герой вступает с ними в различные взаимодействия, пытаюсь понять смысл этого города – который заключается в неведомом глазу возвышенном городе-двойнике, Городе Птиц. Звучит как помесь Радова с Кафкой, но могло получиться красиво. Нечто подобное потом написал Вадим Бабенко в «Черном пеликане», но у меня вышло б изящней.

В отличие от «Мифа», этот текст писался сплошняком, причем от руки (!!!), и написано где-то было около листа (сейчас я с ужасом представляю себе этот процесс).

Неудача с этими двумя текстами должна была бы убедить меня в невозможности написать крупную прозу, но я сопротивлялся.

3. Тесей и Эдип

Еще одна попытка, совсем в начале приостановленная, написать мифологическую повесть. Здесь рассказывалось бы о приюте, который Тесей дал престарелому Эдипу, и о странной кончине Эдипа (которого боги забирают с собой, и Тесею единственному это дано увидеть). Сохранилась в архиве лишь первая, вполне пажонская фраза повести: «Это Эдип. Он идет на трех ногах. Он жалок. Можно сказать иначе – его жалко, вернее, жаль, что он – всё еще, по сути дела, он, хотя, на деле, и не он вовсе».

4. Перовская Республика.

Самый долгоиграющий, разработанный и любимый план романа. Мне жаль до сих пор его. Однако обилие конспирологи-

ческих текстов, появившихся в последние десять лет, заставляют забыть об этом начинании.

Идея возникла у нас совместно с моим школьным другом Шурой Нечаевым, ныне – крупным функционером на телевидении, – еще в 10-м классе. Выяснив, что Перово (где жил Шура) было до 1960 г. отдельным городом, мы начали вынашивать планы отделения этого района от Москвы (подобные планы Евгений Лесин вынашивает ныне в отношении Тушино). Дальше покатилося: почему только от Москвы, можно вообще объявить независимость и т.п. Не оригинально, каюсь: «Миротворцев» Бориса Фалькова я читать тогда не мог, да и не было их тогда по-русски, только в немецком переводе, но «Любимов» Синявского был читан. Впрочем, перовский сепаратизм был лишь предлогом к дальнейшим событиям, которые начали выписывать у меня. На протяжении почти десяти лет создавались довольно пространные фрагменты, изменялся общий план и т.д.

В конечной версии дело было так. Появляется в некоей продвинутой школе новый учитель, этакий лишний человек новой формации, звать Петр Павлович (имя взято из отроческой повести «Досмотр»). В школе происходят странные дела. С одной стороны, директор творит какие-то махинации. С другой, старшеклассники творят непонятные дела, явственно пахнет заговором. Постепенно герой убеждается, что эти события взаимообразны, что это – своеобразная игра, шахматная партия между директором и Ко – и школьниками. Объявление Перово независимым государством – цель лишь внешняя, хоть и тайная, за ней таятся еще более суровые замыслы. Постепенно П.П. (как Петр Павлович постоянно именуется) сходит с ума, однако ему удается – ценой собственного разума – разорвать цепь заговора, остановить игру.

Была написана большая часть выступления, ряд отдельных глав, в т.ч. из боковых сюжетов, например, пародия на наш тогдашний с Алексеем Корецким кружок «Междуречье», пространный монолог П.П., в момент понимания тайн бредущего сквозь вечерний город и разговаривающего сам с собой, еще что-то. Там много было вполне милого: исландская сага, являющаяся переложением рассказа А.Н. Толстого «Русский характер», фрагменты романа Майкла Дугласа Фостера «Мыловарня в Стратфорде» (который появляется у меня во многих последующих текстах), переведенного с английского Иннокентием Корфом по имеющемуся

у него оксфордскому изданию: «Бочары и пекари, каретники и оружейники, кровельщики, мясники, ткачи и краснодеревщики почтенны, почтенны камнетесы и лесорубы, почтенны торговцы, лекари почтенны, золотари почтенны, почтен мних, нищий и его королевского величества двора поставщик; почтеннее же всех — путник, забредший в город, где не ищет равным счетом ничего. Он въезжает в городские ворота утром, никем — кроме безразличных ко всему, помимо мзды, стражников — не замеченный; тело его образует нечто вроде жерди, предназначенной для подпираания чего-либо, на голове у него — предмет неизвестного происхождения, скорее сосуд, нежели убор. Его конь, кажется, измучен дорогой в большей степени, чем хозяин и, удивленный собственной выносливостью, нетвердо ступает по стратфордской мостовой. Путник улыбается непонятно чему. У него, нельзя не отметить, дурацкая улыбка. Солнце встаёт, его лучи перебирают черепицы стратфордских крыш. Путник едет, жмурясь. Ему встречается нищий, он здоровается с ним. Нищий шарахается в сторону: на своём веку он всякого повидал, но такого! Кляча проносит неестественно высокого рыцаря с тазиком на голове; поворот скрывает всадника и коня». И еще кое-что (например, из руин романа вырос рассказ «Три кита»).

Но увы. Засилие конспирологии в новейшее время делает данное сочинение бессмысленным. А некоторые фрагменты жаль, их нигде уж не используешь. Например, такой (первое посещение П.П-чем квартиры Корфа, где устраивались литературные посиделки – аллюзии на литжизнь 90-х пытливым читатель угадает сам):

«П.П. вошел в фатально вонючий подъезд, поднялся на девятый этаж (лифт эдакой немодной конструкции, с деревянными дверцами, кои надлежит открывать-закрывать вручную), позвонил. Отворив дверь, Корф видимым усилием воли придал лицу выражение радостного гостеприимства и провел П.П. в комнатушку, заполненную книгами (расставлены по цвету, синенький корешок к синенькому, кстати, так все символисты оказались рядом, зелененький к зелененькому; книжные полки уставлены всякого рода стеклянными минизверюшками, якобы экзотическими раковинами и пр. приметами эстетизма, ушедшего в подполье) и людьми. За столом сидели (точнее будет сказать — неподалеку от стола, т.к. стол придвинут к книжному шкафу и рассесться вокруг ну никак не возможно): 1) неопределенно-вос-

точного вида пухлый юноша, неопрятно бородатый и безусый, в дырявых носках и с культурной иерархией во взгляде (он сидел на кресле в позе будды); 2) стриженный наголо гном в потертом пиджаке и клешах с бубенчиками, с буратиновым носом и рейверской бородкой; 3) молодой человек в очках и при галстукке, вида атлетически-чахоточного, типа того, как изображают героев раннего Сирина дурные иллюстраторы ; 4) мальчик лет чуть более двадцати, напоминаящий то ли семинариста-троечника, то ли уцененного демона, весь в черном, обильная растительность на лице. Кроме того, наличествовали две девицы, Варенька и Настенька: Варенька похожа на полевого грызуна, сильно откормленного (впрочем, исключительно фест-фудом) и обратившегося к ценностям духовным с тем же рвением, что некогда — к злакам и пр. кормовым и полукормовым муравкам. Не исключено, однако, что то была Настенька. Вторая девица, как бы ее не звали, не поддавалась осмотру, сокрытая в тени шкафа. Собственно говоря, проверещал Иннокентий Корф, все в сборе, правда, хотела придти еще Катенька, но мы ее ждать не будем. Корф представил гостю присутствующих. Эпигон Майтрейи, Юра, оказался аспирантом-филологом из Якутии (как тут не вспомнить писателя Рытхэу, подумал не в меру образованный П.П.) и поэтом; набковский очкарик, Эдик, — подающим надежды физиком, частно практикующим (по преимуществу с лолитообразными девками, опять неудачно подумал гость) и тоже поэтом; демон-семинарист, Денис, — пятикурсником Академии им. Шолохова и снова, как ни смешно, поэтом. Лишь коротышка в клешах, к облегчению, представился прозаиком. Его звали Гена Крокодил (судя по всему, в частности, учитывая погоняло, отсутствующее у прочих собравшихся) он некогда тусовался в Системе и все излишества минувших лет (пиздюли на трассе, кумар, бодун в обезьяннике, верность мандавошек) отобразились на его востроносом лице. А Варенька оказалась-таки Настенькой. Одна из девиц предназначалась исключительно для антуража, другая (П.П. так и не понял, кто именно) была сокурсницей Дениса (бывшей, потому что, в самом деле, какой уважающий себя человек станет заканчивать сей ненормативный вуз); барышня душевно тонкая и высокообразованная, она принципиально ничего не писала (впрочем, ее пародию на Пригова напечатали в журнале «Юность»), только из-

редка (в моменты особого подъема, надо полагать) чертила каких-то черно-бурых чертей и анемичных ангелов на подсобных бумажках. Корф с Денисом считали оные почеркушки духовными ценностями, с воплями делили между собой и хранили в своих заветных сундуках.

До прихода П.П., оказывается, говорили о Тиме Фомине. Все его ругали, конечно, только Денис хвалил (Тима его напечатал пару раз, а других не хочет, графоманы, говорит); Крокодил же высказывался двусмысленно, в своей, предположил П.П., обычной манере, каковую не составляет труда вычислить по физиономии говорящего, тембру его голоса и состоянию обуви. Варенька (может все-таки Настенька?) спросила П.П., не знаком ли он с Тимой, и П.П. отвечал: знаком, мол, хотя и шапочно, болтали с ним разок-другой в Боборыкинке. Ага, фоменьш! вскричал младший брат Рытхэу, и экспансивно высморкался, а Эдик ехидно поинтересовался, не печатался ли он, П.П., в безгранично идиотском журналишке этого самого злोकлятого Тимы под не менее идиотским названием «Аркадия»? Нет, голос П.П. был тверд, я даже не видел издания со схожим заголовком. И вообще, я ничего не пишу.

НЕ ПИШЕТЕ?!!! — вскричали все (только инфернально-богословский шолакадемец вскричал «Не пишешь?», т.к. минутой раньше категорично предложил перейти на «ты», а то, сказал, как-то неуютно на «вы»).

Не пишу, отвечал горделиво П.П.

ЧТО ЖЕ ВЫ ДЕЛАЕТЕ?!

Ну, замылся гость, читаю. Преподаю литературу и русский старшим классам в некой гимназии. Кофе пью, пиво. Гуляю по Москве.

ЧИТАТЕЛЬ!!! — раздался радостный крик всех собравшихся. Он читатель!! (Крокодил, правда, не кричал, он бубнил что-то вроде: ну, и так бывают, бывает с людьми и такое).

Тут в дверь зазвонили, Иннокентий предположив вероятность Катеньки, впустил новоприбывшего, каковой оказалась не Катенька, но Оленька, эффектная дама лет двадцати восьми, похожая на комическую любовницу из советских довоенных оперетт, такая, как бы объяснить, с канапушками. Здесь читатель! — объявили ей, тыча пальцем прямо в свитер П.П. Ах, ЧИТАТЕЛЬ! Оленька оказалась литературным критиком новой формации. Ее

чрезвычайно интересовала проблема читателя, по преимуществу в теоретическом аспекте».

Как-то так.

5. Комедия заговорщиков, или Ася Витгенштейн, которая всех подставила.

В отличие от предыдущих текстов, это – пьеса. Причем продуманная полностью, до мелочей, и до четверти написанная набело. Может быть, я ее когда-нибудь еще напишу. Или кто-нибудь другой напишет. Но вряд ли. А ведь это мог бы быть самый любимый мой собственный текст.

Не на уровне идей и сюжета, но пафосом и интонацией на замысел повлияла пьеса Дюрренматта «Подельник».

Сюжет таков: сидят леваки на флэту в каком-то областном волжском городке (за окном должна была виднеться Великая Русская Река), варят винт и разговаривают о том, как взорвать резиденцию губернатора. И тут появляется тусовая девка из Питера, называющая себя Ася Витгенштейн (почему так – не спрашивайте, придумалось и всё), лет шестнадцати-семнадцати. Она сбежала от родителей (а отец, меж тем, полковник ФСБ) и хочет жить у неформалов. И вот, на протяжении пьесы, Ася эта вступает в разнообразные достоевские взаимоотношения с персонажами, полностью разрушая их жизнь (кто-то кончает с собой, кто-то идет сдавать товарищей и т.д.). В какой-то момент появляется папа Аси, полковник, приехавший забрать ее (безуспешно). Тут-то и срабатывает основной замысел: и страшный полковник, которым Ася всех пугала – мямля и архивист, и анархи ничего не взорвут никогда, и даже участковый приходит на квартиру не наркоманов арестовывать, а сам вмазаться. В конце все жизни разворочены, и Ася, потусовавшись, отправляется в новые приключения. Остается один хозяин квартиры, единственный, не участвовавший в перипетиях, - и обходит сцену, ожидая новых гостей.

В пьесе должны были быть соблюдены три единства. Вообще, всё очень строго было подумано. Но – подчеркну – мне казалось, что эпоха должна была быть фиксирована ельцинская. А имеет ли в нынешние времена смысл горько потешаться над всей этой темой – еще не факт.

Сведения об авторах:

Алёна Агеева родилась в 1984 г. Работает маркетологом, проводит психологические занятия для юных журналистов в ДТМ «Улица Творческих Я», участвует в постановках театра пантомимы и ритмопластики «Преображение». Участница поэтических фестивалей в Вологде, Чебоксарах, Нижнем Новгороде, лауреат конкурса «Молодой Литератор» (Нижний Новгород 2007, 2008). Живет в Нижнем Новгороде.

Наталья Азарова родилась в 1956 г. Окончила филологический факультет МГУ, кандидат филологических наук (диссертация «Окказиональные слова в испанской художественной прозе XVII и XX веков»). Автор учебного пособия «Текст» для школьников и студентов (два тома, несколько переизданий). Книги стихов: «Телесное-лесное» (М.: РИК Русанова, 2004), «57577: Переписка в форме традиционной японской поэзии» (М.: GNOSIS-LOGOS, 2004; совместно с Анной Альчук), «Цветы и птицы» (графика Алексея Лазарева; М.: Логос; Гнозис, 2006), «Шутки после ужина» (М.: Логос; Гнозис, 2006; совместно с Борисом Констриктором), «Буквы моря: Поэма-орнамент» (графика Алексея Лазарева; М.: Издательство Руслана Элинина, 2008). Живет в Москве.

Айвенго (Андрей Стеценко). Публиковался в альманахе «Тритон», журнале «Футурум арт», сборнике «Легко быть искренним», антологии «Нестолничная литература» и др. Автор нескольких самиздатских стихотворных сборников. Организатор художественно-поэтической группы «Олимпийские игры». Живет в Тольятти.

Анастасия Афанасьева родилась в 1982 г. Окончила Харьковский медицинский университет, врач-психиатр. Публикации в журнале «Воздух», альманахах «Вавилон» и «Союз писателей», в Интернете. Выступала также с прозой non-fiction и со статьями о современной поэзии. Лауреат «Русской премии» (2007), премий «ЛитературРентген» (2007) и «РЕЦ» (2005); финалист премии «Дебют» (2003). Книги стихов «Бедные белые люди» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2005.), «Голоса говорят» (М.: Европа, 2007), перевод (совм. с Д. Кузьминым) книги стихов Олега Коцарева «Стечение обстоятельств под Яготиным» (М.: АРГО-РИСК, 2009) и другие переводы с украинского. Живет в Харькове.

Павел Байков родился в 1958 г. Пишет с 1979 г. Всё сделанное до 1990 г., кроме комбинаторной поэзии (палиндромы и омограммы), было уничтожено автором. В 2002 г. составил авторскую книгу «Конец оценок». Комбинаторные опыты вошли в «Новую антологию палиндрома» (М., 2008). Стихи публиковались в журналах и альманахах «Крещатик», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер», «Словолов», «Другие берега», «ДРУГОЕ полуШАРие», «45-я параллель», альманахе Академии Заумы и других. Постоянный участник Фестиваля экспериментальной поэзии «Лапа Азора» и других фестивалей, лауреат Фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» 2006 г. Стихи переводились на болгарский язык. Живет в Петербурге.

Игорь Бобров родился в 1985 г. в Донецке, 1989 - 1991 гг. жил в Будапеште. Окончил исторический факультет Донецкого национального университета. Публикации стихов в журналах «Арион», «Волга-XXI век», «Новая Юность», «Новые облака» (Тарту), «REFLECT... КУАДУСЕСИШЦТ» (Чикаго) и Интернете. Книга стихов «Соловей недоступен».

Мария Ботева родилась в 1980 г. в Кирове. Окончила факультет журналистики Уральского университета, учится на факультете литературного творчества Екатеринбургского театрального института. Работала журналистом в различных изданиях. Публиковала стихи, прозу, драматургию в журналах «Новый мир», «Урал», «Октябрь», «Воздух», «ZAART», «TextOnly», на сайте «Молодая русская литература», в «дебютовских» сборниках. Лауреат молодежной премии «Триумф» (2005), шорт-лист премии «Дебют» 2005, 2006 гг. Книга стихов: «Завтра к семи утра» (М.:

АРГО-РИСК, 2008), книга детской прозы: «Световая азбука. Две сестры, два ветра» (М.: Новое литературное обозрение, 2005). В настоящее время живет в Кирове, работает журналистом.

Мария Галина родилась в 1958 г. в Калининне (Твери), до 1968 г. жила в Киеве, затем переехала в Одессу. Окончила биологический факультет Одесского государственного университета и аспирантуру при кафедре гидробиологии ОГУ, кандидат биологических наук, работала в НИИ гидробиологии. С 1987 г. в Москве. С 1998 по 2001 г. работала в отделе литературы «Литературной газеты», Критические статьи публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Если», «Реальность фантастики» и др. Редактор-составитель серии интеллектуальной фантастики «Другая сторона» в издательстве «Форум». Переводила произведения С. Кинга, Дж. Вэнса, Э. Табба, К. Баркера, П. Страуба.. Лауреат премии журнала «Новый мир» «Anthologia» (2005, за высшие достижения в современной русской поэзии) и премии «Московский счёт» (2006) за книгу стихов «Неземля», ряда премий в области фантастики. Книги стихов: «Вижу свет» (Одесса, 1993), «Сигнальный огонь» (М.: СПМ, 1994), «Неземля» (М.: Журнал поэзии «Арион», 2005), «На двух ногах» (М.: АРГО-РИСК, 2009), двенадцать книг прозы.

Георгий Геннис родился в 1954 г. Воспитанник и друг скульптора и поэта Вадима Сидура. Работал редактором на телевидении и в книжном бизнесе, переводил с французского (в том числе документальные романы А. Перрьюшо о Жорже Сёра и Анри Руссо). Публикации в журналах «Арион», «Футурум Арт» и др. Книги стихов: «Стихи» (М.: Музей Сидура, 1995), «Время новых болезней» (М.: Музей Сидура, 1996), «Кроткер и Клюфф» (М.: Изд-во Р.Элинина, 1999), «Сгоревшая душа Кроткера» (М.: Время, 2004), «Утро нового дня» (М.: АРГО-РИСК, 2007). Живет в Москве.

Алла Горбунова родилась в 1985 г. Окончила философский факультет Санкт-Петербургского университета. Публиковалась в журналах «Новый мир», «День и ночь», «Дети Ра». Опубликовала также несколько статей и рецензий в журналах «Критическая масса». Лауреат премии «Дебют» (2005). Книга стихов: «Первая любовь, мать Ада» (М.: АРГО-РИСК, 2008). Живет в Санкт-Петербурге.

Сергей Гузев родился в 1974 г. в Таганроге. В период с 1991 по 1994 год учился в Таганрогском педагогическом институте на факультете иностранных языков. В 1996 поступил в Литературный институт им. Горького на отделение поэзии (семинар Евгения Рейна), где проучился вплоть до 2001 года. Печатался в литинститутской газете и в альманахе «Шестая колонна».

Данила Давыдов родился в 1977 г. в Москве, окончил Литературный институт; кандидат филологических наук (диссертация о примитивизме и наиве в поэзии). Лауреат Независимой молодежной литературной премии «Дебют» 2000 г. (номинация «малая проза»). С 1999 г. был председателем Союза молодых литераторов «Вавилон». Стихи, проза, литературная критика и эссеистика, филологические работы публиковались в журналах «Новый мир», «Критическая масса», «Новое литературное обозрение», «Воздух», «Новая юность», «Арион», «Октябрь» и др.; в различных альманахах, сборниках и антологиях. Стихи переведены на албанский, итальянский, французский, украинский языки. Поэтические книги: «Сферы дополнительного наблюдения» (М., 1996), «Кузничик» (М.: АРГО-РИСК, 1997), «Добро» (М.: «Автохтон», 2002), «Сегодня, нет, вчера» (М.: АРГО-РИСК, 2006); книга прозы «Опыты бессердечия» (М.: АРГО-РИСК, 1999). Живет в Москве.

Дмитрий Дейч родился в 1969 г. в Донецке, жил в Армении, на Крайнем Севере, в Москве и Санкт-Петербурге. С 1995 г. в Израиле. Малая проза Дейча печаталась в антологии «Очень короткие тексты», составленных Максом Фраем сборниках новой прозы «Пять имён», «Секреты и

сокровища: 37 лучших рассказов 2005 года», «Укус и крокодилы: лучшие рассказы 2006 года», «Русские инородные сказки», «Прозак», «78», журналах «Многоточие» (Донецк), «Солнечное сплетение» и «Двоеточие» (Иерусалим), «Воздух» (Москва). Живет в Тель-Авиве.

Ирина Добрушина родилась в 1928 г. в Полтаве, с 1931 г. живёт в Москве. В 1953 г. окончила мехмат МГУ по специальности «топология». Работала в Московском планетарии (1953–1955), параллельно преподавала в МАИ (1953–1956). В 1960–1961 работала на отделении машинного перевода в Московском Государственном институте иностранных языков. Стихи публиковались, начиная с 1992, в альманахе «Тёплый стан», журнале «Арион», антологии «Самиздат века» (1997). Сборник стихов и рассказов «Ключий куст» (1996) с собственным графическим оформлением.

Тимофей Дунченко родился в 1982 г. в Твери, учился на актерском отделении Санкт-Петербургской Театральной академии, ушел по собственному желанию с 3-го курса. Тексты публиковались в Интернете, а также, под псевдонимом, в журналах «Нева», «Звезда». Участник всех основных российских молодежных поэтических фестивалей. Книга стихов «Капканы дивной красоты» (М.: АРГО-РИСК, 2007). Живет в Санкт-Петербурге.

Игорь Жуков родился в 1964 г. в Коврове. Окончил филологической факультет Ивановского университета. Книги стихов: «Преимущества маленьких» (Иваново: Изд-во Ивановского университета, 1992), «Бабочка Икс» (Кинешма: Изд-во В.Гоппе, 1995), «Ястребы охлаждения» (Иваново: Изд-во «Иваново», 1999), «Язык Пантагрюэля» (М.: АРГО-РИСК, 2007), «Готфрид Бульонский» (М.: Наука, 2008); книга малой прозы «Мемориал А.И. Свидригайлова» (М.: АРГО-РИСК, 1998). Выступает также как автор стихов, прозы и радиоинсценировок для детей. С 2006 г. в Москве.

Виктор Иванів родился в 1977 г. Окончил Новосибирский университет, кандидат филологических наук (диссертация «Философский концепт и иконический знак в поэтике русского авангарда»). Печатал стихи и прозу в журналах и альманахах «Воздух», «Черновик», «Вавилон», «Стетоскоп», сборниках «Время Ч», «Черным по белому», антологии «Нестолычная литература. Шорт-лист премии «Дебют» в номинации «Короткая проза» (2002), Отметина имени Давида Бурлюка Академии Заумы (2003). Книга прозы: «Город Виноград» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2003), книга стихов: «Стекланный Человек и Зелёная Пластинка» (М.: Ракета, 2006), отдельные издания поэмы «Собутыльник Сомнамбулы» (Новосибирск, 2000). Живёт в Новосибирске.

Петр Казарновский родился в 1969 г. в Ленинграде. В городе на Неве окончил Педагогический институт им. Герцена, где защитил диплом о творчестве Л. Аронсона под руководством В. Альфонсова. С конца 80-х годов по сегодняшний день работает учителем русского языка и литературы в одной из петербургских средних школ. Стихи публиковались в журналах «Дети Ра», «АКТ» и др.

Андрей Князев родился в 1971 г. Один из участников литературно-акционистской группы «Олимпийские игры». Работает программистом. Печатался в альманахах «Майские чтения», «Окрестности», журнале «Дети Ра», местном самиздате. Живет в Тольятти.

Кирилл Корчагин родился в 1986 г. Учился в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики, аспирант Института русского языка им. В.В. Виноградова. Публиковал стихи в журнале «Воздух», альманахе «Новая кожа». Участник ряда поэтических фестивалей. Живет в Москве.

Дмитрий Кузьмин родился в 1968 г. в Москве. Окончил МГПУ, кандидат филологических наук (диссертация о моностихе). Главный редактор издательства «АРГО-РИСК», основатель Союза молодых литераторов «Вавилон», куратор многих литературных проектов. Составитель антологий «Очень короткие тексты» (М.: Новое литературное обозрение,

2000), «Нестоличная литература» (М.: Новое литературное обозрение, 2001), «Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России» (М.: Новое литературное обозрение, 2004), один из составителей тома «Девять измерений. Антология новейшей русской поэзии» (М.: новое литературное обозрение, 2004). Автор переводов поэзии и прозы с английского, французского, украинского, белорусского и др. языков. Лауреат Премии Андрея Белого (2002) в номинации «За заслуги перед литературой». Книга стихов: «Хорошо быть живым. Стихотворения и переводы» (М.: Новое литературное обозрение, 2008). Живет в Москве.

Илья Кукулин родился в 1969 г. в Москве. Окончил факультет психологии МГУ и аспирантуру филологического факультета РГГУ (диссертация по творчеству Даниила Хармса). В 2000-2002 гг. обозреватель газеты «Ex Libris НГ», в 2002-2009 гг. – редактор отдела «Практика» журнала «Новое литературное обозрение». Первый и единственный лауреат стипендии Академии Российской современной словесности для молодых литераторов (2002). Главный редактор сетевого литературного журнала TextOnly. Редактор и автор предисловия Антологии новейшей русской поэзии «Девять измерений». Живет в Москве.

Андрей Мирошкин родился в 1970 г., учился филологии и журналистике в Университете Натальи Нестеровой. Печатается с мая 1995 г. Автор примерно 2000 книжных рецензий и литературно-критических статей в прессе. Публикации в газетах «Книжное обозрение», «Первое сентября», «Московская правда», «Независимая газета», «Ре:акция», «Хамовники», журналах «Октябрь», «Вопросы литературы», «Неприкосновенный запас», «Культпоход», «Радиус города», «OM-light», сетевых изданиях «Русский журнал», «Букник», «Дирижабль» и др. Живет в Москве.

Сергей Морейно родился в 1964 г. в Москве. Окончил Московский физико-технический институт. С конца 80-х – в Риге, был близок кругу журнала «Родник». В настоящее время живет в Риге и Москве, работает в сфере дизайна и рекламы. Переводит польскую, немецкую, латышскую поэзию. Книги стихов и переводов: «More Rain Now. Клубненазначенных встреч» (Рига: Даугава, 1999), «Орден» (М.: АРГО-РИСК, 1999), «Зоомби» (Рига-М.: Алемхопс, 2000), «Там, где» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2005), «Странные пары на берегу Ostsee» (Рига: Nerutns, 2006), «*См.» (М.: Новое литературное обозрение, 2008).

Александр Петрушкин (Вронников) родился в 1972 г. в Челябинске. Проживал в Озерске, г. Лесном, Екатеринбурге. С 2006 г. живет в Кыштыме. Учредитель Литературно-художественного фонда «Антология». Инициатор издания журнала актуальной уральской литературы «Транзит-Урал». Издатель книжных серий «24 страницы современной классики», «V – Новая поэзия», «Антология РЕАльной Литературы». Организатор конкурса молодых литераторов «Стилисты Добра», фестиваля литературы Урала и Сибири «Новый транзит» и фестиваля нестоличной поэзии им. Виктора Толокнова. Куратор поэтического семинара «Северная зона». Лауреат 1-й степени регионального фестиваля литературных объединений «Глубина» (2007). Шорт-лист литературного конкурса «Tamizdat», шорт-лист премии «ЛитератураРентген» (г. Екатеринбург) в номинации «Фиксаж» (2005, 2006), лауреат премии «ЛитератураРентген» (г. Екатеринбург) в номинации «Фиксаж» (2007) как лучший нестоличный издатель поэтических книг. Книги стихов: «Оборотень» (Челябинск, 1998), «Улитка дыхания» (Челябинск, 1999), «Флейта Искарриота» (Челябинск, 2002), «(В)одный ангел» (Челябинск, 2004), «Анатомия» (Челябинск, 2005), «Я полагаю, что молчанья нет...» (Нижний Тагил, 2007), «Кыштым» (Челябинск, 2008).

Андрей Сен-Сеньков родился в 1968 г. в Таджикистане, окончил Ярославскую медицинскую академию, публиковался в журналах: «Вавилон»,

«Арион», «Черновик» (США), «Новое литературное обозрение», «Воздух», «Юность», «Уральская новь» и др.; в различных антологиях и сборниках. Поэтические книги: «Дерево на склоне слезы» (1995), «Живопись молодизмом» (1996), «Гайная жизнь игрушечного пианино» (1997), «Танец с женщиной, которая немного выше» (2001), «Дырочки сопротивляются» (2006) (все – изд-во «АРГО-РИСК», Москва). «Заостренный баскетбольный мяч» (Челябинск: Энциклопедия, 2007). Стихи переведены на английский, французский, немецкий, итальянский и голландский языки. С 2002 г. живет в Москве.

Юлия Скородумова родилась в 1964 г. Окончила филологический факультет МГУ. Автор нескольких книг стихов. Участник многих театральных, поэтических и музыкальных фестивалей. Стихи публиковались в различных журналах, альманахах и коллективных сборниках в России и за рубежом, переведены на английский, французский и немецкий языки. Книги стихов: «Откуда приходит мышь» (М.: Евродил, 1991), «Чтиво для пальцев» (М., 1993), «Сочиняя себе лицо» (М.: АРГО-РИСК, 1997). Живет в Мытищах.

Илья Стронговский родился в 1982 г. в Житомире. Студент-заочник филфака Житомирского педуниверситета. Фрилансер (журналистика, компьютерный дизайн). Член творческого объединения «Оксия». Наравне с Олегом Левченко, Вероникой Кавун и Романом Здориком является идеологом нового творческого направления постфутуризм (последующее). Член Союза журналистов Украины. Печатался в самиздате и коллективных сборниках.

Мария Таишова родилась в 1982 г. Окончила Нижегородский государственный лингвистический университет по специальности «Связи с общественностью». Публиковалась в журналах «Воздух», «Нева», «Новый берег», электронном альманахе «РЕЦ», других интернет-проектах. Лауреат премии «Молодой литератор» (Нижний Новгород, 2007). Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2006, 2007), лонг-лист премии «Литературентген» (2007). Участник ряда региональных поэтических фестивалей. Книга стихов: «Все рыбы» (М.: АРГО-РИСК, 2008). Живет в Нижнем Новгороде.

Владимир Тучков родился в 1949 г. Окончил Московский лесотехнический институт. Работал схемотехником и программистом. В 90-м году перешел на журналистскую работу. Лауреат Фестиваля малой прозы им. Тургенева. Награждался премиями журналов «Новый мир» и «Магазин Жванецкого». Автор книг прозы: «Записки из клинической палаты» (М.: МышьЪ, 1992), «Русская книга людей» (М.: Новое литературное обозрение, 1999), «Танцор. Ставка больше, чем жизнь» (М.: Захаров, 2001), «Танцор-2. Дважды не живут» (М.: Захаров, 2001), «Танцор-3. И на погосте бывают гости» (М.: Захаров, 2001), «Танцор-4. Скованные одной цепью» (М.: Захаров, 2002), «Поющие в интернете. Сказки для взрослых» (М.: Захаров, 2002), «И заработал иного долларов... Новые русские сказки» (М.: Новое литературное обозрение, 2005), «Блеск и нищета европейских монархов» (СПб.: Зебра Е, 2006), «Последняя почка» (СПб.: Лимбус Пресс, 2008). Живет в ближнем Подмосковье.

Юрий Цаплин родился в 1972 г. Окончил радиотехнический факультет Харьковского авиационного института. Стихи и малая проза публиковались в журналах «Новый мир», «Арион», «Воздух», «Соты», «Наш», «Черновик», «Зарубежные записки», «Полдень, XXI век» и др., альманахах «Вавилон», «Окрестности», «Новая кожа», «Временник Новой Камеры хранения», «Паноптикум», «Двуречье», антологиях «Освобождённый Улисс», «Очень короткие тексты», «Время “Ч”», в Интернете. Переводил современную поэзию с украинского. Долгое время был соредактором журнала

«Союз писателей». Книга малой прозы «Маленький счастливый вечер» (Харьков: Лествица Марии, 1997). Живет в Харькове.

Наталья Черных родилась в 1969 г. в Челябинской области в закрытом городке между Касли и Кыштымом. Работала библиотекарем, уборщицей и др. Несколько книг издано в самиздате. Графические и живописные работы, бук-арт. Публиковала стихи и малую прозу в газете «Русская мысль», альманахах «Вавилон» и «Окрестности», журнале «Воздух», в антологии «Девять измерений» и др; также публиковалась эссеистика. Лавуреат II Филаретовского конкурса религиозной поэзии (2002). Куратор сайта «На середине мира: Поэзия глазами христиан». Книги стихов: «Приют» (М.: АРГО-РИСК, 1996), «Вид на жительство» (М.: АРГО-РИСК, 1997), «Родительская суббота» (М.: АРГО-РИСК, 1999), «Третий голос» (М.: АРГО-РИСК, 2000), «Тихий праздник» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna, 2002), «Светильник» (М.: Автохтон, 2006), «Камена» (М.: Изд-во Р. Элинина, 2007). Живет в Москве.

Ян Шенкман родился в 1975 г. в Москве. Окончил журфак МГУ, работал в «Огоньке» и «Независимой газете». Стихи и статьи публиковались в журналах «Арион», «Октябрь», «Знамя», «Новый Мир» и других. Книги стихов, прозы и эссеистики: «Голубь идущий» (СПб, «Красный матрос», 2001), «КТОЯ» (СПб, «Красный матрос», 2003), «Книга учета жизни» (СПб, «Красный матрос», 2005), «Скоро придет конец птице, оглохшей от собственного пения» (М.: Воймега, 2008). Живет в Москве.

Алексей Шенелёв родился в 1978 г. Окончил Тамбовский университет, кандидат филологических наук (диссертация «Ф.М. Достоевский в художественном мире В.В. Набокова. Тема нимфоплегии как рецепция темы «Ставрогинского греха»). Стихи публиковались в альманахах «Вавилон» и «Черновик», журнале «Арион», антологии «Нестолычная литература» и др. Шорт-лист премии «Дебют» (2002) в номинации «Крупная проза». Член Академии Зауми, лидер авангардной группы «Общество Зрелища». Книга стихов: «NOVOKAIN OVO» (Тамбов, 2001); книги прозы: «Echo» (СПб.: Амфора, 2003), «Maximum exxtremum» (М.: Кислород, 2008). Живет в Подмоскowie.

Татьяна Щербина родилась в 1954 г. Окончила филологический факультет МГУ. До 1986 года публиковалась в самиздате (6 книг и публикации в журналах неофициальной литературы). В 1991-1995 гг. в Мюнхене и в Париже, с 1995 г. снова в Москве. Работала в журналистике: корреспондент радио «Свобода», главный редактор журнала «Эстет», обозреватель газеты «Коммерсантъ-Daily». Премия по поэзии Национального центра литературы Франции (1994). Книги стихов, прозы, эссеистики: «0-0» (М.: ЛИА Р.Элинина, 1991), «Parmi les alphabets» (Париж: Le Castor Astral, 1993; на рус. и фр. яз.); «Жизнь без» (М.: Библиотека журнала «Золотой век», 1997), «Диалоги с ангелом» (М.: Изд. Руслана Элинина, 1999), «Книга о хвостатом времени...» (М.: Митин журнал; Тверь: Kolonna Publ., 2001), «Прозрачный мир» (М.: ЛИА Р. Элинина, 2002), «Лазурная скрижаль» (М.: ОГИ, 2003), «Запас прочности. Роман» (М.: ОГИ, 2006), «Побег смысла» (М.: АРГО-РИСК, 2008), «Они Утонули» (М: ИД «Юность», 2009); публикации переводов французской поэзии.